

И.С.А.С.Д

Александр Окаев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Окаев
И.С.Х.О.Д Глазами Стража

«Автор»

2026

Окаев А. В.

И.С.Х.О.Д Глазами Стража / А. В. Окаев — «Автор», 2026

Шёл 2189 год. Мир, каким его знали прежде, перестал существовать. Огромные города, символы человеческого прогресса, один за другим поглощали «чёрные дыры» искаженной реальности. Никто не знал, откуда взялись эти аномалии, почему они нападают и как их остановить. В России, как и повсюду, привычная жизнь сменилась бесконечной борьбой за выживание. Вместо мегаполисов остались руины, окруженные зонами отчуждения. Вокруг этих зон, за колючей проволокой, выросли гарнизоны волонтеров, пытавшихся сохранить подобие порядка среди хаоса. Именно в одном из таких гарнизонов, в баре под названием «Штольц», и начиналась история Чёрного..

© Окаев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	56
Глава 3	91
Глав	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Александр Окаев

И.С.Х.О.Д Глазами Стража

Глава 1

ПРОЛОГ

Объект: Сектор 8, Сектор глубокого бурения

Уровень доступа: «Красный»

Время: Засекречено

Тусклый, мертвенно-синий свет аварийных диодов отражался в кафельной плитке, покрытой сетью мелких трещин от постоянных микроземлетрясений. Воздух здесь был искусственно стерильным, но сквозь резкий запах синтетического спирта и озона пробивался едва уловимый, давящий на психику душок сырости и чего-то первобытного, звериного — запах самого Искажения.

На тяжелом операционном столе из хирургической стали, намертво пристегнутый широкими кевларовыми ремнями, лежал молодой парень. Его грудная клетка едва заметно вздымалась — глубокий химический наркоз отключал сознание, но не базовые рефлексы тела. Вокруг суетились двое в герметичных белых комбинезонах, поверх которых были надеты тяжелые свинцовые фартуки.

— Показатели в норме, профессор, — глухо, сквозь вокодер маски произнес ассистент, не отрывая взгляда от монитора, где ползла зеленая кривая кардиограммы. — Синаптическая активность мозга снижена до предела, но стабильна.

Пожилой мужчина с глубокими залысинами и изрезанным морщинами лицом коротко кивнул. В руках, затянутых в толстые перчатки, он держал массивный пневматический шприц-инъектор, наполненный густой, мерцающей в полумраке субстанцией цвета темного пепла.

— Приступаем к фазе внедрения, — голос профессора был сухим, абсолютно лишенным эмоций. — Фазовый экстракт «Ткач-Облом». Образец семь-три.

Игла с тихим пневматическим шипением вошла в вену на шее парня. Тело испытуемого мгновенно дернулось, мышцы натянулись, как стальные тросы, кевларовые ремни жалобно закрипели, врезаясь в плоть. Кардиограмма на мониторе взбесилась, выписывая безумные рваные пики, но через секунду снова выровнялась в ритмичный зигзаг.

— Температура тела стремительно растет... 38... 39... — диктовал ассистент, и в его искаженном электроникой голосе проскользнула откровенная тревога. — Идет принудительная перестройка нейронных связей. Ткани принимают чужеродный фазовый код. Невероятно... отторжения нет. Клеточный распад не зафиксирован.

Профессор отложил инъектор и стянул испачканные перчатки. Он подошел к парню и бесцеремонно оттянул ему веко, посветив в зрачок узконаправленным медицинским фонариком.

— Мы создаем идеальный проводник, коллега. Если всё пойдет по нашему плану, его мозг сможет взаимодействовать с границами Пустоты напрямую. Ментальное подавление, устойчивость к фазовому безумию, возможно, даже контроль над локальными гравитационными узлами, как у доноров материала.

— Но, профессор, — ассистент оторвался от приборов. — Уровень его собственной восприимчивости сейчас строго нулевой. Даже если изменённая ДНК полностью приживется, это будет просто спящий мутаген. Как термоядерная бомба без детонатора.

Старик холодно усмехнулся, глядя на бессознательное лицо парня.

— Вы совершенно правы. Сейчас он — просто пустой сосуд. Беспольный кусок мяса с уникальным, скрытым потенциалом. Чтобы гены активировались, нужен внешний триггер.

— Какой именно?

— Мощнейший энергетический всплеск. Фазовый шторм невероятной силы, который пропустит через его центральную нервную систему гигаватты искаженной энергии и буквально «включит» эту спящую спираль. Пока этого не произойдет, он останется обычным человеком. Он может прожить в Оплоте всю свою жизнь, стать хорошим наёмником и даже не узнать, что он такое на самом деле.

Профессор щелкнул тумблером, выключив направленную лампу над столом и погрузив лицо парня в спасительный полумрак.

— Готовьте его к крио-транспортировке на поверхность. Если он выживет после пробуждения и периода адаптации — мы продолжим наблюдение издалека. Если нет... Пустота спишет этот расходный материал.

Металлическая каталка с гулким грохотом катилась по длинному, вымороженному коридору бункера. Ритмичный стук полиуретановых колесиков о стыки бронированных напольных плит эхом отлетал от бетонных стен, заглушая низкочастотное гудение фильтрационных установок. Свет люминесцентных ламп выхватывал из полумрака затертые номера секторов: «Б-12», «Б-13»... Вооруженные санитары толкали каталку молча, их лиц не было видно за глухими шлемами замкнутого цикла, лишь слышалось тяжелое, размеренное дыхание через кислородные фильтры.

Взгляд бессознательного, но уже меняющегося разума парня словно скользнул в сторону, где одна из массивных герметичных дверей осталась приоткрытой. Из проема несло могильным, абсолютным холодом, а стальной пол у порога был подернут толстым слоем сизого инея. Внутри, в мертвенно-синем свете резервного освещения, рядами выстроились массивные вертикальные изотермические колбы, наполненные мутной гелеобразной жидкостью. В каждой из них безвольно парили человеческие силуэты, опутанные сетью армированных трубок и нейродатчиков.

У одной из камер, где бронестекло было очищено от изморози лучше других, стояли два дежурных лаборанта. Внутри, словно спящая красавица в чудовищном высокотехнологичном саркофаге, парила девушка. Её густые рыжие волосы, напоминающие языки застывшего пламени в этом царстве льда, медленно колыхались в плотном питательном растворе, обрамляя бледное, но поразительно красивое, спокойное лицо.

Двое лаборантов, стоявших у консолей жизнеобеспечения этой капсулы, что-то вполголоса обсуждали, сверяясь с данными на планшетах.

— Образец номер девятнадцать. Стабильна уже тридцать циклов, — произнес первый, постукивая стилусом по толстому стеклу. — Фантастика. Гибридизация генома Фазового Ткача и Панцирной гончей... Я был готов ставить свой паек на то, что её метаболизм разорвет на куски еще на первой стадии инкубации.

— Посмотри на скан внутренних систем, — второй лаборант вывел на голографический экран трехмерную модель её тела. Скелет и кровеносная система тревожно светились багровым. — Видишь? Дублирование жизненно важных узлов полное. Два сердца, четыре легких для фильтрации токсинов, экстремально уплотненная костная ткань. Чистая генетическая химера.

— Да, фенотип химеры здесь идеален, — заворуженно кивнул первый. — Обычно при таком агрессивном слиянии развивается вторая голова, уродливые рудиментарные конечности или костяные наросты. Выходят мясные уродцы, не способные прожить вне колбы и часа. А здесь... Ни единого внешнего дефекта.

Он с какой-то извращенной, пугающей гордостью посмотрел на спящую девушку.

— Её клеточный метаболизм просто чудовищный. Он оказался настолько агрессивен, что подавил внешнюю мутацию, буквально «переварил» её, оставив только чистый, смертоносный функционал. Вторая голова не успела сформироваться — организм гениально перераспределил ресурсы на усиление внутренних органов для выживания в условиях Искажения. Всё двойно, всё работает как швейцарские часы.

— И при этом она осталась чертовски красива, — мрачно хмыкнул второй, выключая экран консоли. — Жаль только, что это уже давно не человек. Это живое оружие для Бездны.

Санитары толкнули каталку дальше, и тяжелая бронедверь сектора с рыжеволосой «химерой» медленно, с шипением гидравлики скрылась за поворотом, оставив Девятнадцатую ждать своего часа в ледяном сне.

Глава 1

2189 год. Ветер гнал над промерзшей землей колючую пыль, смешанную с пеплом ушедшей эпохи. Мир не сгорел в ядерном пламени и не задохнулся от глобального потепления. Он просто надорвался. Пятьдесят пять огромных, пульсирующих непроглядно-чёрным мраком зон на теле планеты высосали из неё прежнюю жизнь. Искажения. Чёрные дыры, рухнувшие прямо на живые мегаполисы, перекроившие саму суть привычного бытия.

Здесь, на территории бывшей России, зима, казалось, стала бесконечной. Тяжелое свинцовое небо давило на плечи тех немногих, кто пережил первые десятилетия хаоса. Остатки человечества жалась к границам этих самых зон отчуждения. Парадокс нового времени заключался в том, что там, где таилась величайшая неизвестность, скрывался и единственный шанс на выживание. Ресурсы Большой земли истощились до предела: чистая вода, нефть, электроника — всё это теперь приходилось добывать кровью.

Вдоль границы одного из таких Искажений тянулась бесконечная бетонная стена, увенчанная толстыми спиралями колючей проволоки. Наблюдательные вышки вонзались в низкие облака, прорезая сумрак тусклыми желтыми лучами прожекторов. Это был рубеж. Аванпост, превратившийся в полноценный военный город — гарнизон Волонтёров.

Волонтёры — элита бывших военных подразделений — взяли на себя роль щита. Законные в тяжелую броню, обветренные и мрачные, они жили по строжайшему Уставу. Здесь не было места сантиментам. Шаг вправо, шаг влево от приказа — трибунал и расстрел, либо изгнание в пустоши. Для них не существовало компромиссов, когда речь шла о безопасности того хрупкого мира, что остался снаружи. Они не пускали чужаков внутрь и готовы были выжечь напалмом всё, что попытается вырваться наружу.

Но мир за стенами гарнизона уже давно не был един. Катастрофа расколола людей на лагерь, каждый из которых нашел свой способ выживать в эпоху упадка.

На тех же истощенных землях, деля территории и остатки инфраструктуры, базировалась «Эгида». Дисциплинированная, мощная фракция, поддерживающая вооруженный нейтралитет с Волонтёрами в нашем измерении. Они уважали закон и силу, следовали своему внутреннему кодексу, но их цели всегда оставались загадкой для окружающих. Эгида и Волонтёры могли стоять спина к спине против общей угрозы, но если у Волонтёров появлялся приказ устранить нарушителя из Эгиды, переступившего черту измерений — приказ выполнялся без колебаний.

Где-то на периферии, в заброшенных промзонах и гниющих поселках, раскинувших свои щупальца вдаль от колючей проволоки, скрывался «Спектр». Анархисты нового века. Те, кто отринул любые законы павшего мира, считая, что только абсолютная свобода воли имеет смысл на краю Бездны. Для Волонтёров и Эгиды они были немногим лучше обычных мародёров — дикое племя, живущее сегодняшним днем, плюющее на уставы и границы.

И, словно хищные тени в этом царстве отчаяния, действовал «Легат». Профессионалы. Наёмники. Для них не существовало идеалов Эгиды, фанатичной преданности Волонтёров или свободы Спектра. Только сухой расчет, холодный профессионализм и цена за выполненный контракт. Устранить конкурента, провести конвой через опасный участок Большой земли или достать информацию — Легаты делали всё, не задавая лишних вопросов, если на столе лежала достаточная сумма.

Сам гарнизон Волонтёров гудел, как растревоженный металлический улей. Запах перегоревшего дизеля из огромных генераторов смешивался с едким ароматом дешевого табака и странной, необъяснимой сыростью, тянущейся от Искажения. Люди здесь не жили привычной жизнью — они существовали в режиме постоянного, выматывающего ожидания. Взгляды солдат, дежуривших на КПП, всегда были устремлены туда, за стену, в непроницаемую, давящую

на психику темноту. Оттуда не доносилось ни звука, но каждый кожей чувствовал исходящую от Чёрной дыры первобытную тяжесть.

Мир изменился. По вечернему Питеру или Москве больше нельзя было просто прогуляться. Улицы оставшихся городов патрулировались вооруженными отрядами, комендантский час стал нормой жизни, а любой незнакомец рассматривался через прорезь прицела. Вся планета превратилась в огромный зал ожидания перед концом света. И в этом зале каждый выживал как мог.

За спинами закованных в броню Волонтёров, в тени бетонных стен и вышек, пульсировала другая, грязная и отчаянная жизнь. Обычные люди. Те, кому не досталось ни элитной подготовки, ни идеологии, ни контрактов от Легата.

Бывшие мегаполисы, те их части, что не сгинули в Чёрных дырах, превратились в сектора выживания. Если бы кто-то из прошлого взглянул на вечерний Питер образца 2189 года, он бы сошел с ума от ужаса. Нева промерзла до самого дна, превратившись в мертвую ледяную дорогу, испещренную воронками и заваленную ржавым остовом техники. Знаменитые проспекты перегородили баррикады из спрессованного мусора и брошенных машин. Скелеты многоэтажек зияли выбитыми окнами, которые местные жители заколачивали листами железа, пластиком и досками — всем, что могло хоть как-то удержать драгоценное тепло.

Электричество стало роскошью, выдаваемое по часам. С наступлением сумерек жилые кварталы погружались во тьму, и лишь тусклое мерцание самодельных масляных ламп да чадающих печек-буржук выдавало присутствие жизни в этих бетонных ульях. Воздух в таких районах всегда был тяжелым — смесь запаха невымытых тел, угольной гари, сырости и дешевого синтетического пайка.

Мировая экономика давно рухнула, уступив место суровому бартеру и нормированному распределению. Деньгами здесь служили патроны, антибиотики, фильтры для воды и топливные брикеты. Чтобы получить талон на порцию гидропонной белковой пасты и литр очищенной воды, люди работали на износ. Мужчины, женщины и даже подростки трудились на полуподвальных заводах: переснаряжали гильзы, шили эрзац-комбинезоны для наёмников, ремонтировали фильтрационные установки или ковырялись в промерзшей земле подземных теплиц.

Это было общество, где старость считалась величайшим, почти недостижимым чудом, а детство заканчивалось, едва ребенок учился держать в руках нож. Дети 2189 года не знали сказок о принцессах и космонавтах. Они играли стреляными гильзами, умели по звуку сирены определять тип тревоги и знали правило номер один: никогда, ни при каких обстоятельствах не смотреть долго в сторону Искращения. Говорили, что если долго всматриваться в чёрный купол, он начинает смотреть на тебя, сводя с ума, нашептывая обещания тепла и сытости.

Болезни выкашивали людей не хуже пулеметов. Из-за вечной нехватки медикаментов обычная простуда часто становилась приговором, а вспышки неизвестных инфекций, принесенных ветром со стороны Зон, заставляли Волонтёров безжалостно закрывать целые кварталы на карантин. Тех, кто пытался прорваться через оцепление, сжигали из огнеметов прямо на баррикадах, чтобы зараза не пошла дальше. Это воспринималось не как жестокость, а как суровая санитарная необходимость.

Но даже в этом аду люди оставались людьми. Вечерами, когда стихал гул заводских станков, в промерзших подвалах можно было услышать тихие разговоры, смех, плач и даже музыку — кто-то бережно перебирал струны старой, перемотанной изоляцией гитары. Возникали подпольные рынки — «барахолки», где вольные трапперы и дезертиры из Спектра тайком сбывали гражданским мелкие диковинки, чудом вытащенные с окраин Искажений: странные свтящиеся камни, заменявшие лампочки, или куски неизвестного металла, отдающие теплом. За такие вещи убивали в подворотнях, но желание хоть на секунду прикоснуться к чуду, к другой реальности, было сильнее страха смерти.

Над всем этим человеческим муравейником, подавляя волю и высасывая надежду, нависало гнетущее, низкочастотное гудение Чёрной дыры. Оно вибрировало в стеклах, отдавалось в зубах и костях. Каждое утро люди просыпались с одной мыслью: не расширилась ли граница Зоны за ночь? Не поглотила ли она еще один спальный район? Они жили на пороховой бочке, фитиль которой уже давно тлел.

Среди этого замерзшего ада, где обычные люди медленно угасали в бетонных сотах, а вооруженные фракции делили сферы влияния, зародилась особая, негласная каста. Волонтеры железной хваткой держали рубежи, Эгида строила свой суровый порядок, Спектр сеял хаос, а Легат хладнокровно продавал смерть. Но были и те, кто не вписывался ни в одну из этих структур, предпочитая балансировать на самом острие ножа.

Их прозвали Трапперами.

Они выходили из тех самых промерзших подвалов вечернего Питера, где за талон на белковую пасту люди работали на износ. Когда отчаяние перевешивало животный страх перед низкочастотным гулом Чёрной дыры, человек брал пересобранный кислородный фильтр, старый магнитный дробовик и растворялся в тенях бетонной стены, скользя мимо спящих прожекторов Волонтеров.

Трапперы не искали идеологической свободы или дорогих контрактов. Они тайком шагали в пульсирующую, высасывающую разум пустоту Искажения за единственной валютой, способной вырвать их со дна пищевой цепи — за изолятами.

Эти странные, кристаллизованные сгустки сломанной физики, рожденные в самом сердце фазовых узлов, были осколками вывернутой наизнанку реальности. Изоляты не подчинялись земным законам. Одни из них излучали ровное, неиссякаемое тепло, способное обогреть целый жилой сектор в лютую химическую зиму. Другие — принудительно сращивали мертвую плоть. Третьи — служили источниками чистой энергии, за которые на подпольных барахолках Большой земли отдавали целые состояния.

Быть Траппером означало стать призраком. Это ремесло не терпело ошибок. Они учились читать невидимые следы термических воронок, спинным мозгом чувствовать, как сжимается пространство перед гравитационным ударом, и обманывать хищную фауну, порожденную мраком. Траппер расставлял свои капканы там, где пасовала даже тяжелая броня Волонтеров. Он знал, как обойти смертельные бреши, как обмануть чутье Фазового Ткача и как вытащить пульсирующий изолят из самого центра нестабильного узла, прежде чем тот захлопнется, стев смельчака в пыль.

Большинство из них так и оставались по ту сторону периметра, пополняя ряды безымянных теней и серой статистики. Но те, кто возвращался сквозь кислотный туман с полным контейнером, приносили с собой не просто товар для черного рынка. Они приносили пульсирующую надежду, вырванную голыми руками прямо из глотки небытия.

Чёрные дыры, изуродовавшие лик планеты, никогда не были статичными, застывшими во времени пространственными объектами. Они жили, если это слово вообще применимо к сгусткам абсолютного, первобытного мрака. Искажение пульсировало, подобно колоссальному, больному органу, непрерывно перекачивающему сквозь себя саму ткань мироздания. Этот непостижимый процесс имел свой чудовищный ритм, свои циклы сжатия и расширения, высшей точкой которых становился Фазовый шторм — цикличное явление, которое выжившие окрестили Выдохом Искажения. Это был не погодный катаклизм в привычном земном понимании, не ураган или геомагнитная буря, а момент критического сброса. Момент, когда переполненная до краев, кипящая сломанная физика выплескивалась за невидимые границы Пустоты, прокатываясь незримой, но смертоносной волной по замерзшим руинам Большой земли. Небо над мертвым Питером в такие долгие часы навсегда теряло свой привычный свинцово-серый цвет, вспыхивая изнутри багровыми и кислотно-фиолетовыми всполохами, превращаясь в разорванный, кровоточащий над городом холст.

Выдох Искажения никогда не обрушивался внезапно; он всегда давал о себе знать заранее, проползая под кожу людей ледяным, иррациональным предчувствием грядущей беды. За час, а иногда и за два до фазовой кульминации, само пространство вокруг начинало неуловимо вибрировать. Эта низкочастотная, едва воспринимаемая человеческим ухом дрожь не передавалась по воздуху — она резонировала прямо в костях, заставляя глухо и монотонно ныть челюсти, старые переломы и суставы. Воздух стремительно, лавинообразно перенасыщался статическим электричеством: волосы на затылке вставали дыбом, густые синие искры с сухим треском срывались с металлических поверхностей бронекостюмов и оружия, а на языке оседал отчетливый, въедливый привкус жженой меди и свежей крови. Именно в этот момент на укрепленных бетонных рубежах Волонтёров и передовых аванпостах Эгиды с надрывным, бьющим по обнаженным нервам воем оживали тяжелые сирены. Их рев служил единственной, не подлежащей обсуждению командой для всего живого — немедленно бросать всё и уходить под защиту многометровых свинцовых перекрытий и гермодверей, запираясь в душных бункерах в ожидании неотвратимого удара.

Когда шторм окончательно срывался с цепи и вырывался за пределы горизонта событий, реальность вокруг начинала буквально трещать по швам, демонстрируя полную несостоятельность земной науки. Гравитация сходила с ума, на короткие промежутки времени теряя свою железную хватку: тяжелая ледяная крошка, куски выщербленного бетона, остовы ржавой техники и забытая арматура могли на несколько долгих минут оторваться от промерзшей земли, сюрреалистично и плавно плывя в багровом мареве электризованного воздуха. Но главная угроза Выдоха заключалась далеко не в левитирующих камнях. Фазовая волна, безжалостно прокатывающаяся по Холодильнику и внешним жилым секторам, несла в себе заряд, выжигающий не биологическую плоть, а сами нейронные связи головного мозга. Человек, по роковой случайности не успевший спуститься в убежище и оказавшийся под открытым небом в момент пика шторма, не умирал физически. Его разум, память, личность — весь накопленный опыт стирался в доли секунды агрессивным электромагнитным и пространственным импульсом. От человека оставалась лишь пустая, пускающая слюни мышечная оболочка, движимая исключительно первобытными, неконтролируемыми инстинктами слепой агрессии и голода.

Таких существ, навсегда потерянных для общества, выжившие со страхом и глубоким отвращением называли «Стертыми».

Однако то, что для хрупкого человеческого разума являлось концом света и вестником абсолютной аннигиляции, для порождений самой Пустоты было прямым призывом к немедленному действию. Обычные биологические виды перед лицом глобального катаклизма инстинктивно забиваются в самые глубокие норы, парализованные животным, всепоглощающим ужасом. Фазовым тварям, чей геном был сплетен в самом эпицентре сломанной физики, этот страх был абсолютно неведом. Для них Выдох Искажения не нес угрозы уничтожения; напротив, он являлся сигналом глобального расширения их исконных охотничьих угодий. Они кожей, хитиновыми пластинами и оголенными нервными окончаниями чувствовали, как Пустота делает свой тяжелый, властный выдох, раздвигая границы нестабильных территорий, порождая новые термические узлы и питательные гравитационные разломы. И вместо того, чтобы в страхе прятаться от стихии, фазовая фауна поднимала свои уродливые головы, стягиваясь к очагам изменений и готовясь к самой жестокой схватке в своей жизни.

Внутри самой Пустоты в момент шторма начиналась неопишуемая, первобытная мясорубка, масштабы которой человек не мог даже осознать. Это была тотальная, бескомпромиссная война за передел свежесозданной, еще горячей реальности. Территория, чья геометрия прямо сейчас менялась, изгибаясь, ломаясь и формируя новые пространственные карманы, становилась грандиозной ареной для кровавой бойни. Взрослые Панцирные гончие, искажающие оптику Ткачи и десятки других, еще не классифицированных наукой тварей сходились в слепой, иступленной ярости, разрывая друг друга на куски за право доминировать на новых фазовых узлах. Они рвали конкурентов в ключья, бились насмерть среди левитирующих скал и бьющих из-под земли плазменных гейзеров, щедро заливая измененную землю фосфоресцирующей кровью. Для них Выдох Искажения был моментом наивысшего триумфа и естественного отбора в его самой извращенной, brutальной форме. И пока люди, трясаясь от ужаса, глотали спертый воздух в своих тесных бетонных гробах, там, за плотной пеленой багрового тумана, шла безостановочная делёжка изломанного мира — симфония боли и торжества идеальных хищников новой эпохи.

Великая катастрофа, породившая Искажения, разорвала человечество не только географически, но и технологически, проложив между слоями общества непреодолимую пропасть. Эта граница была куда прочнее любых бетонных стен или заграждений из колючей проволоки, поскольку она измерялась доступом к энергии, чистым материалам и самой возможности оставаться человеком в эпоху глобального распада. Мегаполисы, чудом уцелевшие на периферии Пустоты, превратились в вертикальные памятники социальному неравенству, где физика и инженерия служили совершенно разным целям в зависимости от того, на какой высоте над промерзшей землей ты находился. Технологии 2189 года стали не просто инструментом выживания — они превратились в абсолютное мерило ценности человеческой жизни, разделив мир на стерильный рай для избранных и бесконечную, ледяную мясорубку для всех остальных.

Там, на самом верху, под многослойными куполами Верхних Ярусов, пульсировала технологическая утопия, полностью оторванная от гниющей реальности Большой земли. Жизнь элиты обеспечивалась замкнутыми экосистемами, где само понятие грязи, холода или физического износа было стерто из повседневности. Интерфейсы здесь не имели кнопок или грубых экранов — управление климатом, синтезаторами пищи и коммуникациями осуществлялось через нейронные линки и голографические проекции, реагирующие на микродвижения зрачков или прямые импульсы коры головного мозга. Тела обитателей Ярусов были щедро

напичканы дорогими био-имплантами: крошечные подкожные процессоры безупречно регулировали гормональный фон, отсекали стресс, фильтровали синтетическую кровь от любых токсинов и имитировали воздействие солнечного света на клеточном уровне. Их оружие, если до него вообще доходило дело у корпоративной службы безопасности, представляло собой произведения высокотехнологичного искусства. Бесшумные плазменные излучатели с интеллектуальным охлаждением не оставляли гильз, отдачи или крови — только аккуратные, мгновенно оплавленные отверстия в теле жертвы или горстки серого пепла. В этом мире ничего не чинили и не латали; любой вышедший из строя механизм просто расщеплялся на молекулы и печатался заново в молекулярных синтезаторах, поддерживая иллюзию вечного, безупречного совершенства.

Но стоило спуститься на несколько уровней ниже, миновав бронированные шлюзы и системы обеззараживания, как ослепительная гладкость Ярусов начинала стремительно гнить и осыпаться, уступая место жестокому, тяжелому индустриалу Поверхности. Здесь, в царстве Волонтёров, карательных отрядов Эгиды и отчаянных Трапперов, технологии теряли свой лоск, превращаясь в грубые, тяжеловесные орудия выживания. Внешний мир диктовал свои, безжалостные условия: экстремально низкие температуры Холодильника, достигающие минус пятидесяти градусов, едкие кислотные туманы и, самое главное, сокрушительные электромагнитные импульсы, сопровождающие каждый Фазовый шторм. Тонкая электроника элиты сгорела бы здесь за пару часов, оставив своего владельца слепым и глухим куском замерзающего мяса. Поэтому инженерия Поверхности пошла по пути абсолютной, избыточной надежности, где главным правилом стала простота, граничащая с примитивной жестокостью.

Броня тяжелой пехоты и штурмовых авангардов представляла собой массивные композитные панцири, усиленные свинцовыми прокладками и термической изоляцией. Эти экзоскелеты не пытались выглядеть изящно — они пугали своей угловатой, танковой эстетикой. Каждая пластина кевлара и армированного полимера на плечах Волонтёров несла на себе следы прошлых боев: глубокие борозды от когтей Порождений Пустоты, кислотные ожоги и грубые, бугристые швы кустарной плазменной сварки. Силовые приводы гудели натужно и громко, питаясь от громоздких топливных стержней и тяжелых магнитных батарей, закрепленных на спинах бойцов. Внутри таких доспехов царил специфический микроклимат, насквозь пропитанный запахами жженой проводки, машинного масла и пота, но именно эти громоздкие, лязгающие скафандры позволяли людям часами стоять в ледяном аду, сдерживая натиск изломанной фауны.

Оружие Поверхности полностью отражало философию своих владельцев — грубая, сокрушительная кинетическая мощь. Обычный порох давно уступил место технологиям магнитного разгона. В руках солдат Эгиды и матерых Трапперов покоились тяжелые «магнитки» — электромагнитные винтовки и дробовики, оснащенные разгонными катушками. При нажатии на тугую, механический спуск батарея выдавала колоссальный разряд, выплевывая тяжелую картечь из фазового шлака или бронебойные стреловидные элементы на сверхзвуковых скоростях. Это оружие было громоздким, обладало ломающей плечо отдачей и оглушительным, бьющим по ушам грохотом. Но только спрессованный аномальный шлак, разогнанный до таких скоростей, был способен проломить хитиновые щиты фазовых тварей и нанести урон, достаточный, чтобы намертво остановить их мутировавшую плоть с тройным запасом прочности. Боеприпасы приходилось беречь как зеницу ока, а перегретые после долгой очереди стволы шипели, мгновенно испаряя падающий на них кислотный снег.

Истинным же символом выживания на Большой земле стала эстетика вечного, непрекращающегося ремонта. Реальность Поверхности держалась на священной троице полевой инженерии: синей армированной термоленте, двухкомпонентной промышленной эпоксидной смоле и толстом прорезиненном брезенте. Любое высокотехнологичное оборудование, чудом попавшее сюда с Ярусов или добытое Легатами, немедленно модифицировалось, обматывалось изоляцией и герметизировалось от вездесущего мороза. Вся жизненно важная проводка экранировалась толстыми слоями фольги и резины, а хрупкие сенсорные панели безжалостно выламывались, уступая место физическим, тугим тумблерам, огромным рубильникам и механическим рычагам. Только такой, аналоговый интерфейс мог гарантировать, что во время очередного дыхания Искажения, когда электроника сойдет с ума, ты сможешь вручную перезапустить фильтры кислорода или сбросить заклинивший затвор магнитной винтовки. Это был мир, скрепленный изолентой, кровью и ненавистью — мир, где выживал не самый умный, а тот, чье оборудование было способно переварить грязь, лед и абсолютный мрак.

Глобальный катаклизм, обрушивший на планету пятьдесят пять пульсирующих Чёрных дыр, навсегда уничтожил привычную географию и само понятие непрерывного пространства. Территории, подвергшиеся воздействию сломанной физики, не имели четких, прочерченных по линейке границ; они представляли собой чудовищные, многослойные воронки, затягивающие в себя остатки земной реальности. Каждый такой очаг Искажения распространял свое влияние подобно кругам на воде от брошенного камня, формируя строго очерченные слои распада, переход между которыми означал не просто смену климата, но и изменение фундаментальных правил существования. Выжившие быстро поняли, что удаленность от эпицентра — это единственная переменная, определяющая, сколько минут или лет у тебя осталось в запасе, прежде чем твой разум или плоть будут стерты в порошок.

Самым внешним, самым обширным радиусом этого глобального распада стала Большая земля, или, как её чаще называли в народе, Мертвые земли. Это были гигантские территории бывших государств, замерзшие мегаполисы вроде заледеневшего Питера и вымершие промышленные узлы, куда Искажение не дотянулось своими прямыми, ломающими пространство щупальцами. Здесь законы ньютоновской физики, гравитация и течение времени всё еще оставались незыблемыми, но сама природа была необратимо отравлена близостью Бездны. Большая земля погрузилась в вечную химическую зиму, сковавшую реки многометровым панцирем грязного льда и покрывшую руины городов слоем токсичного пепла. Жизнь здесь представляла собой бесконечную, изматывающую борьбу за тепло и киловатты энергии в бетонных подвалах. Искажение присутствовало здесь лишь в виде давящего, вибрирующего на границе слуха низкочастотного гула и ядовитых циклонов, но именно Большая земля служила главным резервуаром человеческого ресурса — тем самым отчаянным муравейником, из которого рекрутировалось пушечное мясо для вооруженных фракций и откуда выходили в свой первый, смертельный рейд будущие Трапперы.

Двигаясь ближе к источнику гула, путник неизбежно пересекал невидимую, но физически осязаемую черту, попадая в Холодильник — колоссальную буферную зону, служившую ледяным предбанником Бездны. Здесь столкновение остатков земной атмосферы с температурными аномалиями Искажения рождало зону экстремального, неестественного холода, где ртуть в термометрах замерзала, а незащищенная кожа лопалась за несколько минут. Именно в Холодильнике пролегли основные рубежи обороны человечества: циклопические бетонные стены гарнизонов Волонтёров и ошетилившиеся магнитными орудиями аванпосты Эгиды. Реальность здесь уже начинала неуловимо сбоить, порождая сюрреалистичные феномены. Бетон покрывался «стеклянным мхом» — острой, как бритва, кристаллической флорой, спо-

собной прорезать армейский ботинок до кости, а в густом, сизом тумане рыскали первые, наименее восприимчивые к земной физике порождения Пустоты. Холодильник был территорией вечной окопной войны, где тяжелая пехота сжигала миллионы батарей и тонны шлаковой картечи, пытаясь удержать фазовых тварей от прорыва к беззащитным секторам Большой земли.

За линией огневых точек Холодильника, там, где заканчивался любой свет и отказывали компасы, начиналась сама Пустота — территория чистого, концентрированного Искажения. Это была зона, где пространство заворачивалось в узлы, а время могло течь вспять или застывать рваными кусками. Земля здесь была изрыта гравитационными колодцами и термическими воронками, способными за секунду расплавить танк или спрессовать человека в спичечный коробок. Пустота не прощала ни малейшей ошибки; это были исконные охотничьи уголья Трапперов и арена бесконечной кровавой грызни высших фазовых тварей. Пейзаж здесь менялся с каждым Выдохом Искажения: сегодня перед тобой лежало мерзлое болото из кислоты, а завтра на его месте вздымались в небо левитирующие скалы, опутанные паутиной статического электричества. Именно в этом хаосе, в самом центре смертоносных фазовых узлов, под чудовищным давлением искаженной реальности зарождались изоляты — драгоценные сгустки нарушенной физики, ради которых люди готовы были добровольно шагнуть в этот кошмар.

Но даже у Пустоты было свое, абсолютно темное и непроницаемое сердце. Эпицентр. Точка сингулярности, рухнувшая на поверхность планеты, которую выжившие окрестили Колыбелью. Это был горизонт событий, за которым заканчивалось любое человеческое восприятие. Ни один дрон, ни одна группа элитных ликвидаторов или самых опытных Трапперов, переступивших невидимую границу Колыбели, не вернулись обратно в своем уме. Плотность изломанного пространства там была настолько высока, что человеческий мозг, не способный обработать эту информацию, просто выгорал изнутри, замещая личность чем-то иным. Те немногие, чьи тела физически пережили контакт с Колыбелью, возвращались в Холодильник измененными. Их называли Адептами Колыбели. Лишенные эмоций, боли и инстинкта самосохранения, эти слепые фанатики стали симбиотами Искажения. С выжженными глазами и разумом, подключенным напрямую к пульсирующей воле Чёрной дыры, они охраняли подступы к эпицентру с первобытной, безмолвной яростью, используя магнитное оружие мертвых отрядов и саму пространственную магию Пустоты против любых чужаков, посмеявшихся приблизиться к их новой, темной святыне.

В мире, расколотом Искажениями, само понятие перемещения грузов и людей превратилось в сложнейшую, смертельно опасную стратегическую задачу, сравнимую по масштабности с полноценной военной операцией. Глобальный климатический коллапс, превративший Большую землю в бескрайнюю химическую тундру, и непредсказуемые фазовые сдвиги вблизи Чёрных дыр навсегда уничтожили старую логистическую сеть цивилизации. Асфальтовые дороги были разорваны пучением вечной мерзлоты, порты вмерзли в многометровый лед, а привычный транспорт превратился в груды ржавого, бесполезного металлолома. Но, вопреки расхожему мнению выживших, ютящихся в подвалах замерзших городов, небо над планетой не стало абсолютной зоной смерти. Удивительный парадокс новой физики заключался в том, что чудовищные гравитационные аномалии, термические воронки и пространственные бреши, терзавшие поверхность, практически не поднимались выше уровня самых высоких довоенных небоскребов. Небо над Искажениями оставалось чистым, проницаемым для летательных аппаратов, но оно было Стеклянным Небом — ослепительно-далеким, стерильным и абсолютно недостижимым для подавляющего большинства населения Поверхности из-за критической нехватки топлива, технологий и ресурсов.

Там, на недостижимой высоте, под защитными куполами Верхних Ярусов, авиация продолжала существовать, превратившись в символ божественного статуса элиты. Немногочисленные, бережно обслуживаемые вертолеты и винтокрылы штурмовой авиации корпораций, сверкая композитной броней, бесшумно скользили над ледяными пустынями, перебрасывая топ-менеджеров и критически важные грузы между изолированными секторами Мегаполиса. Эти машины были вершиной инженерной мысли: герметичные, оснащенные мощными фильтрами воздуха и навигационными системами, способными пробиться сквозь любой химический буран, они жили в совершенно иной реальности. Для обитателей Поверхности вид редкого вертолета, летящего высоко в свинцовом небе, был сродни явлению божества — напоминанием о том, что где-то существует жизнь без грязи, фазовых тварей и вечного голода. Корпорации ревностно охраняли свою монополию на воздух, жестко пресекая любые попытки Волонтеров или Эгиды восстановить полноценный воздушный флот, поскольку контроль над небом означал абсолютное стратегическое доминирование над замерзшим миром внизу.

Поэтому вся тяжесть войны за выживание, вся грязная и кровавая работа по снабжению аванпостов в Холодильнике легла на стальные плечи наземного транспорта. И главным звеном в этой цепи стали тяжелые, бронированные железнодорожные составы, пущенные по восстановленным венам старых монорельсов. Вдоль бетонной стены, отгораживающей Оплот от Холодильника, тянулись бесконечные, покрытые инеем пути, по которым, сотрясая замерзшую землю, двигались циклопические поезда. Это были не просто эшелоны, а полноценные сухопутные дредноуты, обшитые свинцовыми плитами и композитной броней, оштетинившиеся спаренными магнитными пушками и плазменными турелями для защиты от Порождений Искращения. Они питались от колоссальных магнитных батарей и компактных реакторов, медленно, но неотвратимо продавливая себе путь сквозь ледяные торосы, доставляя топливные стержни, боеприпасы и ротации свежего мяса на передовые рубежи. Защита этих железнодорожных артерий была приоритетной задачей для Волонтеров, поскольку остановка хотя бы одного состава означала неминуемую, голодную смерть для целого сектора обороны.

Там же, где рельсы обрывались, уступая место хаосу изломанной земли и вечного льда Холодильника, в дело вступала каста Краулеров — исполинских гусеничных вездеходов, ставших королями бездорожья. Каждый такой Краулер был размером с трехэтажный дом, представляя собой автономный мобильный бункер на широких, лязгающих гусеницах, способных перевернуть любой рельеф. Оснащенные мощными дизельными генераторами, переоборудованными под синтетическое топливо, они медленно ползли сквозь метель, оставляя за собой глубокие колеи в токсичном снегу. Кабина Краулера была цитаделью внутри цитадели: герметичная, обитая свинцом и прорезиненным брезентом для защиты экипажа от смертоносного электромагнитного импульса Фазового шторма. Краулеры были прожорливы, ненадежны и требовали постоянного ремонта, но только они могли доставить тяжелое буровое оборудование к фазовым узлам или эвакуировать подбитый экзоскелет авангарда «Эгиды» из эпицентра мясорубки, где любая другая техника просто застревала или сгорала от ЭМИ-удара.

И, наконец, на самой периферии этой логистической машины, в слепых зонах, куда не рисковали заходить ни Краулеры, ни патрули фракций, действовали тени Поверхности — Трапперы. Их транспортом, их единственным шансом на выживание и скорость в Пустоте, были магнитные байки. Эти легкие, маневренные машины, собранные из обломков довоенной техники и трофейных магнитных катушек, скользили над замерзшей землей на высоте нескольких десятков сантиметров за счет мощных магнитных подушек. Они были бесшумны, не оставляли следов на снегу и могли развивать чудовищные скорости, позволяя Трапперу

молниеносно проскочить опасный участок или уйти от погони Панцирных гончих. Но за эту скорость приходилось платить страшную цену: магнитный байк не давал абсолютно никакой защиты ни от лютого мороза в минус пятьдесят, ни от кислотного тумана, ни от случайного осколка. Траппер на байке был гол перед Искажением, полагаясь исключительно на свою реакцию, инстинкты и удачу, зная, что любая, даже самая мелкая поломка или фазовый сдвиг на его пути означают неминуемую, мучительную смерть в одиночестве среди ледяного ничто.

— Работа есть, Чёрный. Как раз для таких, кому терять нечего, — Клим, грузный и седой бармен «Штольца», придвинул стакан, и тонкая струйка синтетического спиртного глухо ударила о дно.

В баре, спрятанном глубоко под бетонными сводами базы «Эгиды», было душно. Воздух казался густым, пропитанным застарелым потом, дымом эрзац-табака и въедливым запахом озона и стыллой пустоты, который ходоки приносили на подошвах своих утепленных ботинок прямо от границы Искажения.

Чёрный посмотрел на хозяина. Он не мигал — смотрел сквозь него, словно искал в его изрытой шрамами физиономии хоть какие-то признаки жизни.

— Прогуляйся до Мёрзлых доков, к мародёрам Шведа, — буднично добавил Клим, не сводя глаз.

— С падальщиками не делюсь ни изолятами, ни кислородом, — Чёрный отодвинул стакан.

Накопленные богатства, а точнее вырванные из пустоты изоляты, его не грели. Какой в них смысл, если завтра ты можешь стать кормом для фазовых тварей в ближайших промерзших руинах, и вся эта с трудом добытая светящаяся крошка просто останется лежать в грязи рядом с твоим телом? Чёрный часто спрашивал себя: что он, бывший послушник «Абсолюта», забыл в этом душном стойле для нормальных людей, где чужая жизнь стоит меньше, чем паршивый фазовый кристалл?

Память — штука липкая, похуже аномального «холодильника». Стоит в неё наступить, и она уже не отпускает, тянет назад, в те дни, когда небо над еще не поглощенным Питером не казалось таким свинцовым. Бывших среди Абсолютов не бывает. Наверное, он просто ждал, когда это инородное прошлое окончательно выжрет его изнутри.

— Вечно ты рожу воротишь, — Клим сплюнул на пол и принялся со злостью возить грязной тряпкой по металлической стойке. — Живешь как неприкаянный, Чёрный. Ни пайка тебе не надо, ни поила. Сквозишь по Большой земле, будто тебя и нет вовсе. Смотри, доиграешься в призрака — однажды за КПП выйдешь, а патрули «Эгиды» обратно не пустят. Забудут, что такой вообще был.

Чёрный ничего не ответил. Просто развернулся и пошел к массивному гермовыходу. Клим был прав в одном: он действительно «сквозил». Только не от страха, а потому что в этом вымерзшем мире для него уже не осталось твердой почвы.

Воздух на открытом пространстве гарнизона казался густым, почти осязаемым, несмотря на лютый мороз. Он был пропитан кислым привкусом угольной гари и тяжелым, давящим

запахом окислившейся ржавчины, который оседал на языке неприятным металлическим налетом — дыханием близкой Чёрной дыры. Чёрный невольно поправил ремни своего тяжелого термокомбинезона, чувствуя, как Искажение втягивает его в свои невидимые легкие, медленно отравляя всё живое внутри.

Навстречу ему из-за остова бронированного тягача «Эгиды» вышли двое. Они выделялись на фоне серого военного пейзажа, как яркие мишени в тире. Новенькие скафандры замкнутого цикла еще сохранили заводской лоск: ни единой заплатки, ни одного въевшегося пятна аномальной изморози. От них за версту разило оружейной смазкой и наивной уверенностью в собственной безопасности. Контрактники из «Легата», не иначе.

Чёрный проводил их коротким, тяжелым взглядом.

«Смертники», — промелькнуло в его голове. Эти парни шли так, словно под их ногами был ровный плац, а не земля, готовая в любой момент разверзнуться гравитационной воронкой.

В его понимании Искажение никогда не было просто территорией. Оно было непостижимым, голодным левиафаном, обладающим безграничной властью. Только вместо поклонения оно требовало человеческие рассудки, а вместо ответов — дарило предсмертные хрипы. И если ты решал, что можешь просто идти по его границам, пользуясь старыми картами и протоптанными тропами, ты уже проигрывал. С того самого момента, как защелкивал карабин на шлеме.

Чёрный никогда не доверял «безопасным» путям гарнизона. Прямая дорога рядом с Чёрной дырой — это кратчайший маршрут в никуда. Его собственные тропы всегда были кривыми, изломанными, пролегающими по самой кромке нестабильного пространства, там, где воздух дрожит от напряжения, а детекторы захлебываются в истеричном треске. Он шел наперекор здравому смыслу и самой физике, выбирая маршруты, которые патрули обходили за версту.

Только так, балансируя на лезвии ножа и чувствуя спиной ледяное дыхание небытия, он всё еще оставался живым. В этом и была его горькая победа — перехитрить Бездну еще на один день.

Чёрный шел по растрескавшимся, скованным толстой коркой льда плитам внутренней территории Оплота — главной цитадели «Эгиды». Он привычно переносил вес, стараясь не наступать в глубокие провалы в бетоне, откуда даже в такой мороз сочилась мутная, не замерзающая химическая дрянь, разъедающая подошвы. Здесь, за тяжелым охраняемым периметром, воздух не становился чище. Наоборот, к стылому дыханию близкой Пустоты примешивался едкий дух перегоревшего дизеля, синтетической оружейной смазки и прелой белковой каши из полевых кухонь. Звук его тяжелых утепленных ботинок тонул в общем, непрекращающемся гуле: где-то надрывно, с металлическим лязгом прогревали двигатель бронированного тягача, доносились отрывистые лающие команды офицеров и мерный, вбивающийся в виски топот патрульных в тяжелых экзоскелетах.

Взгляд Чёрного зацепился за массивную фигуру впереди. У одного из укрепленных ДОТов, прислонившись плечом к облупленной, испещренной пулевыми выбоинами стене караулки, стоял человек. Его силуэт в глухой матово-чёрной штурмовой броне казался неестественно неподвижным среди этого муравейника, почти вросшим в серый, пропахший порохом и отчаянием мир.

Чёрный прищурился от резанувшего глаза порыва ледяного ветра. Сквозь марево угольной пыли и выхлопных газов он безошибочно узнал эту манеру стоять — чуть наклонив голову, замерев, словно прапорщик даже сквозь грохот Оплота прислушивался к сводящему с ума низкочастотному шепоту Пустоты. Это был Серый.

Чёрный чуть замедлил шаг. Старый вояка, почувствовав на себе тяжелый взгляд, медленно повернул голову. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, как затертая карта довоенных дорог, промелькнуло нечто, похожее на суровую радость — эмоцию, почти забытую в этом времени. Он не спеша отделился от бетонной стены и пошел навстречу. Его размеренная, экономящая каждое движение походка выдавала человека, который давно перестал бегать от смерти. Он просто научился с ней договариваться.

— Здорово, Чёрный! — голос Серого прозвучал глухо, с той самой въевшейся хрипотцой, которая пробивалась сквозь лягг металла и рокот генераторов.

Он протянул руку, и Чёрный ответил на жест. Ладонь Серого в кевларовой перчатке с обрезанными пальцами была жесткой, как старый приводной ремень, и удивительно горячей, будто только что вынутой из-под капота перегретого вездехода. Это короткое, сильное рукопожатие на мгновение выдернуло Чёрного из его привычного внутреннего оцепенения. Здесь, в Оплоте, среди сотен вооруженных до зубов, очерстевших людей, ощущение живого тепла другого человека оставалось высшей, ни с чем не сравнимой ценностью. Пожалуй, это было единственное по-настоящему «живое» касание за весь его бесконечный, вымораживающий душу день.

— Здорово, прапор, — Чёрный едва заметно кивнул, пряча озябшие руки обратно в карманы куртки.

Они стояли вдвоем посреди суеты военной базы — два чудом уцелевших осколка прошлого, которые еще не стерла в ледяную пыль эта земля. Вспомнились те дни, когда Чёрный был у командования «Эгиды» на особом счету. Лучший из вольных проводников, способный протащить научную группу через любое игольное ушко пространственных искажений. Вспомнилось, как они вдвоем тащили для яйцеголовых из бункера «Вектор», что под самым Слепым озером, те проклятые куски изменённой материи. От одного их излучения волосы на затылке седали за секунды, а армейские сканеры выгорали дотла, пуская дым. Серый тогда прикрывал спину, вслепую отстреливаясь во мраке, а Чёрный вынюхивал тропу там, где даже брошенные гайки зависали в воздухе. Старая дружба на краю Бездны не ржавела — она просто покрывалась толстым слоем инея до нужного момента.

Вдруг Серый подался вперед, сокращая дистанцию, и его голос упал до едва различимого, рокошущего шепота. Он быстро, профессионально стрельнул глазами по сторонам, проверяя, не греет ли уши какой-нибудь ретивый патрульный из службы внутренней безопасности.

— Чёрный, дело есть. Грязное. Не по уставу. Тут, в паре километров от Оплота, отряд «Спектра» обосновался. Мои дозорные их срисовали еще три дня назад. Компактно так сели, нагло. Прямо под боком, на самой границе Холодильника. Я доложил Корчагину, а тот... — Серый с нескрываемым отвращением сплюнул на обледенелую крошку под ногами. — Генерал уперся, что это подстава. Сказал, анархисты так близко к нашей базе не сунутся, мол, заманивают в засаду. Решил, что я теней пугаюсь, старый параноик.

Серый замолчал на секунду, его обветренные пальцы нервно перебрали потертый ремень импульсного автомата.

— А сегодня на рассвете я сам туда наведалься. Внаглую, без приказа. И знаешь что? Там никого нет, Чёрный. Вообще ни одной живой души. Но вещи на местах: химические обогреватели еще теплые, изотермические спальники развернуты, аппаратура не тронута. Выглядит так, будто их всех в одну секунду ластиком из нашей реальности стерли.

— И почему ты просишь меня? У тебя целый гарнизон закованных в броню фанатиков за спиной.

— Корчагин мне категорически запретил туда соваться. Приказал периметр держать и не рыпаться, — Серый бессильно развел руками, досадуя на армейскую слепоту. — Я ждал Ермолу, думал её отряд привлечь, но она сейчас на жесткой вылазке, черт знает когда вернется. А ты вон, сам пришел. Ты — вольный. Тебе приказ генерала — пустой звук. Сходи, глянь свежим глазом. Что-то там не так. Пустота там... другая какая-то стала. Дышит иначе.

Чёрный медленно перевел взгляд в сторону циклопических стальных ворот Оплота. Там, за многотонными створками, начинался Холодильник — смертоносный лабиринт из вмерзших в землю портовых кранов, обрушенных цехов и непредсказуемых температурных аномалий, где минус тридцать могли смениться плюсовой температурой за один неверный шаг. Там, среди заледенелого индустриального хаоса, исчезновение целого вооруженного отряда анархистов выглядело еще более зловещим. Идти туда в одиночку было чистым, беспримесным самоубийством. Но старые долги и зудящее, годами выверенное профессиональное чутье уже перевесили осторожность.

— Координаты скинь на тактический планшет, — ровно бросил он. — Загляну.

— Частоту нашу не забыл? — спросил Серый, чуть прищурившись и подмигивая, возвращая разговору привычный, солдатский тон.

— Такие вещи не вымерзают, Серый.

Прежде чем уйти в серое, кусачее марево Холодильника, Чёрный на несколько минут задержался у костра, вокруг которого во внешнем кольце Оплота сгрудились вольные наёмники и бродяги-одиночки. Пламя, неохотно пожирающее брикеты прессованного мусора, лениво лизало закопчённые бока самодельного котелка, а бледные, быстро гаснущие искры улетали в тяжёлое, низкое небо, растворяясь в вечных сумерках. Здесь, в этом крошечном кругу света, пахло горелой синтетикой, дешёвым табаком и застарелым потом — горькими запахами, которые в 2189 году заменяли людям домашний уют.

— О, Чёрный! Присаживайся, в ногах теплоотдачи нет, если только за тобой не гонится стая тварей из Трясины, — нервно хохотнул один из бродяг в засаленном пуховике, двигаясь на ящичке из-под броневой патронов.

Чёрный молча присел на корточки, подставляя заледеневшие, негнущиеся пальцы скудному теплу костерка. Разговор тёк тягуче, обо всём и ни о чём сразу. Выжившие травили байки, заменявшие им и телевизор, и утренние газеты. Один истошно клялся, что видел в секторе

Базальт полупрозрачную фигуру, которая не нападала, а просто смотрела с невыносимой тоской. Другой пересказывал слухи о том, что яйцеголовые на Слепом озере научились синтезировать чистый медицинский спирт из выделений пространственных аномалий. Новости этого мира всегда балансировали на тонкой грани между горячечным бредом замерзающего рассудка и пугающей правдой. И никто давно уже не брался судить, где заканчивается одно и начинается другое.

Кто-то из бродяг вытащил гитару — старую, с облупившимся лаком и наспех перетянутыми синтетическими жилами вместо порванных струн. Инструмент отозвался дребезжащим, чуть расстроенным от вечного холода звуком, и над костром поплыла нехитрая, надрывная минорная мелодия. В этот момент безжалостное время 2189 года словно замерло. Треск пожираемых огнем мусорных брикетов, негромкий, осторожный перебор и неспешные, приглушенные голоса создавали великую иллюзию безопасности.

Но Чёрному быстро стало душно от этой мнимой теплоты. Эта локальная идиллия казалась ему слишком хрупкой, почти фальшивой на фоне нависающей громады Пустоты. Он поднялся, физически чувствуя, как затекает спина под тяжестью бронежилета и баллонов терморегуляции. Глядя на пляшущие, изломанные тени, которые отбрасывали съезжившиеся люди на промерзшие бетонные стены Оплота, он подумал о том, что Искажение — это не только гравитационные разломы и фазовые твари. Это, прежде всего, вот эта тяжелая тишина между куплетами. В том, как люди пытаются согреть онемевшие руки у жалкого огня, прекрасно зная, что буквально за границей света их ждёт только вечная мерзлота и голодный мрак. Все они здесь были лишь временными гостями, пылинками на теле умирающей планеты, и каждый такой костёр мог оказаться для любого из них последним.

«Мы греем руки у огня, который завтра неизбежно потухнет, — промелькнуло в его голове с холодной ясностью. — И каждый из нас втайне надеется, что именно его Пустота решит не замечать ещё одну ночь».

Философия не согревала тело, но отлично помогала держать голову холодной, не давая рассудку поплыть. Чёрный привычным жестом поправил лямки разгрузки, проверил фиксаторы на кислородной маске и неспешно направился к внутреннему блокпосту.

Сержант на выходе во внешнее кольцо — совсем еще молодой пацан, облаченный в громоздкую броню «Эгиды» и ещё не успевший до костей пропитаться местным ледяным цинизмом, — попытался было показать характер. Он преградил путь тяжелым стволом импульсного автомата, требуя пластиковую карту-пропуск. Но короткий, сухой хрип Серого, оживший в нашлаемной рации юнца, быстро вернул того в суровую реальность. Парень нехотя опустил оружие, лязгнув сервоприводами, и проводил вольного траппера недовольным, колючим взглядом. Чёрный лишь криво усмехнулся про себя под маской. Секреты в этом мире стоят баснословно дорого, и этому сержанту до них ещё нужно было выжить и дорасти.

Впереди уже маячил массивный рубеж, отделяющий Оплот от Холодильника — изрезанный коррозией и аномалиями металл, густо затянутый спиралями ржавой колючей проволоки, покрытой иглами инея. Там, за этими воротами, начиналась территория, которую пытался подмять под себя отряд «Спектра». И тишина. Та самая «ватная», сдавливающая виски тишина, которая в этих проклятых местах никогда не сулила ничего хорошего.

Ожидая, пока с тяжелым скрежетом отъедут бронированные створки гермоворот, Чёрный невольно вспомнил об Алине. Сестра была здесь же, на базе «Эгиды», в относительной безопасности глубокого тыла Оплота, скрытая за метрами бетона и пулеметными гнездами. Но само её присутствие на краю Искажения было для него постоянным, саднящим источником тревоги.

Каждый сэкономленный кристалл, каждый удачный рейд вглубь Искажения за фазовыми изолятами или редкими деталями — всё это было ради неё. Он уже живо представлял, как на обратном пути заглянет к местным барыгам-перекупщикам на нижних уровнях базы и, не торгуясь, отсыплет им драгоценной светящейся крошки, чтобы выбрать для Алины какой-нибудь настоящий подарок. Здесь, где даже глоток чистой воды стоил крови, он хотел порадовать её чем-то из той, уютной и навсегда ушедшей жизни. Может быть, настоящей бумажной книгой, которую чудом вытащили из мертвого Некрополя, не дав ей истлеть, или просто плиткой нормального, не эрзацкого шоколада из свежей контрабандной поставки.

Экономия должна быть экономной — этот жестокий девиз нового времени помогал ему сохранять рассудок, напоминая, что он не просто механически выживает изо дня в день, а по кирпичику строит хрупкий фундамент для их общего будущего. Если, конечно, этот ледяной ад не решит, что сегодня — его последний день.

Лязг ворот стих за спиной. Тишина обрушилась на него свинцовой плитой.

Здесь, в Холодильнике, она была не просто отсутствием звуков. Она казалась осязаемой, плотной, словно само пространство заполнили невидимой ледяной ватой, гасящей любые колебания. На этой территории всегда что-то происходило: скрежетали перепады температур, лопался от мгновенного замерзания бетон, выли фазовые гончие, хлопало на пронизывающем ветру ржавое железо, слышались далекие, глухие перестрелки мародёров. Но сейчас индустриальный мир словно затаил дыхание.

Не было слышно даже привычного, нервного писка наручного термосканера. Обычно в Холодильнике прибор сходил с ума, фиксируя скачки от минус тридцати до уверенного плюса каждые несколько метров, предупреждая о термических разломах. Но сейчас экран светился ровным, мертвым зеленым светом. Фон был на удивление стабильным, что само по себе пугало Чёрного до холодной испарины на позвоночнике куда больше, чем любой температурный шторм. Если аномалии замерли — значит, что-то невероятно мощное подавило их своей волей.

Чёрный медленно, выверяя каждый шаг, двинулся вперёд, обходя скованный вечным льдом скелет рухнувшего строительного крана. Он кожей чувствовал, как Пустота наблюдает за ним тысячами невидимых, равнодушных глаз из пустых глазниц окон заброшенных заводских цехов.

Где-то там, впереди, в сизом мареве мороза, едва заметно дымил химический костёр, у которого уже никто не грел руки.

— Не знаю я... — Клим нервно протирал грязной тряпкой и без того выскобленный до блеска граненый стакан. Его мясистые пальцы чуть дрожали. — Вроде не из наших, не с Большой земли. И не легатовский. Хотя выправка — чисто военная. Кадровый, не иначе. Причем из тех эшелонов, куда даже генералы «Эгиды» стучатся с докладом.

— Давай, выкладывай уже, — Алиса Ермолова оперлась о металлическую стойку, сжав кулаки так, что кожа на костяшках, покрытых мелкими шрамами от осколков, натянулась до мертвенной белизны. В её глазах плескалась холодная ярость.

— Тебя искал. Передать привет хотел. Фотографии чьи-то в руке сжимал, но спрашивал только командира спецотряда, тебя то есть...

— С самого начала, — голос Алисы упал до тихого, режущего шепота, от которого у Клим по спине пробежал холодок. — Как всё было, в деталях. Не зли меня, Клим. У меня сегодня был долгий день.

— Ну хорошо, хорошо... Спустился он сюда под самую бурю. Один.

Погода снаружи в тот час стояла такая, будто Пустота решила выблевать на Оплот все сожранные ею ледники. С неба падала не вода, а густая, перемешанная с едкой угольной пылью химическая слякоть, мгновенно замерзающая на броне. Ветер выл так, словно рвал пространство на куски. Тяжелый бронированный вездеход, гусеницы которого были забиты чёрным льдом по самые арки, тяжело вкатился на внутреннюю территорию базы. Дежурный капитан Комаренко, проклиная в рацию и этот мороз, и устав «Эгиды», тяжело шагнул в своем экзоскелете навстречу гостю.

Из вездехода вышел мужчина. Никакой спешки, укрываясь от кислотного града. Движения точные, скупые, выверенные до миллиметра. Он накинул на плечи плащ из какой-то матовой, невероятно дорогой термоткани, отталкивающей влагу, и взял жесткую пластиковую папку. Ловко, почти неуловимым фокусническим жестом, сунул инфо-чип с допуском прямо под визор шлема Комаренко, а следом — выудил из папки распечатанную фотографию. Настоящую, гляцевую бумагу, которую здесь не видели десятилетиями.

— Где найти её? — голос гостя перекрывал даже вой штормового предупреждения.

На фото была Алиса. Еще не измотанная бесконечными рейдами вдоль границы Искажения, гордая, с распущенными волосами, которые трепал ветер, не отравленный пеплом. В руках — тяжелый импульсный тесак, за спиной — штормовой излучатель. Настоящая валькирия в бронекостюме замкнутого цикла. Комаренко молча всматривался в льдистые глаза незнакомца сквозь забрало шлема, пытаясь понять, кто перед ним — безумец или человек, которому принадлежит этот мир. В итоге капитан, не проронив ни слова, лишь указал законным в сталь пальцем на тяжелые гермодвери бара «Штольц».

Буря снаружи бушевала, превращая Оплот в остров посреди ревущего небытия. Ветер крутил воронки из заледенелого мусора, а ледяная шрапнель лупила по бетонным крышам ангаров, словно невидимый бог расстреливал землю длинными очередями с орбиты. Природа и Пустота вели свой вечный бой на уничтожение, в котором людям была отведена роль простых мишеней.

В самом баре в тот момент стоял привычный, вязкий гул. «Штольц» жил своей угрюмой жизнью. Воздух здесь всегда казался твердым от перегара синтетического спирта, махорочного дыма и едкого запаха озона. Вдоль стен, на ящиках из-под снарядов и кривых лавках, сидели те, кто вернулся с границы. Наёмники «Легата» с пустыми глазами молча чистили оружие, мето-

лично втирая смазку в механизмы; бродяги-одиночки с дрожащими руками пересчитывали ржавые патроны, пытаясь понять, хватит ли им на фильтр для противогаса; раненые бойцы «Эгиды» глушили боль дешевым пойлом, уставившись в одну точку. Это был зверинец сломленных людей.

Но весь этот гул и звон кружек мгновенно стих, когда в коридоре раздался тяжелый, размеренный стук армейских ботинок, не похожий на шарканье местных завсегдатаев.

Мужчина вошел внутрь и откинул капюшон. Короткая армейская стрижка, намечающиеся залысины, впалые, бледные щеки. Но его глаза... большие, темные, они сканировали помещение с ледяным, математическим безразличием камеры наблюдения. Он не обратил внимания на направленные на него взгляды. Подошел прямо к стойке и толкнул фото к Климу.

— Знаешь её?

— Смотря зачем интересуешься, — Клим привычно включил «хозяина», нащупывая под стойкой рукоять дробовика и чувствуя за спиной присутствие тяжеловооруженного вышибалы в глухом шлеме. — Может, знаю. А может, память отшибло. Тут сквозняки сильные, выдувает всё из головы.

— Мясо. Настоящее. Горячее. И чистую воду. Вилку и нож, — абсолютно проигнорировал его игру гость.

Он выложил на стойку оплату. Но не грязные топливные талоны и не мутные изоляты. Он достал стопку безупречно чистых, старых столлларовых банкнот — валюту, которая давно утратила свой мировой статус, но здесь, среди элиты контрабандистов, стоила целое состояние как символ чистого мира. Отсчитал ровно половину и небрежно пододвинул онемевшему Климу.

— Сделай так, чтобы меня не беспокоили. Я сяду в углу.

Алкоголь, который здесь заменял и воду, и снотворное, и антидепрессанты, делал свое дело. Рассудок трапперов, обычно острый, как лезвие хирургического скальпеля, сейчас был разъеден мутными литрами сивухи. Эта химическая коррозия уничтожала остатки осторожности — того самого инстинкта, что позволял им выживать среди аномалий Холодильника.

Взгляды захмелевших ветеранов, еще недавно травивших байки о монстрах, и дерзких, отчаявшихся новичков всё чаще прилипали к столику в тени. Там сидел гость. И сама его чистота, нетронутость его снаряжения без единой царапины, и, главное, ароматы горячего, настоящего мясного ужина со специями действовали на изголодавшуюся, подвыпившую толпу как запах крови на фазовых гончих. В их затуманенных мозгах уже не всплывали логичные вопросы: кто этот человек? Почему он один? Почему он так пугающе спокоен, сидя спиной к залу?

Осталась лишь примитивная, звериная арифметика 2189 года: у него есть всё, а у нас — ни черта. И это несправедливость, которую можно и нужно исправить прямо сейчас.

Лица бродяг, покрасневшиеся, лоснящиеся от пота и копоти, начали искажаться в хищных, предвкушающих ухмылках. Грязные пальцы, привыкшие чувствовать только холодную

сталь спусковых крючков, теперь нервно барабанили по липким от пролитого пойла столешницам. Некоторые начали незаметно расстегивать кобуры. Трезвый расчёт — «не лезь, если не знаешь, кто перед тобой» — пал под натиском пьяного куража и животного голода.

В их налитых кровью глазах гость перестал быть человеком. Он превратился в ходячий сейф, в кусок драгоценного мешка с чистейшими изолятами, который просто ждал, когда его распотрошат. Тишина в баре стала тяжёлой, густой, предгрозовой. В этой мертвой тишине слышалось только сиплое, сбивчивое дыхание людей, чей инстинкт самосохранения окончательно захлебнулся в спирту, уступив место слепой, первобытной жажде наживы.

— Приключения начинаются, — хрипло, предвкушающе прошептал один из бродяг своему напарнику, потирая грязные руки.

Тот понимающе кивнул, стянул с головы засаленную шапку и, тяжело пошатываясь от выпитого синтетического спирта, направился к столику гостя. Его шаги гулко отдавались в напряженной тишине бара. От траппера несло кислотной, невымытым телом и гарью — запахами человека, который давно проиграл свою войну с этим миром, но еще не понял этого.

— И чё это мы тут командуем? А? — бродяга по-хозяйски, с наглой ухмылкой оперся руками в грязных перчатках о края чистого столика, нависая над сидящим мужчиной, пытаясь подавить его своей массой.

Гость даже не вздрогнул. Он спокойно, с пугающей механической точностью отложил столовые приборы — ровно параллельно друг другу, по всем правилам забытого в этом веке этикета. Медленно, не меняя позы, глянул через плечо нахала прямо на Клима. Бармен стоял за стойкой, скрестив массивные руки на груди, и плотоядно скалился, ожидая, как этого чисто-плюя сейчас размажут по бетону.

— Э, крендель! Ты оглох? На меня смотри, когда уважаемые люди с тобой...

Договорить он не успел. Пространство словно сжалось.

Руки траппера еще только начали отрываться от столешницы, чтобы схватить гостя за грудки, как мужчина неуловимым, смазанным движением сбросил их в стороны. В ту же долю секунды он впечатал голову обидчика прямо в тарелку с обжигающе горячим жарким. Раздался глухой хруст ломающегося носа. Дорогой, чудом сохранившийся фарфор брызнул в разные стороны острыми белыми осколками.

Оглушенный, ослепленный болью и обжигающим жиром траппер зарычал, попытался инстинктивно подняться, с силой упираясь ладонями в толстую деревянную столешницу. И тут же его рык перешел в нечеловеческий, пронзительный визг.

Тяжелый столовый нож с хрустом прошил его правую кисть, намертво войдя в дерево. В ту же секунду стальная вилка пробил левую. Гость пригвоздил его к столу. Идеально симметрично. Всё по правилам этикета.

Оскал Клима мгновенно стек с лица, сменившись маской первобытного ужаса.

Стоявший у стойки вышибала, закованный в трофейную броню «Эгиды», дернулся было на помощь. Он выхватил тяжелую дубинку-шокер, но не успел сделать и двух шагов. Гость, не поднимаясь в полный рост, текучим движением скользнул ему навстречу. Короткий, чудовищный по силе удар носком тяжелого ботинка снизу вверх — прямо в незащищенный стык брони в паху. Вышибала рухнул на колени с выпученными глазами, хватая ртом воздух, а затем свернулся на грязном полу калачиком, пуская кровавые слюни.

Третий доброволец, худой наёмник со шрамом через всё лицо, попытался вскинуть обрез импульсного ружья. Гость ушел с линии огня еще до того, как палец наёмника коснулся спуска. Перекат через соседний стол, глухой удар локтем в кадык — наёмник захрипел, выронив оружие. Гость перехватил падающий обрез в воздухе, одновременно ломая противнику колено коротким, сухим пинком.

Всё заняло не больше четырех секунд.

В «Штольце» повисла такая мертвая, звенящая тишина, что стало слышно, как тяжело и с хрипом дышит пригвожденный к столу бродяга, и как густая кровь, смешиваясь с остатками дорогого мясного соуса, мерно капает с края столешницы на бетонный пол. Кап. Кап. Кап.

Гость медленно выпрямился. Он стоял посреди бара, ничуть не сбив дыхание, небрежно, но профессионально сжимая в руках трофейный обрез. Ствол плавно обводил застывшую в ужасе толпу.

— Следующий выйдет отсюда ногами вперед. По частям, — ровным, почти скучающим голосом произнес мужчина. Ни капли адреналина. Словно он только что смахнул пыль с рукава.

— Кто... кто ты такой?.. — выдавил побелевший Клим, вжимаясь спиной в стеллажи с выпивкой. Его руки дрожали так, что звенели бутылки.

— Вопросы здесь задаю я. А ты на мой так и не ответил, — ствол обреза медленно повернулся и устался прямо в грудь бармена.

— В рейде она! — срываясь на визг, быстро заговорил Клим, выставя перед собой ладони. — С отрядом в Холодильнике! Через пару дней должна вернуться на базу, если аномалии не сожрут.

Гость задержал на нём тяжелый, сканирующий взгляд, от которого бармену захотелось провалиться сквозь землю.

— Передай ей привет от Звягинцева. Скажи, что ждать буду на заброшенной ферме, в Пепельной низине.

Мужчина спокойно закинул обрез за спину, забрал со стола свою пластиковую папку, брезгливо обошел скулящего на полу вышибалу и направился к выходу. Грохот его берцев по обледенелому бетону в абсолютной тишине бара звучал как ритмичный, неумолимый погребальный звон.

Тыл лагеря Спектра

Холодильник встретил его безмолвием вымороженного кладбища. Это был тот самый предбанник небытия — буферная зона между закованным в броню Оплотом и пульсирующей Пустотой.

Чёрный двигался плавно, текуче, почти не отрывая подошв от промерзшей земли, чтобы случайно не скрипнуть ледяной крошкой. Здесь, среди ржавых, намертво впаянных в лед скелетов портовых кранов и нагромождений грузовых контейнеров, покрытых толстым слоем инея, воздух казался выкачанным. Он был лишен всякого движения, словно само время на границе с Искажением замерзло и осыпалось на землю серым пеплом.

Он замер у края покосившегося бетонного блока, поудобнее перехватывая массивное, обжигающе холодное цевье ВССК «Выхлоп М». Громоздкий, футуристичный силуэт винтовки под чудовищный патрон 12.7-мм всегда внушал ему уверенность. Но сейчас, в этой ватной, поглощающей звуки тишине, даже такая огневая мощь казалась призрачной, почти бесполезной игрушкой против того, что дышало совсем рядом. Чёрный чуть повернул голову, активируя нашлемную гарнитуру.

— Серый, я в квадрате. Зашел с фланга, через разрушенный сборочный цех, — голос Чёрного был едва слышным шепотом, но микрофон исправно передал каждое слово. — Подтверждаю твою паранойю: «Спектра» нет. Лагерь анархистов пуст, как выпотрошенная тушка. Прием.

Далеко позади, на крыше самого высокого укрепленного здания Оплота, служащего командным пунктом, Серый замер, почти слившись с бетоном, прильнув к окуляру своей дальнобойной тепловизионной винтовки. Солнца здесь не видели уже много месяцев — тяжелый, свинцовый смог, вечно висящий над Холодильником, пропускал лишь тусклый, мертвенно-серый свет. Прапорщик медленно, выверяя каждый миллиметр, вел стволом, сканируя каждый оконный проем и излом обледенелой арматуры впереди идущего траппера.

— Принял тебя, — отозвалась рация сухим, потрескивающим от статического напряжения голосом. — Вижу твой тепловой контур в прицел, Чёрный. Но ты идешь по самому краю. За ту длинную постройку не суйся — там для меня мертвая зона, угол обзора перекрыт конструкциями, прикрыть не смогу физически. Оставайся в поле видимости. Прием.

Чёрный не ответил. Его скрытый под маской взгляд методично, сектор за сектором, сканировал стоянку анархистов. Здесь не было привычного после боя хаоса. Не было брошенных в кровавой спешке импульсных винтовок, не было россыпи стреляных гильз, вплавленных в лед, или следов волочения тел.

— Тут кое-что интересное... — Чёрный медленно, контролируя пространство вокруг, присел на одно колено, удерживая «Выхлоп» за пистолетную рукоятку так, чтобы в любой момент вскинуть его к плечу. — Вещи на местах: изотермические рюкзаки раскрыты, спальники развернуты, даже химический разогреватель под котелком еще работает. Но оружия нет. Ни единого ствола, ни одного ножа. Совсем. Они ушли со всем арсеналом, Серый. Но вот следы... Тут откровенная чертовщина со следами. Выключаю связь. Мне нужна абсолютная тишина, чтобы услышать, как дышит это место. Свяжусь, как проясню.

— Эй, вольный, ты чего удумал?! Стой, мать твою, я теб... — Рация захлебнулась возмущенным рокотом прапорщика, но Чёрный, не дожидаясь финала армейской тирады, щелкнул тумблером на предплечье.

Связь оборвалась. Тишина Холодильника тут же сомкнулась над ним, плотная и тяжелая, как ледяная вода над головой утопающего.

Цепочка отпечатков тяжелых армейских ботинок отчетливо читалась в густой, припорошенной свежим инеем бетонной пыли. Они тянулись ровным, почти парадным строем, след в след, не петляя и не сбиваясь. Прямо к самому углу, где высокие, глухие плиты забора плотно соприкасались со стеной старого, наполовину ушедшего под землю цеха.

Этот забор был не просто преградой. Это был рубеж. Именно за ним, буквально в паре метров, заканчивался предбанник Холодильника и начиналась территория абсолютного Искажения — Пустота, где законы физики выворачивались наизнанку.

Чёрный подошел ближе, жестко упирая приклад модернизированной ВССК в плечо и вода стволом из стороны в сторону. У самой глухой бетонной стены следы отряда «Спектра» обрывались. Резко. Необъяснимо. Безапелляционно.

Выглядело это так, будто человек, шедший впереди, не пытался перелезть через препятствие, не карабкался вверх по шершавой плите, а просто сделал шаг и перестал существовать в этой точке пространства. А следующий за ним анархист — шагнул в ту же пустоту с той же безукоризненной точностью.

«Фазовый Ткач?» — на мгновение задумался Чёрный, чувствуя, как под комбинезоном собирается липкий пот.

Эти твари, порождения Пустоты, не копались в мозгах. Им не нужна была дешевая телепатия. Ткачи взламывали саму локальную гравитацию вокруг человеческого тела, превращая людей в покорных марионеток на невидимых пространственных нитях. Жертвы всё прекрасно понимали, кричали и задыхались от ужаса внутри своих шлемов, но их руки и ноги двигались сами по себе, подчиняясь чудовищному внешнему давлению.

Именно поэтому здесь чувствовался такой пугающий, мертвый порядок. Никакой паники, никаких следов борьбы или хаотичного бегства. Те, кто ушел прямо сквозь глухую бетонную стену, чеканили шаг с неестественной, машинной синхронностью, выгибая суставы под страшными углами. Невидимый кукловод увел их идеальным строем. Они послушно забрали с собой всё оружие, оставив лишь пустые оболочки своего быта: раскрытые спальники, сухпайки и тихо гудящий обогреватель, который теперь казался одиноким маяком для исчезнувших мертвецов

Траппер почувствовал, как по загривку, несмотря на терморегуляцию костюма, пробежал потусторонний холод. Он стоял перед глухой стеной, отделяющей его от Пустоты, стеной, которая беззвучно сожрала до зубов вооруженный отряд, и чувствовал, как его двенадцатикилограммовый «Выхлоп» становится пугающе тяжелым и бесполезным. В этом мире абсолютная тишина никогда не означала безопасность. Она означала лишь одно: хищник уже выбрал цель, закрыл пасть и просто ждет, когда жертва сделает неверный шаг.

Чёрный замер перед плитой, где обрывались следы. В голове набатом стучала мысль о пространственных разломах, скрытых сингулярных «карманах», которые Пустота порой забрасывала за свои границы, прямо в Холодильник. Если целый отряд анархистов строем вошел в монолитный бетон и не вышел с другой стороны, значит, сама ткань реальности здесь свернулась в бараний рог.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, опустил массивный ВССК на тактический ремень. Свободной рукой выудил из подсумка на бедре гладкий, тяжелый «мертвый изолит», заботливо покрытый матовым термореактивным полимером. Пальцы в толстых перчатках привычно, до автоматизма ощутили спасительную тяжесть выгоревшего осколка Пустоты и холод его искусственной оболочки.

В этом вымороженном мире такие фазовые пустышки были единственным способом «прощупать» нестабильное пространство впереди. Их чудовищная плотность позволяла бросать щуп далеко и точно, а полимерная оболочка работала как мгновенный детектор: при попадании в зону смертельного жара или абсолютного нуля она должна была вспыхнуть предупреждающим цветом, раскрывая ловушку до того, как в неё шагнет человек.

— Посмотрим, насколько ты голодная, дрянь, — едва слышно пробормотал он под нос.

Короткий, резкий замах. Сфера по выверенной дуге полетела точно в ту невидимую точку, где последний след ботинка «спектровца» впечатался в мерзлую пыль перед самой плитой.

Чёрный весь подобрался, ожидая чего угодно: беззвучной вспышки скрытого термопятна, способного за долю секунды испарить плоть и расплавить металл, или того, что тяжелая сфера просто канет в глухую стену, как камень в темную, стоячую воду, не издав ни звука.

Звонкий, резкий металлический шелчок разорвал тишину, гулким эхом разнесшись по пустому, вымороженному Холодильнику.

Шарик просто ударился о грязный, промороженный насквозь бетон и совершенно по-земному, бесполезно отскочил в сторону. Полимерная оболочка осталась тускло-серой, не выявив температурных перепадов. Физика здесь, на границе с Бездной, работала как часы. Бетон был просто бетоном. И этот мертвый порядок пугал куда больше любой аномалии.

Чёрный на секунду замер, глядя на обледенелую сферу. Никакой аномалии. Никакого искажения пространства. Просто глухая, промерзшая насквозь бетонная стена покрытая инеем пыль. Ошибка. На границе с Пустотой ошибка чаще всего стоит жизни, но здесь она стояла лишь потерянного времени и лишнего шума. Значит, они не исчезли в гравитационном разломе — анархисты из «Спектра» просто умели чертовски хорошо замечать следы или использовали какой-то хитрый, скрытый лаз, который сверху, из тепловизионного окуляра снайперской винтовки Серого, казался монолитным тупиком.

Он покрепче перетянул тактический ремень ВССК «Выхлоп М» за спиной, физически чувствуя, как обжигающе холодный металл винтовки тяжело давит на лопатки даже сквозь термоподкладку. Массивная, двенадцатикилограммовая туша оружия требовала идеальной, надежной фиксации. Чёрный подтянулся, намертво ухватившись пальцами в бронированных

перчатках за крошащийся, покрытый ледяной коркой край бетонной плиты. Мышцы привычно, с тихим скрипом кевлара напряглись под бронепластинами штурмового комбинезона.

На той стороне, за забором Холодильника, его встретил редкий, мертвый лесок. Чахлые, неестественно искривленные деревья стояли здесь как безмолвные часовые — они чудом уцелели после Катастрофы, не сгорев в пламени, а просто окаменев от вечного холода, навсегда сохранив свою мертвенно-серую, облупившуюся кору. Чуть поодаль густели заросли колючего кустарника, покрытого «стеклянным мхом» — ядовитой дрянью, хрустящей под ногами и выделяющей едкий газ.

Трапперы-бродяги обходили такие места десятой дорогой: температурных аномалий прова, а путных образцов, за которые барыги отсыплют хотя бы щепотку мутных изолятов — абсолютный ноль. Мусорные, вымороженные до звона гиблые места. Поговаривали, что здесь бродит «Обмороженный» — мутировавший мародёр, у которого мозги не до конца выжгло низкочастотным гулом Пустоты, и он до сих пор хрипло выпрашивает топливные брикеты, целясь в тебя из ржавого, намертво заклинившего ствола. Бредни замерзающих, пугалки для новичков у гудящего генератора. В этом мире всё предельно просто: либо ты живешь и идешь дальше, либо ты кусок мерзлого мяса. Третьего не дано.

Чёрный замер на верхушке забора, плавно припав к бетону. Его комбинезон, перекрашенный в ломаные, рубленые оттенки серого, белого и стального, идеально сливался с выщербленной плитой и ползущим со стороны Дикой промзоны химическим туманом. Даже самый опытный глаз контрактника не сразу отличил бы его неподвижный силуэт от куска старого фундамента.

Он мягко, как огромный кот, приземлился на той стороне, самортизовав удар коленями. ВССК тут же оказался в руках, тяжелый приклад привычно уперся во впадину плеча.

Там, далеко за окаменевшими деревьями, мелькали мелкие точки. Грязно-зеленые термокомбинезоны «Спектра» на фоне коричневой, скованной льдом земли горели в оптике, как яркие мишени в тире. Они двигались вглубь Дикой промзоны, всё дальше отдаляясь от своего брошенного лагеря, выстроившись в грамотную боевую колонну.

— Чего вы там забыли, парни?.. — едва слышно прошептал Чёрный, ловя фигуру замыкающего анархиста в перекрестье оптического прицела. Палец мягко лег на спусковой крючок.

И тут же он почувствовал — что-то не так.

Что-то маленькое и на удивление теплое слабо ткнулось в его тяжелый, окованный сталью ботинок лбом, тихо и очень жалобно поскуливая. Чёрный не шелохнулся, ни один мускул не дрогнул на его лице, он лишь медленно скосил глаза вниз. Маленький комок деловито принюхался к запаху армейского берца, а затем звук резко изменился. Существо утробно, совсем по-взрослому, с хриплым клочкотанием зарычало, и в этом рыке послышалась леденящая кровь угроза, никак не соотносившаяся с его крошечными размерами.

Чёрный очень медленно, не делая резких движений, начал смещать ствол тяжелого «Выхлопа» вниз, гадая, кто из порождений химической зимы решил составить ему компанию в этой мертвой зоне.

Он замер, стараясь даже дышать через раз. У его ног копошился комок обманчивой безмятежности — дикий, агрессивный и смертельно опасный в самом ближайшем будущем. Это был щенок Панцирного волка.

В голове траппера тут же всплыло яркое воспоминание об одном из самых первых выходов, когда он, еще зеленый, не обстрелянный новичок, водил бойцов «Эгиды» за редкими химическими образцами. Старый прапорщик Серый тогда, куря дешевую папиросу, предупреждал: «Если видишь Панцирного волка, и он тебя сразу не атакует — значит, он уже всё просчитал и просто выбирает, с какого бока начнет отрываться от тебя куски».

Чёрный тогда своими глазами видел, на что способна взрослая особь, выжившая в этом ледяном аду. Эти твари вырастали до двух метров в холке. Эволюция, подстегнутая соседством с Пустотой, лишила их шерсти, заменив её плотной, как танковая резина, кожей. Под ней нарастал толстый панцирь из роговых пластин, который порой играючи выдерживал попадание пули в упор, а массивный, бугристый череп был прочнее бронестекла. Но пугала не их звериная мощь и не клыки, способные перекусить автоматный ствол. Пугал их интеллект. Панцирные волки обладали почти человеческим разумом, только куда более жестоким и честным. Они охотились слаженными стаями, использовали засады, не бросали своих подранков и никогда, ни при каких обстоятельствах не отступали, если чувствовали в воздухе сладкий запах человеческого страха.

Малец между тем неуклюже задрал заднюю лапу, деловито пометил каблук стального берца теплой, едкой струйкой и снова, уже требовательно, заскулил, глядя на огромного траппера снизу вверх.

— Зараза... не мать я твоя, — проворчал Чёрный, физически ощущая, как под плотной термотканью комбинезона по спине пробежала струйка ледяного пота.

Логика этого вымороженного мира была проста и абсолютно беспощадна: если здесь, у твоих ног, скулит щенок, значит, разъяренная мать находится на расстоянии одного прыжка. А взрослому Панцирную гончую одиночными из снайперки в упор не остановишь. Она не бежит — она перемещается ломаными, смазанными рывками, быстрее, чем человеческий глаз успевает сфокусироваться в сером тумане, а замерзший мозг — отдать команду пальцу на спусковом крючке.

Стоило ему об этом подумать, как ватную, тяжелую тишину Холодильника разорвала бешеная, истеричная стрельба. Палили не прицельно — просто в панике давили на гашетки импульсных автоматов, обильно поливая скованные льдом кусты раскаленным свинцом и плазмой. Звук доносился со стороны тех самых исчезнувших анархистов «Спектра», чьи силуэты он засек секундами ранее.

Чёрный, уже на ходу защелкивая магнитные замки шлема и с шипением пневматики опуская глухую боевую маску, вскинул к плечу массивный ВССК «Выхлоп М». Зеленоватая цифровая сетка тепловизора заскользила по изломанным фигурам в грязно-зеленых термокомбинезонах, которые теперь хаотично металась среди окаменевших деревьев. Он прильнул к окуляру прицела, навел резкость и едва не присвистнул от увиденного.

Чёрный замер, не в силах оторвать взгляд от линзы. То, что разворачивалось перед ним, не укладывалось ни в одну байку, пьяно рассказанную у костра в «Штольце». Это была мону-

ментальная «картина маслом», написанная кровью, отчаянием и пространственным безумием прямо на границе Дикой промзоны.

Пятеро бойцов «Спектра» в заляпанной замерзшей грязью броне двигались чудовишной, механической походкой сломанных марионеток. Их движения были дергаными, неестественными, суставы выгибались под странными углами, словно кто-то невидимый и безмерно жестокий дергал за нейронные ниточки, заставляя их мышцы сокращаться против их собственной воли. Они палили от бедра, вслепую заливая огнем пустоту, и дымящиеся гильзы дождем сыпались на жухлую, покрытую инеем траву, протаивая в ней черные дыры.

А в самом центре этой безумной поляны, среди завихрений «фазового зеркала» — аномалии, которая ломала свет и искажала само пространство до тошноты, — разворачивалась немая схватка титанов.

Огромная Панцирная гончая — настоящая первобытная машина смерти, покрытая буграми костяных наростов — яростно металась вокруг своей цели. Она была похожа на серую, неотвратимую молнию: каждый её прыжок был математически выверен, каждый оскал обнажал клыки, способные рвать танковую броню. Но она не атаковала. Великая хищница захлебывалась в хриплом, надрывном рыке, бессильно царапая когтями обледенелую землю, поднимая в воздух облака радиоактивной пыли.

Перед ней стоял Фазовый Ткач.

Он был древним и невероятно матерым. Существо, порожденное самой Пустотой. Кожа на его непропорционально вытянутом, лишенном глаз черепе висела полупрозрачными, пепельными складками, сквозь которые пульсировали черные, набухшие от энергии Искажения вены. На нем еще сохранились вплавленные прямо в плоть лохмотья тяжелого защитного скафандра — эхо того времени, когда он был человеком. Его аура светилась холодным, чуждым разумом, в котором не осталось ничего земного, кроме изошренной, возведенной в абсолют жестокости. Но он не наносил прямого ментального удара, не выжигал остатки сознания скулящей гончей.

Ткач просто стоял, непоколебимый, как памятник небытию, сжимая в каждой из своих длиннопалых, узловатых, покрытых трупными пятнами рук по крошечному, скулящему щенку. Панцирная гончая видела, как острые, словно хирургические скальпели, когти порождения едва не протыкают тонкую роговую чешую её потомства. Живой щит. Заложники, купленные ценой материнского инстинкта.

Чёрный медленно перевел взгляд вниз, на своего «оборванца» у ботинка. Мелкий замер, смешно склонив тяжелую, угловатую голову набок, и смотрел на траппера черными, как полированный антрацит, бусинками глаз. В этом взгляде не было животной тупости — только немая, отчаянная просьба и пугающее, почти человеческое понимание ситуации. Понимание, которое страшило Чёрного больше, чем сам Фазовый Ткач.

— Отсюда не достанем. Пространство ломается, пуля уйдет в сдвиг. Надо ближе, — прошептал Чёрный, и его голос в герметичном шлеме прозвучал непривычно глухо, отдаваясь в ушах.

Щенок коротко, по-военному мотнул мордой, словно принимая условия игры и подтверждая приговор.

Чёрный не привык раздумывать, когда цель уже была взята в перекрестье. Он одним резким, уверенным движением сгреб мелкого под мышку, чувствуя сквозь броню, как часто и гулко бьется крошечное, горячее сердце, и рванул вперед.

Ему предстояло сделать то, чего боялись даже ветераны «Эгиды». Сделать шаг за невидимую линию.

В одно мгновение он пересек границу Холодильника. Мир вокруг неуловимо, но страшно изменился. Звуки выстрелов анархистов вдруг стали вязкими, приглушенными, словно он погрузился на дно океана. Цвета выцвели, уступив место бесконечным оттенкам серого и непроглядно-черного. Воздух здесь был другим — он пах озоном, жженой медью и абсолютным, стерильным ничем. Это было Искажение. Территория Пустоты.

И как только его тяжелый ботинок коснулся этой проклятой земли, Чёрный почувствовал это. Чувство чужого, голодного взгляда, сверлящего затылок. Пустота не просто заметила его. В Искажении нет секретов. Как только живая, не зараженная фазовым распадом кровь пересекла периметр, каждая тварь, скрытая в черном тумане в радиусе километров, подняла голову. Охота на чужака началась.

Путь к поляне лежал через полосу препятствий, созданную изощренной физикой Бездны. Прямо перед ним в воздухе дрожало густое марево — «термическая воронка», раскаляющая атмосферу внутри себя до температуры плавления стали. Чёрный резко вильнул вправо, уходя в скольжение по льду, едва не зацепив краем массивного наплечника невидимый горизонт событий этого миниатюрного ада, который мог в мгновение ока превратить его кости и броню в раскаленный шлак. Благо, в тусклом свете аномальную дрянь было видно неплохо — по характерному преломлению света и расходящимся кругам тающего снега.

Он пролетел мимо зарослей стеклянного мха, не обращая внимания на то, как его хрупкие, острые как бритва споры со скрежетом впиваются в кевларовую ткань штанов. Отодрать эту дрянь — задача на пять минут в тамбуре Оплота, а вот выковыривать из себя пули одурманенных «спектровцев» или ждать, пока Фазовый Ткач почувствует свежий разум на своей территории, времени не было совершенно.

Чёрный двигался максимально низко, текуче, почти прижимаясь к мертвой земле. Он использовал каждый ржавый остов довоенного экскаватора и каждый вросший в лед бетонный блок как укрытие, неумолимо сокращая дистанцию для одного-единственного, решающего выстрела своего «Выхлопа», пока Пустота не сомкнула свои челюсти на его горле.

Оса

Алина Колохова стояла у узкого, бронированного окна на втором этаже бывшего административного здания, превращенного в укрепленную казарму Оплота. Она задумчиво смотрела сквозь амбразуру на вымороженный плац. В толстом, пуленепробиваемом стекле, покрытом слоем вековой угольной пыли и колючей изморози, слабо отражалось её лицо. Светлые, почти прозрачные глаза — льдистая фамильная черта Колоховых, точно такие же, как у Саши. Длинные светлые волосы были туго стянуты в жесткий хвост, чтобы не цеплялись за гермово-

ротник и не мешались под тактическим шлемом, но несколько непокорных прядей всё равно выбились, обрамляя уставшее лицо.

Ей было двадцать пять. Рост средний — как раз такой, чтобы не выделяться в разношерстной толпе наемников и военных, но и не казаться хрупкой добычей. Оса не пыталась строить из себя бездушную «железную леди» этого вымирающего мира, но свою человеческую мягкость давно и надежно научилась прятать глубоко, под композитные бронепластины легкого разведывательного комбинезона замкнутого цикла. На краю Пустоты по-другому нельзя: либо ты обрастаешь непробиваемой корой цинизма, либо Искажение пережевывает тебя и выплевывает.

На плече привычно, успокаивающе тяжело висел ремень крупнокалиберного магнитного дробовика — надежного, убойного аргумента в любом споре на короткой дистанции, способного пробить даже хитиновую броню местной фауны. Она доверяла этому тяжелому куску высокотехнологичного металла гораздо больше, чем многим людям вокруг.

Девушка нервно поправила жесткий воротник комбинезона и тяжело вздохнула. На душе было мутно и беспокойно. Брат ушел на вылазку за периметр уже несколько часов назад, и хотя она прекрасно знала, что Чёрный — один из лучших проводников в этом аду, предчувствие надвигающейся, неотвратимой беды липкой ледяной паутиной оседало где-то под ребрами.

— Опять в горизонт всматриваешься, Колохова? — раздался за спиной грубоватый, лязгающий из-за вокодера голос одного из тяжеловооруженных патрульных «Эгиды». — Не дрейфь, твой братец из любой фазовой петли вывернется. Он же как радиоактивный таракан — его даже дыхание Бездны не берет.

Алина медленно обернулась, и в её светлых глазах промелькнул такой острый, стальной блеск, что патрульный невольно осекся и переступил с ноги на ногу, бряцнув сервоприводами. Она не была злой по своей природе, но когда дело касалось единственного родного человека, её напускная «мягкость» испарялась быстрее, чем капля чистого спирта на раскаленной броне.

— Он ушел в сторону промзоны Холодильника, — тихо, но так, что каждое слово впечаталось в тишину коридора, сказала она, полностью проигнорировав глупую солдатскую шутку. — А там сейчас слишком тихо. Слишком стерильно даже для предбанника Пустоты.

Она снова отвернулась к стеклу. Вдалеке, над покатыми, обвалившимися крышами мертвых заводских цехов, висело тяжелое, свинцово-серое марево химического смога. Где-то там, среди вмерзшего в землю ржавого железа и невидимых температурных аномалий, Чёрный делал свою грязную, смертельно опасную работу. Делал только для того, чтобы она могла стоять здесь, в относительной безопасности Оплота, сытая и в тепле, и мечтать о чем-то большем, чем просто дожить до следующего расширения Искажения. Оса до хруста в костяшках сжала ребристое цевье дробовика. Ожидание всегда было самой невыносимой, выматывающей частью её жизни в этом 2189 году.

— Ну и где мне тебя там искать?.. — едва слышно, одними губами прошептала она, обращаясь к равнодушной серой мгле за окном.

Алина не стала ждать ответа от мироздания. Она резко, решительно оттолкнулась от холодного подоконника и быстрым, чеканящим шагом направилась к выходу. Спускаясь по гудящим металлическим пролетам лестницы, она уже не думала ни о строгих приказах командования «Эгиды», ни о блокпостах. Когда дело касалось брата, её привычная, хладнокровная рассудительность уступала место слепой, почти животной преданности.

Но стоило ей только толкнуть плечом тяжелую гермодверь, выйти на открытое, пронизываемое ледяным ветром пространство внутреннего двора и направиться в сторону внешнего периметра, как мертвую тишину промзоны Холодильника разорвал плотный, захлебывающийся шквал концентрированного огня.

Звук был страшным — невероятно тяжелым, гулким. Он ударил в высокие бетонные стены Оплота, заставив рефлекторно вздрогнуть всё живое на базе. Спустя долю секунды промерзшую землю под её ногами ощутимо, до тошноты тряхнуло, словно где-то совсем рядом, впереди, сработал колоссальный гравитационный разряд, сминающий пространство.

А затем ледяной воздух прошли сухие, истеричные, высокочастотные очереди импульсных карабинов «Спектра», которым в такт, грубо, ритмично и надрывно, начали подпевать тяжелые бронебойные хлопки магнитных штурмовых винтовок. Кто-то там, во мраке Холодильника, вел бой на полное уничтожение.

Алина физически похолодела, и дело было вовсе не в пронизывающем ветре. Это не была штатная огневая тренировка гарнизона или случайная стычка патруля с обмороженными мародёрами. Судя по плотности огня, там, впереди, шла настоящая, отчаянная бойня.

— Саша! — сорвалось с её побелевших губ имя брата.

Она резко прибавила шаг, переходя на тяжелую рысь, и вскоре оказалась у самого последнего, внешнего блокпоста «Эгиды». Здесь всё уже стояло на ушах. Дежурная смена оцепинилась стволами в сторону промзоны Холодильника. Бойцы в массивных, покрытых инеем штурмовых экзоскелетах намертво припали к промерзшим бетонным блокам, а стрелок на вышке судорожно вращал спаренным стволом крупнокалиберного магнитного пулемета, пытаясь высмотреть невидимого врага в наползающем со стороны Искажения химическом тумане.

Алина подошла к самому заграждению из ржавых противотанковых ежей. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица в тесной клетке. Она видела, как за блокпостом, там, где заканчивался порядок и начинались искореженные морозом конструкции и серый, крошащийся бетон, воздух густо подрагивал от озона и статического напряжения. В глазах девушки застыл первобытный страх, смешанный с такой яростной решимостью, перед которой пасовали даже законы этого мертвого мира.

Она шла быстро, едва сдерживая желание сорваться на отчаянный бег. Каждый шаг давался с трудом — и не из-за веса её легкого разведывательного комбинезона или тяжелых армейских берцев, а из-за липкого, холодного ужаса, который стальной хваткой сковывал внутренности. Она изо всех сил старалась дышать ровно, глубоко, ровно так, как учил её Чёрный, но сердце предательски колотилось где-то в самом горле, мешая глотать ледяной воздух.

Она так и не увидела его лица перед уходом. Он не зашел попрощаться, прекрасно зная, что она сразу почует неладное, начнет отговаривать или, того хуже, проситься в рейд вместе

с ним. Вместо этого на её наручный тактический планшет пришло короткое, сухое текстовое сообщение: «Ушел в Холодильник по наводке. Будь в Оплоте, к ужину вернусь. Не лезь никуда. С.»

Эти скудные строчки теперь жгли экран устройства сквозь плотную ткань кармана. «Не лезь никуда». Будто он не знал свою сестру. Будто не знал, что она скорее с разбегу прыгнет в раскаленную термическую воронку, чем останется смиренно сидеть в душном баре, когда со стороны предбанника Пустоты доносятся звуки настоящей мясорубки.

На самом блокпосту, где закованные в броню бойцы «Эгиды» застыли за брустверами, воздух был наэлектризован до предела. Алина остановилась на секунду, невольно прислушиваясь к шипению мощной полевой рации, которую держал в руке полковник Волков. Голоса из динамика звучали сухо, с металлическим искажением вокодеров, и неестественно четко на фоне далекой, глухой канонады:

— «Молот-1» и «2» на позиции, — донеслось из рации сквозь треск статики. — Окопались у старых кранов.

— «Молот-7» и «9» на позиции, тепловых сигнатур противника не наблюдаем. Сканеры чисты.

Эти доклады казались девушке изощренным издевательством. Как можно было «не наблюдать противника», когда от грохота плазменных разрядов закладывало уши, а вечную мерзлоту под ногами ощутимо трясло? Она посмотрела на Волкова — полковник стоял абсолютно неподвижно, как изваяние из серого, посеченного осколками гранита. Девушка двинулась было вперед, к тяжелым гермоворотам, ведущим к брошенному лагерю «Спектра», когда путь ей жестко преградил лейтенант.

— Куда прешь? Жить надоело? — процедил у бруствера лейтенант Сидорин, его рука в кевларовой перчатке произвольно легла на кобуру с импульсным пистолетом.

Алина даже не замедлилась. Она лишь гордо вскинула голову, и в её светлых глазах, обрамленных выбившимися прядями, блеснула такая холодная, убийственная решимость, что лейтенант на секунду замешкался, словно наткнувшись на невидимую стену.

— Оставь, лейтенант, пусть идет, — не оборачиваясь, хрипло бросил Волков. Полковник продолжал неотрывно смотреть в сторону Дикой промзоны, и его голос был лишен всяких эмоций — только сухая констатация факта. — На границе с Бездной от старости не умирают.

Слова старого вояки хлестнули по лицу, как ледяная ветка на сильном ветру. «Мрут не от старости» — горькая, неприкрытая правда 2189 года, которую Алина всегда старалась гнать от себя прочь, прячась за надежностью брата. Она не ответила, лишь прибавила шаг, проходя мимо оцетинившихся магнитных пулеметов и настороженных взглядов охраны.

Оса замерла у края последней, наполовину разрушенной бетонной постройки, за которой начиналась настоящая, вымороженная пустошь Холодильника. Она подняла голову, инстинктивно ища глазами единственную точку опоры в этом надвигающемся сером мареве. Далеко позади, на вышке главного командного пункта Оплота, на фоне свинцового, тяжелого неба, застыл неподвижный, как горгулья, силуэт.

Это был Серый. Напарник брата, старый прапорщик, человек, который видел этот мир исключительно через перекрестье тепловизионной оптики и редко ошибался в своих прогнозах. Алина знала наверняка: он ведет её в своем прицеле с той самой секунды, как она пересекла черту блокпоста. Заметив, что девушка смотрит прямо на него сквозь пелену снегопада, снайпер медленно оторвался от окуляра.

Он не стал использовать рацию — здесь, в вязкой, давящей тишине перед границей Искращения, любой радиосигнал мог стать лишним шумом, привлекающим внимание фазовых тварей. Серый просто молча вытянул руку в бронированной перчатке, четко указывая направление — туда, вглубь заледенелой промзоны, к тылам лагеря «Спектра», который едва угадывался в густой, наползающей дымке.

Алина коротко, сцепив зубы, кивнула в сторону вышки и переступила невидимую черту, официально входя на вымороженную территорию Холодильника.

Путь до брошенного лагеря показался ей бесконечным, хотя по прямой идти было всего ничего. Этот предбанник Пустоты встретил её резким порывом пронизывающего ледяного ветра, густо пахнущего старой ржавчиной, озоном и чем-то сладковато-приторным — так пах фазовый распад материи. Она двигалась вдоль заброшенных, скованных вечной мерзлотой железнодорожных путей, стараясь ставить ноги мягко, чтобы не хрустеть битым стеклом и кусками почерневшего льда.

Слева во мраке высились циклопические скелеты недостроенных цехов, чьи обледенелые балки походили на ребра огромных, давно сдохших доисторических левиафанов. Справа громоздились бесконечные лабиринты грузовых контейнеров, изъеденных химической коррозией до сквозных дыр, в которых теперь завывал ветер.

Здесь время словно завязалось в мертвый узел и замерзло навсегда. Девушка медленно шла мимо перевернутых, впаянных в землю вагонеток и бетонных блоков, покрытых ядовитым фосфоресцирующим лишайником. Каждый её осторожный шаг гулким эхом отдавался в пустых, зияющих чернотой оконных проемах, и Алине казалось, что за ней из этой темноты неотрывно наблюдают десятки невидимых, голодных глаз.

Она знала из чужих, полузабытых рассказов старых бродяг, что когда-то, почти век назад, эти места были полны жизни. Здесь гудели конвейеры, спешили по своим делам люди, в перерывах звучал смех, кто-то пил горячий кофе, строил планы на выходные, радовался солнцу. Но для Алины всё это было лишь пыльной сказкой. Она родилась уже после того, как небеса обрушились, а земля раскололась Чёрными дырами. Для неё солнце всегда было лишь тусклым, больным пятном сквозь пелену вечного смога. Она не знала тепла радиаторов в уютных квартирах, не видела зеленых деревьев — только этот искаженный, покрытый инеем и пеплом мир, в котором право на следующий вдох нужно было вырывать с боем. Эти руины были для неё не местом трагедии, а привычным, жестоким ландшафтом её единственной реальности.

Она крепче сжала ребристое цевье плазменного дробовика, чувствуя, как ладони под тактическими перчатками становятся влажными от напряжения. Мысли о брате не давали покоя, жалили мозг. Она живо представляла, как Чёрный шел здесь же всего полчаса назад, так же вслушиваясь в каждый шорох, плавно обходя термические ловушки.

Наконец, она вышла к самому стыку плит, к тылу лагеря «Спектра». Зрелище было по-настоящему гнетущим. Всё кричало о том, что люди ушли внезапно, словно по щелчку невидимого пальца, забрав с собой только оружие: вот валялся раскрытый изотермический рюкзак, из которого на лед высыпались брикеты синтетических рационов; рядом — расстеленные спальники, всё еще сохранявшие смятую форму человеческих тел. На перевернутом патронном ящике стояла армейская термкружка с недопитым химическим чаем; над ней уже не вился пар, но химический разогреватель под ней всё еще тускло мерцал красным.

Алина физически чувствовала, как по позвоночнику медленно ползет липкий, парализующий холод. Это место больше не принадлежало людям — оно было насквозь пропитано вязким, давящим на виски ощущением чужого, потустороннего присутствия. Искажение дышало ей прямо в затылок. Но Чёрный был где-то здесь, совсем рядом, она это чувствовала.

«К ужину он вернется...» — горько, с надрывом вспомнила она сухие строчки в планшете, подходя к той самой высокой бетонной плите, на которую указывал Серый. «Только попробуй мне не вернуться, Сашка. Я тебя сама с того света вытащу».

Она подошла к самому стыку шершавых плит и замерла, опустив взгляд. Прямо в серой, припорошенной свежим снегом бетонной пыли, у основания глухого забора, лежал тяжелый осколок «мертвого изолята». На его матовой полимерной оболочке виднелась глубокая, вырезанная ножом буква «С». Фирменная метка Саши, которую он оставлял по старой привычке.

Сердце девушки пропустило болезненный удар — он действительно был здесь совсем недавно. И раз эта сверхплотная сфера просто лежала в пыли, а не улетела в гравитационную воронку, значит, Чёрный проверял безопасный путь перед тем, как перемахнуть через периметр. Туда, в самое холодное сердце Пустоты.

Она резко вскинула глаза на верхнюю кромку забора. Плиты были выщерблены, и на толстом слое многолетнего инея отчетливо виднелись свежие, глубокие борозды — следы того, что кто-то совсем недавно тяжело подтягивался здесь, цепляясь бронированными перчатками и мысками берцев.

Алина закрыла глаза, глубоко, до боли в легких вдохнула ледяной фильтрованный воздух через клапаны маски, чувствуя, как обжигающая злость и решимость окончательно вытесняют липкий страх. Она закинула дробовик за спину и потянулась к краю плиты.

Хрупкая грань между...

Мертвая тишина Холодильника после резко оборвавшейся перестрелки стала по-настоящему вязкой, звонкой и пугающей. Внезапно со стороны глухого бетонного забора, прямо под ноги Алине, вылетел маленький, бугристый комок. Щенок Панцирной гончей кубарем прокатился по припорошенной инеем серой пыли и, тонко поскуливая, вжался в её стальные берцы. А следом, тяжело, со скрежетом кевлара цепляясь негнушимися пальцами за выщербленный край обледенелой плиты, показалась голова брата.

Чёрный с огромным, неестественным трудом перевалился через забор, словно гравитация в этой точке внезапно увеличилась втрое, а его тело налилось свинцом. Он мешком рухнул на промерзшую землю, тяжело распластавшись и жадно, с булькающим хрипом хватая ртом обжигающе холодный, пропитанный озоном воздух предбанника Пустоты. Маска его шлема

была сорвана вместе с креплениями, и Алина впервые за долгое время увидела его лицо — пугающе бледное, покрытое густым налетом угольной копоти и липким, стылым потом.

Девушка сдавленно ахнула и бросилась к нему, даже не взглянув на жмующийся к ногам скулящий комок будущей смерти. В этот момент ветер со стороны Искажения резко усилился, тоскливо завывая в пустых оконных проёмах разрушенного цеха, словно сама Бездна яростно оплакивала упущенную добычу. Ледяные порывы гнали по земле острую бетонную крошку и куски ржавого пластика, закручивая их в колючие серые воронки вокруг тяжело дышащего траппера.

— Что болит?! — голос Осы сорвался на жалкий хрип, в котором дрожало нескрываемое, животное отчаяние.

Чёрный не ответил. Он медленно, будто каждое движение давалось ему ценой жизни, закрыл глаза, и лишь последним, судорожным усилием здоровой руки указал на щенка, замершего рядом в серой пыли.

«Ну не малец же тебя так изодрал...» — горько, с подступающей паникой подумала она, чувствуя, как внутри обрывается и падает куда-то в желудок всё самообладание.

Брат был буквально залит кровью, которая на таком морозе уже начала густеть и чернеть. Дорогая термоткань штурмового комбинезона превратилась в тяжёлые, пропитанные алым лохмотья. Его левая рука от плеча до самого локтя представляла собой жуткое месиво из багровых кусков разорванной плоти и порванных синтетических волокон — страшный след близкого контакта с когтями Фазового Ткача, который он только что оставил за невидимой стеной Искажения. На бедре и сбоку на бронежилете зияли рваные, дымящиеся на морозе кратеры от попаданий из импульсных карабинов обезумевших анархистов. Половины левого уха не было вовсе — её будто срезало лазером, оставив лишь ровный, оплавленный и кровоточащий край.

«Тупая дура, тупая, самонадеянная дура...» — раскаленным гвоздем пульсировала мысль в висках Алины, когда она поняла, почему он запретил ей идти следом.

Видеть, как самый близкий человек, её единственная опора и абсолютная защита в этом вымершем мире, за какие-то жалкие несколько минут получил такую дозу боли и свинца, было выше её сил. Она судорожно потянулась к тактическому медицинскому подсыумку на поясе, но руки в перчатках мелко и противно дрожали, отказываясь слушаться. Вопрос «где болит» застрял в пересохшем горле колючим комом — болело везде, он был одной сплошной раной. Ветер безжалостно трепал её светлые волосы, бросая выбившиеся пряди на лицо, а Чёрный лежал неподвижно на льду, и только редкие, прерывистые и тяжелые вздохи говорили о том, что он всё ещё цепляется за этот мир.

Мир девушки мгновенно сузился до размеров растерзанного серого комбинезона. Эхо плазменных разрядов на территории Дикой промзоны еще отдавалось звоном в ушах, но здесь, у глухого забора, воцарилась тишина — та самая, давящая, плотная тишина, которая наступает на границе с Пустотой перед тем, как она заберет свою дань.

— Саш... Сашка, не смей, слышишь? Только не смей, — отчаянно шептала она.

Её пальцы, привыкшие молниеносно передергивать затвор тяжелого оружия, теперь жалко дрожали, разрывая зубами плотную пластиковую упаковку армейского кровоостанавливающего пакета с коагулянтом.

Чёрный лежал абсолютно неподвижно. Его лицо, обычно непроницаемое и жесткое, как маска из обожженной глины, теперь стало желтовато-восковым, как у покойника. Кровь была везде: она пропитала термоизоляцию, смешалась с едкой пылью и медленно, густыми каплями затекала в трещины между промерзшими бетонными плитами. Каждая страшная рана на его теле была словно немой крик боли, который этот железный человек так и не позволил себе выпустить наружу.

Маленький щенок Панцирной гончей, этот нелепый, зубастый «подарок» из самого эпицентра ада, вдруг притих. Он доверчиво прижался к относительно целому, теплomu боку брата и тихо, почти по-человечески всхлипывал, не отрывая от суетящейся Алины своих блестящих, не по-звериному осмысленных и печальных глаз-бусинок.

— Держись, Сашка, слышишь? Ты же обещал к ужину... — Алина с силой, до побелевания костяшек, вжала пропитанный химией тампон прямо в рваную огнестрельную рану на его бедре, пытаясь остановить толчки артериальной крови.

Руки мгновенно стали горячими и скользкими. Металлический запах свежей крови и горелой синтетики напрочь забивал кислородные фильтры. Она с ужасом видела, как мелко вздрагивают его посеребрившие веки, как он из последних сил пытается сфокусировать на ней взгляд и что-то сказать, но из пробитой, хрипящей груди вырывался лишь кровавый клокоцущий кашель.

Это был именно тот момент, когда Пустота наконец-то предъявила Чёрному свой ледяной счет за все те долгие годы, что он нагло «сквозил» мимо её пространственных ловушек и фазовых сдвигов. И Алина это кристально ясно понимала. Она видела по его стекленеющим глазам, что брат уже наполовину там — в том самом липком, холодном ничто, за границей человеческого восприятия.

Девушка больше не думала, она действовала на голых инстинктах выживания. Она даже не пыталась поднять тяжеленного, закованного в остатки брони брата в полный рост — на это у неё просто не хватило бы физических сил. Оса грубо ухватила за прочные эвакуационные петли на плечах его разгрузки, жестко уперлась рифлеными подошвами берцев в мерзлую, рыхлую землю и потащила. Тяжело, со звериным надрывом, скользя по льду и пятясь назад, ни на секунду не спуская расширенных от ужаса глаз с бледного, как мел, лица Чёрного.

Ветер с Дикой промзоны только усилился, злобно швыряя ей в спину горсти ледяной крошки и песка, словно само Искажение пыталось вытолкнуть их вон со своей территории, брезгливо избавляясь от мусора. Алина тащила обмякшее тело брата мимо обледенелых островов машин, оставляя за собой широкий, страшный кровавый след на снегу, пока наконец не вышла на открытое пространство — прямо под спасительный обзор тепловизоров снайперской вышки Оплота.

Серый замер. В тепловизионном окуляре его тяжелой магнитной винтовки фигуры спотыкающейся Алины и волочащегося за ней по льду Чёрного казались пугающе четкими, пылая на фоне холодной серости Холодильника. Мощный, угловатый ствол винтовки застыл, как вли-

той, надежно прикрывая их тылы от любых теней из Пустоты. Снайпер мгновенно нажал тангенту встроенной в шлем рации.

— Оплот, это Вышка-Пять. Вижу Чёрного на входе в сектор. Он «трехсотый», критически тяжелый. С ним Оса, тащит его за эвакуационные петли к периметру. Высылайте тяжелую группу с реанимационными носилками. Живо!

На блокпосту полковник Волков среагировал быстрее, чем стих голос снайпера в динамике. Когда Алина, уже почти ничего не видя перед собой из-за застилающего глаза пота, слез и угольной пыли, миновала последние бетонные развалины, ей навстречу уже бежали штурмовики «Эгиды» с носилками. Самого Волкова рядом с ними не было — старый командир остался на передовом посту, контролируя периметр на случай прорыва тварей, и лишь его усиленный вокодером зычный голос долетал до её оглохших ушей:

— Носилки! Медиков к шлюзу, бегом! — рявкнул Волков где-то впереди, и этот стальной, отрезвляющий приказ наконец привел Алину в чувство.

Её пальцы, до побеления суставов сведенные на жестких лямках разгрузки, наконец со стоном разжались. Она не плакала. В этом вымороженном мире слезы замерзают и высыхают быстрее, чем сворачивается кровь. Алина просто стояла, согнувшись пополам, тяжело, со свистом глотая кислород, и смотрела, как изувеченного Чёрного бережно переваливают на грубый армированный брезент носилок. В какой-то момент его бледная, лишенная перчатки рука безвольно соскользнула с края, сухо чиркнув костяшками по обледенелому бетону.

Это было страшно. И это было... чудовищно правильно для этого проклятого места. Здесь не бывает счастливых голливудских финалов, здесь есть только короткие, пропитанные спиртом передышки между смертями.

— В хирургический блок его! — снова донесся лязг голоса полковника.

Алина молча кивнула самой себе, размазала рукавом изоляционного комбинезона по лицу смесь из своего пота и чужой, густой крови, и пошатываясь побрела вслед за носилками. Она неотрывно смотрела только на широкие спины бегущих бойцов, оставляя на промерзших бетонных плитах Оплота цепочку тяжелых, багровых следов.

В вакууме

Дзынь. Первая деформированная пуля, извлеченная хирургом, выпала из окровавленных стальных зажимов, с гулким стуком ударилась о грязно-бурую кафель хирургического лотка и покатилась куда-то в сторону.

Затем последовал второй, более глухой звук удара металла о металл. Эта осталась лежать на месте. Третью и четвертую пулю Чёрный уже не слышал.

Он лежал с закрытыми глазами, провалившись в зыбкое, горячее марево где-то на самом краю между жизнью и окончательной пустотой. Внешний мир перестал существовать, мучительно схлопнувшись до гулкой, болезненной пульсации в висках. Первый плазменный разряд или осколок, влетевший в него еще там, у забора, разорвал левое ухо — может, целиком, может, частично, он уже не понимал, — и теперь оно работало как вакуумная пробка, намертво

запечатав череп изнутри тяжелой, давящей на мозг ватной тишиной. Второе, видимо, просто залило горячей кровью до самой перепонки.

В этом странном, пограничном состоянии мысли текли медленно, вязко и отстраненно, словно он смотрел старое, плохо склеенное кино про кого-то другого. Рука была совсем бедой: он почти наяву, сквозь лошадиную дозу морфина, чувствовал, как челюсти Панцирной гончей методично кромсают синтетические волокна и мясо на предплечье, добираясь до самой кости.

Фазовый Ткач, древняя и невероятно хитрая тварь Пустоты, удивительно быстро понял, что человек перед ним — «глухой». Темное прошлое Чёрного глубоко в Колыбели, среди фанатиков «Абсолюта», навсегда выжгло в нем способность слышать ментальный вой Искращения. Оно оставило в его мозгу лишь мертвую, экранированную пустыню, недоступную для телепатии. И тогда порождение просто сменил тактику, превратив разъяренную гончую в свою послушную, слепую марионетку.

А те зомбированные анархисты «Спектра»... В угасающем сознании Чёрного всплыли их пустые, остекленевшие глаза. Земля им пухом, если она еще принимает мертвецов. Он отчетливо помнил, как они легли одновременно под чудовищным калибром его «Выхлопа», но их мертвые, сведенные судорогой пальцы так и не отпустили гашетки. Одна такая секундная очередь, выпущенная уже трупами в предсмертном спазме, и превратила его тело в кровоточащий дуршлаг.

Четыре сквозных отверстия. Он кожей чувствовал, как остатки жизни по капле уходят через них, пропитывая жесткие простыни на холодном операционном столе. Сознание то всплывало к потолку, где тускло мигала белая хирургическая лампа, то снова срывалось вниз, погружаясь в холодную, бесконечно темную бездну. Там, на самом дне этой темноты, совершенно не было боли — только абсолютный, манящий покой, который ласково предлагал остаться навсегда.

Но перед внутренним взором упрямо стоял образ Алины, срывающей ногти и тянущей его за тяжелые лямки разгрузки по битому льду и бетону. И именно этот образ держал его за шкуру на самом краю, не давая окончательно соскользнуть в ту самую небытие.

— У меня осталась последняя... — сквозь вязкий вакуум и звон в ушах вдруг пробился искаженный голос доктора Ригеля. — Изоляты на оплату есть?

— Это кто? Чёрный?! — голос командира Ермоловой на секунду дрогнул, но тут же налился ледяным металлом. — Ригель, какого хрена ты мне тут торги устраиваешь? Я спишу нужный вес с баланса отряда. Вскрывай «Слезу Пустоты», мать твою, живо!

— Тебе, Ермолова, поверю. Ей — нет, — сухо отрезал лекарь, звякнув инструментами.

— Охренел, мясник?! — это уже ворвалась Алина. В её сорванном голосе дрожала ярость, густо перемешанная с истеричным отчаянием.

— Заткнулись оба! — Алиса рывкнула так, что, кажется, даже бронированные стены лазарета ощутимо вздрогнули. Волнение в голосе Вдовы мгновенно сменилось ледяным, убийственным раздражением профессионала. — Я сказала — активируй селекцию, живо! А ты, — это, видимо, относилось уже к Алине, — нахер пошла отсюда! Не мешай работать!

Чёрный лежал абсолютно неподвижно, но внутри его черепа, намертво запечатанного ватной тишиной разорванных перепонки, бушевал беззвучный шторм. Мысль «Интересно, как я ещё не подох?» всплыла на поверхность угасающего сознания лениво, почти отстранённо. Она не вызывала липкого страха, только слабое, тупое, чисто медицинское любопытство.

Перед закрытыми глазами, вопреки всякой логике, законам физики и показателям обнуляющегося пульса, вдруг поплыли яркие, болезненно-четкие картинки. Это не была прошлая жизнь — настоящего, теплого мира до Искращения он никогда не видел, родившись уже в эпоху вечной зимы. Это был другой мир, скрытый за толстыми слоями бронестекла и фильтрами — Верхний Ярус. Элитный жилой сектор Мегалополиса, где остатки человечества пытались имитировать нормальную жизнь.

Он увидел россыпь цветных драже из синтетической сахарозы на залитом искусственным ультрафиолетом столе гидропонной кухни. Увидел анфиладу светлых, пахнущих озонаторами комнат, густой зеленый мох декоративных панелей и успокаивающие блики на глади очистного резервуара, притворяющегося рекой. Чёрный краем гаснущего разума понимал — скорее всего, это не предсмертное чудо, а чудовищная доза боевого стимулятора или действие того самого кристалла «Слеза Пустоты», который сейчас вгонял в его кровь Ригель. Бешеная химия гнала остывающую кровь по истерзанным жилам, заставляя нейроны выдавать последние, самые яркие искры воспоминаний.

Вдруг марево обрело пугающую чёткость. Он увидел милое личико улыбающейся женщины из обслуживающего персонала Яруса. Она шла к нему, бережно неся глубокую тарелку с чем-то невероятно горячим. Чёрный видел, как густой пар поднимается над краями, как её пальцы едва заметно подергиваются — разогретая керамика обжигала кожу. До него донёлся пьянящий, густой аромат настоящих подземных специй и чистого белка. Запах был настолько мощным и настоящим, что во рту моментально возник металлический привкус слюны. Таких запахов на границе с Пустотой не существовало в природе. Там, за бетонным периметром Оплота, пахло лишь смертью, химическим распадом и гнилым льдом, а здесь — самой жизнью.

«Может, это и есть смерть?» — пронеслось в его затуманенном стимуляторами мозгу. Или это просто действие Изолятного допинга, выжимающего последние капли электричества из израненного тела. Для него в этот растянутый момент разницы не было никакой. Образ женщины с обжигающей тарелкой казался куда более реальным и осязаемым, чем холодный, слепящий свет бестеневых ламп над хирургическим столом и ритмичный звон извлеченных пуль, падающих на кафель лотка.

Чёрный снова качнулся на волнах бреда, балансируя на тонюсенькой, готовой вот-вот оборваться нити. Он не знал, сколько времени прошло в реальности, но этот искусственный домашний уют, рождённый химией и агонией, удерживал его душу в теле крепче любых хирургических зажимов и швов Ригеля.

Картинка в сознании Чёрного окончательно стабилизировалась, обретая неестественную, режущую глаз яркость неоновых голограмм. Это был торговый променад Верхнего Яруса. Относительно безопасный, шумный, пахнущий переработанным топливом, синтетическим феромоном и дешёвым эрзац-кофе. Чёрный видел себя со стороны: он стоял в небольшом маркете редких деталей, машинально перебирая какие-то фильтры на металлической полке, но всё его внимание было приковано к паре за толстым панорамным стеклом витрины.

Там, под холодным светом бегущих рекламных строк, стоял Макс. Ему было около тридцати, и он выглядел именно так, как в лучшие дни их крепкой мужской дружбы: взъерошенные, вечно непокорные тёмные волосы, острый, упрямый нос и живые карие глаза, в которых всегда плясали отчаянные черти. На нём была потёртая, защитная косуха из армированного полимера и простые, но прочные джинсы — образ вечного бродяги-контрабандиста, который только что заглушил двигатель тяжелого магнитного байка.

Рядом с ним стояла Алиса. Она была того же возраста, но казалась существом из совершенно другого, недостижимого мира — девушка потрясающей, модельной внешности, невероятно эффектная, при полном, дорогом наряде, который безупречно подчёркивал каждую плавную линию её фигуры. Она смотрела на Макса и улыбалась, и эта искренняя, полная любви улыбка заставляла вечно хмурого, пропитанного порохом Макса светиться изнутри каким-то теплым, настоящим светом.

В этом воспоминании они только-только познакомились, это было самое начало их истории. Чёрный помнил тот вечер на Ярусе до мельчайших, вьёвшихся в подкорку деталей. Макс тогда казался самым счастливым человеком на этой умирающей планете. Он наконец-то нашёл ту единственную, ради которой стоило окончательно порвать с грязным прошлым, сменить тяжелый штормовой излучатель на магнитные ключи от безопасного жилого модуля и навсегда забыть дорогу к проклятому Периметру. Глядя на эту идеальную пару через бронестекло маркета, Чёрный тогда впервые позволил себе мысль, что у его друга действительно получилось — он вырвался из мясорубки, он стал частью этой красивой, мирной и сытой жизни, где муж и жена могут просто гулять под неонами, держась за руки.

Макс что-то увлечённо, активно жестикулируя, рассказывал Алисе, а она звонко смеялась, изящным жестом поправляя свои идеально уложенные, чистые волосы. В тот момент они казались ожившим кадром из старого довоенного кинофильма. Никакой замерзшей крови, никаких истошных хрипов в тактической рации, никакого Искращения. Только парень в потертой косухе и его ослепительная спутница, чьи жизни сплелись воедино.

Но здесь, умирая на залитом кровью операционном столе в Оплоде, Чёрный чувствовал горький, пепельный привкус этого яркого воспоминания. Он-то знал, что будет дальше. Он видел своими глазами, как эта хрупкая, идеальная картинка со временем начнёт трескаться и осыпаться под неподъемным весом того мрака, который они оба притащили за собой из-за колючей проволоки. Знал, что Пустота не отпускает своих, и что эта сияющая девушка однажды наденет глухую броню и возьмет позывной «Вдова».

«Смотри, Саня, какая она...» — будто снова, сквозь года, прошептал счастливый голос Макса из прошлого.

Образ за витриной начал медленно, неотвратимо подергиваться фазовой рябью, как отражение в луже химикатов, в которую бросили тяжелый камень. Острый профиль Макса, счастливый смех Алисы, переливающийся свет витрин — всё это начало стремительно тонуть в вязкой, серой мгле, жестоко возвращая Чёрного к реальности, где вместо неоновых огней Яруса сетчатку выжигали бестеневые лампы пропахшего смертью медблока.

Марево воспоминаний о ярком секторе и друге разорвалось резким, как удар высоковольтного тока, звуком голоса. Он прозвучал совсем рядом, над самым ухом, легко перекрывая гул в контуженной голове.

Марево воспоминаний о залитом неоном Верхнем Ярусе и счастливом, еще живом Максe разорвалось резким, как удар высоковольтного тока, звуком голоса. Он прозвучал совсем рядом, прямо над ухом, легко перекрывая нарастающий гул в контуженной голове.

— У него начался сильнейший жар. Нейронная сеть перегружена, уже бред понес, — голос принадлежал мужчине. Доктор Ригель. Лучший полевой хирург-биоинженер, которого только можно было найти на этой стороне от Пустоты, если у тебя, конечно, есть чем платить. Он тяжело, с присвистом клапанов маски вздохнул, и сквозь ватную тишину разорванных перепонки Чёрного пробился странный, вибрирующий звук — низкий, утробный гул, от которого начали болезненно ныть корни зубов. — Значит, процесс пошел. Через пару часов кризис минует. «Слеза» уже присасывается к нервным узлам.

— Я тебя поняла, — женский голос прозвучал до неузнаваемости жестко, с глухими металлическими нотками. Чёрный совершенно не помнил таких интонаций у той смеющейся, роскошной девушки из прошлой, сытой жизни.

Сухо щелкнула бензиновая зажигалка. Алиса с шумом выдохнула густое облако дыма прямо в стерильный, безжалостный свет бестеневой операционной лампы, закуривая крепкую синтетическую сигарету, даже не сходя с места. Никто в операционной не посмел сделать ей замечание. Сизый, горький дым мгновенно смешался с тяжелым запахом свежей крови, горелой плоти и медицинского озона.

Пока Чёрный лежал здесь, на столе из хирургической стали, в относительной безопасности и тепле Оплота, окруженный передовой аппаратурой и Изолятами стоимостью в целые поселения, за многотонными гермоворотами базы продолжался привычный, бесконечный ад 2189 года.

Там, за периметром Холодильника, в вечной темноте химической зимы, тысячи людей прямо в эти секунды отчаянно цеплялись за свои жалкие жизни. Бродяги-стервятники насмерть, до выдавленных глаз глотки рвали друг другу глотки из-за наполовину разряженного теплового брикета или банки просроченных белковых консервов. Обмороженные, покрытые язвами от кислотного снега семьи беженцев жались друг к другу в остовах довоенных машин, медленно, во сне замерзая навсегда под завывания фазовых штормов. Кто-то прямо сейчас сходил с ума от низкочастотного шепота Пустоты, брел в слепую метель и шагал прямо в гравитационные разломы, чтобы просто прекратить эту агонию. В этом мире человеческая жизнь давно обесценилась, превратившись в самый дешевый, возобновляемый ресурс. Смерть была нормой. Выживание — ежедневным, изматывающим чудом.

И на фоне всего этого глобального, ледяного пиздеца, здесь, в бункере, за жизнь одного конкретного траппера прямо сейчас отдавали состояние.

— Сколько стоит твоя «Слеза»? — холодно спросила Алиса, стряхивая пепел прямо на кафельный пол.

— Изолят «Слеза Пустоты», альфа-модификация абсолютной чистоты, уважаемая Вдова, — в скрипучем голосе доктора Ригеля прозвучала профессиональная обида, смешанная с болезненной гордостью творца, сумевшего стабилизировать фазовый объект. Он поправил что-то звякнувшее на металлическом столике.

— Мне похер, какая это модификация, мясник. Я задала прямой вопрос. Цена.

Чёрный лежал, не в силах даже разомкнуть свинцовые веки, но его изломанное тело вдруг само по себе выгнулось неестественной дугой, намертво прижатое к столу невидимой, гравитационной силой. Он физически почувствовал, как под ребрами, там, где плоть была в мясо разворочена импульсными пулями анархистов, что-то тяжело заворочалось. Что-то живое. Абсолютно чужеродное.

Раскаленный жидкий огонь воспаления и тупая пульсация поврежденных органов начали стремительно сменяться странным, зудящим, всепроникающим холодом. Это было похоже на то, как если бы прямо в вены запустили миллион крошечных, ледяных фазовых муравьев. Изолят в руках Ригеля, редчайшая кристаллическая модификация, порожденная самой Пустотой, начал безжалостно перекраивать его разрушенную плоть.

Он с нарастающим ужасом чувствовал, как «Слеза» буквально, на клеточном уровне стягивает рваные края ран, спаивая разорванные кровеносные сосуды, заставляя ткани делиться и наращивая новое мясо с пугающей, неестественной скоростью. Это совершенно не было похоже на исцеление в привычном, человеческом смысле. Это было откровенное, грубое биологическое насилие над организмом во благо выживания.

Характер боли резко изменился: она стала вязкой, тягучей, проникающей в самый костный мозг, выворачивающей суставы наизнанку. Но в этой новой боли больше не было могильного привкуса грядущей смерти. Она означала жизнь. Дикую, первобытную жизнь, которую в него прямо сейчас вбивали насильно, за горсть чистейших изолятов, под сизый сигаретный дым женщины, которой здесь, в этом грязном мире, быть просто не должно было. Но она была.

Гнев капитана Ермоловой

Алина навалилась всем весом на массивную гермодверь, с натужным шипением преодолела сопротивление пневматики и буквально вывалилась из душного, ярко освещенного шлюза медблока наружу. Ледяной, обжигающий воздух Холодильника, пропитанный едким запахом угольной гари, сгоревшей солянки и химического снега, ударил в лицо наотмашь. После тошнотворного, забивающего легкие аромата свежей крови, вскрытой плоти и медицинского озона, царившего в операционной, этот мертвый мороз показался ей единственным спасением от надвигающегося обморока.

Она оказалась на заднем техническом дворе бара «Штольц» — глухом, забытом всеми тупике Оплота. Вокруг царил вязкий, давящий полумрак. Свет сюда пробивался лишь от пары тусклых, мигающих желтым аварийных ламп, забранных в толстые металлические решетки. Двор представлял собой узкий колодец между высокими бетонными стенами, густо поросшими ядовитым светящимся лишайником. Повсюду змеились толстые, покрытые толстым слоем сизого инея трубы теплотрассы, из пробитых стыков которых с шипением вырывались струи пара, мгновенно оседая на бетоне колючей изморозью. Ничто здесь не напоминало о нормальном мире. Это была металлическая, промерзшая до основания кишка военной базы

на краю небытия. Где-то далеко, на внешнем кольце, слышался лязг патрульных экзоскелетов и надрывный гул генераторов, но здесь было пугающе тихо.

Алина бессильно прислонилась спиной к влажной, покрытой льдом кирпичной кладке лазарета, не обращая внимания на холод, проникающий сквозь комбинезон. Она пыталась унять бешено колотящееся о ребра сердце. Стянув зубами жесткую тактическую перчатку, девушка судорожно вытащила из кармана разгрузки смятую пачку синтетических сигарет.

Но её пальцы, на которых всё еще запеклась темная кровь брата, плясали свой собственный, абсолютно неконтролируемый безумный танец. Тщетные попытки достать хотя бы одну ни к чему не привели — на таком морозе непослушные пальцы просто ломали хрупкие гильзы. Тонкая бумага рвалась, суррогатный табак крошился под ногтями, бесполезно осыпаясь на грязный, затоптанный лед технического двора.

— Чертова дрожь... — отчаянно прошептала девушка, с бессильной ненавистью глядя на свои окровавленные руки.

Внутри всё было натянуто до абсолютного предела, как гитарная струна на лютом морозе, готовая со звоном лопнуть от малейшего прикосновения.

Внезапно вязкую, давящую тишину дворика разорвал нарастающий, ритмичный гул. Промерзшая земля под ногами ощутимо дрогнула раз, затем другой. Через глухую стену донесся синхронный, тяжелый металлический грохот бегущего в полном вооружении отряда. И через мгновение из-за угла, сметая ледяную крошку тяжелыми магнитными подошвами, на тусклый свет желтого фонаря выкатился штурмовой авангард «Эгиды».

Серый ворвался в тупик первым. Старый прапорщик выглядел так, словно только что собственными ногами вышел из самого эпицентра фазового шторма: его тяжелая штурмовая броня была покрыта толстым слоем черной копоти и чужой, фосфоресцирующей крови, а толстый, ребристый ствол магнитной винтовки еще источал тепловое марево. За ним, как единый, идеально отлаженный стальной механизм, двигались четверо бойцов элиты в массивных, модифицированных экзоскелетах замкнутого цикла.

От них физически, волнами исходил жар перегруженных систем терморегуляции, резкий запах сгоревшего пороха, озона и агрессивной, первобытной звериной силы. На их массивных наплечниках, лоя тусклые блики фонаря, горели новые, не стандартные для гарнизона нашивки: алые перекрестья снайперских прицелов на фоне угольно-черных, расколотых щитов. Знак ликвидаторов. Тех, кто не просто патрулирует мертвые руины, а выжигает Искажение изнутри каленым железом и плазмой.

Они рвались к бронированным дверям лазарета единым, сокрушительным тараном, готовые снести всё на своем пути, но вдруг Серый резко, без единого слова вскинул сжатый кулак.

Строй замер как вкопанный. Синхронно, с оглушительным визгом лязгнули гидравлические сервоприводы, тяжелые стальные подошвы с хрустом впились в обледенелый гравий, высекая искры. Вся эта черная, тяжело дышащая, рычащая мощь остановилась ровно в метре от Алины.

Наступила звенящая, электрическая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, сиплым дыханием бойцов сквозь армейские кислородные респираторы. Пятеро закованных в непробиваемую броню гигантов безмолвно возвышались над хрупкой, растрепанной фигуркой девушки, насмерть вжавшейся в ледяную стену. Серый медленно, словно нехотя опустил ствол винтовки, и его тяжелый взгляд, скрытый за багровыми линзами тактических очков, уперся в Алину. В воздухе повисло напряжение, настолько плотное, что его можно было резать армейским ножом.

— Где он?! — рявкнул Серый, озираясь по сторонам. Его голос, искаженный вокодером шлема, прозвучал как удар стального хлыста по стеклу.

— Жить будет? — хрипло послышалось из глубины строя ликвидаторов.

— Жить будет, — из темноты открывающегося шлюза бункера, словно соткавшись из самого холодного тумана Пустоты, медленно поднялась Алиса Ермолова.

Она двигалась неспешно, плавно, с тем самым пугающим, абсолютным хладнокровием, которое приходит к людям только после сотен пережитых смертей на границе Искажения. Капитан элитного спецотряда «Эгиды» с позывным Вдова — женщина, чей непоколебимый авторитет среди этих бронированных мясников был давно и щедро оплачен личной кровью и безупречным выполнением самых самоубийственных приказов генералитета. Она не смотрела на Серого как на подчиненного; она смотрела на него как на качественный, смертоносный инструмент, который только что хорошо выполнил свою работу.

Алиса, не обращая внимания на мороз, расстегнула ворот своего комбинезона и достала из кармана плоский металлический портсигар. Две сигареты. Одну она молча, не глядя в глаза, протянула Алине, чьи окровавленные пальцы всё ещё мелко выбивали дробь, а вторую, привычно помусолив губами, прикурила сама от вспыхнувшего на пальце портативного плазменного резака.

Выпустив обильную, густую струю сизого дыма, которая лениво закружилась в лучах подствольных фонарей авангарда, Вдова медленно, вопросительно прищурилась на Серого.

Старый вояка не заставил командира ждать. Пока Ермолова находилась в операционной у Чёрного, контролируя Ригеля, прапорщик явно не сидел сложа руки в тепле базы — он со своим отрядом ликвидаторов уже успел втихаря, нарушив все протоколы безопасности, прочесать место бойни на границе Холодильника.

— Пять трупов, капитан, — четко, по-уставному отрапортовал Серый, вытянувшись так, что лязгнула броня. — Все — анархисты из «Спектра». А в центре этой мясорубки, прямо у невидимого разлома, лежали мертвый Фазовый Ткач и разорванная взрывом взрослая Панцирная гончая. Чёрный положил их всех. Но это не главное. Покажи ей, Макар.

Над техническим двором повисла мертвая тишина. Огромный боец с позывным Макар молча шагнул вперед, отстегивая с пояса тяжелый, изолированный контейнер.

Воздух в глухом техническом дворике будто мгновенно замерз, превратившись в стекло. Бойцы штурмового авангарда «Эгиды» замерли, превратившись в монолитные черные изваяния из кевлара и стали. Слышно было только, как вдалеке, на внешнем кольце Оплота, низко и надрывно гудят тяжелые генераторы фазового щита, да тихо потрескивает синтетическая сига-

рета в тонких пальцах Вдовы. Алина так и застыла, вжавшись в ледяную кирпичную кладку, не донеся сломанную сигарету до губ. Она физически чувствовала, как тяжелые, скрытые визорами взгляды всех присутствующих ликвидаторов скрестились на одном человеке.

Из-за широких спин бойцов, тяжело и ритмично бряцающая магнитной амуницией, вышел коренастый гигант Макар. В огромных бронированных руках он бережно, но мертвой хваткой держал притихший, напряженный, комок. Щенок Панцирной гончей — это маленькое, зубастое порождение Искажения, из-за которого Чёрный сегодня едва не шагнул в Бездну, теперь отчаянно рвался куда-то в сторону бронированных дверей лазарета. Он тихо, жалобно пощупывал, словно сквозь толстые бетонные стены чувствовал затухающее, слабое биение сердца своего безумного спасителя.

Алиса, не выпуская дымящуюся сигарету из зубов, быстрым, точным движением перехватила фазовое «чудовище» за шкуру. Она подняла скулящего щенка на уровень глаз, безжалостно повертела в морозном воздухе, внимательно и сугубо профессионально осматривая начинающие формироваться роговые пластины на спине, мощные лапы, морду и необычно яркие, осмысленные для порождения глаза. В её взгляде не было ни капли бабьей жалости или человеческой брезгливости — только холодный, сканирующий интерес опытного полевого офицера. Наконец, она коротко, удовлетворенно кивнула и опустила щенка на промерзшую землю.

Малец даже не подумал броситься наутек в спасительную темноту. Вместо этого он тут же по-хозяйски обнюхал её тяжелые, испачканные в токсичной грязи и замерзшей крови армейские ботинки и, дерзко задрав угловатую голову, требовательно заглянул Вдове прямо в глаза. В этом крошечном существе уже отчетливо проглядывала та самая дикая, первобытная стать, которая через год превратит его в идеальную машину для убийства, полноправного хозяина ледяных пустошей.

— И ради вот этого куска мяса ты подставился под пять импульсных стволов и Ткача, непролазный ты дурак? — негромко, с горечью, почти не разжимая губ, произнесла Алиса, глядя сквозь щенка на закрытую гермодверь, за которой прямо сейчас Ригель потрошил Чёрного.

Она снова глубоко затянулась, стряхивая серый пепел на затоптанный бетон. Ликвидаторы продолжали стоять идеальным полукругом, надежно закрывая собой вход в медблок от любых случайных глаз. Атмосфера была сюрреалистичной: суровые чистильщики, чьей работой было стирать порождений в радиоактивную пыль, молча и покорно наблюдали за тем, как крошечная Панцирная гончая признает в их командире вожака.

Ермолова небрежно облокотилась на покрытые инеем трубы теплотрассы, навалившись всем весом на грязный металл. Вид у неё был смертельно измотанный, под глазами залегли глубокие тени, но в этой кажущейся расслабленности сквозила смертельная, пугающая уверенность взведенного курка. Она смотрела прямо перед собой, на своих парней, и в её льдистых глазах читался холодный, математический расчет.

— Чёрному неимовееерно повезло сегодня, — голос Алисы прозвучал очень низко, с каким-то утробным, металлическим скрежетом, от которого у Алины по спине пошли колючие мурашки. — У Ригеля оставалась последняя, чистейшая «Слеза Пустоты». Если бы не этот

кристалл — Чёрного бы даже до операционного стола не донесли, стек бы по дороге. А так у него есть шанс не сдохнуть.

Она сделала паузу, и дворик накрыло мертвой, ватной тишиной. Алиса не выпрямлялась, продолжая лениво подпирать трубы, но её глаза вдруг хищно, по-звериному прищурились, превратившись в две ледяные, безжалостные щели.

— Но теперь о птицах... — вдруг рявкнула она, и этот резкий, как удар плазменного хлыста, голос заставил пару ветеранов в группе непроизвольно дернуться. Чьи-то закованные в броню пальцы судорожно, до хруста вцепились в цевье автомата. — Я хочу знать, какого, мать вашу, хера в двух километрах от Оплота сидят, как ни в чем не бывало, вооруженные анархисты «Спектра»?! Какого черта на подступах к базе разгуливают высшие фазовые твари?!

Она не повышала тона до истеричного крика, но в её рубленых словах было столько концентрированной, ледяной ярости, что морозный воздух в тупике, казалось, начал ощутимо вибрировать.

— Фазовый Ткач мог приползти из глубины Холодильника, допустим. Искажение расширяется, твари мигрируют, — Алиса чеканила каждое слово, вбивая их в головы подчиненных. — Но сука гончей с новорожденным щенком кочевать не станет. Им нужно постоянное тепло. Значит, у них там, под самым нашим носом, стационарное логово.

Алиса резко выпрямилась, безглаголиво отталкиваясь от ржавой трубы, и её голос приобрел ту самую смертельную, звенящую отчетливость, от которой у самых отбитых наёмников холодело в груди.

— А это значит только одно. Куда, блядь, смотрят наши тепловые сканеры внешнего периметра?! — она почти выплюнула эти слова, шагнув прямо на Серого. — Почему аппаратура не засекала ни лагерь убудков с их обогревателями, ни логово тварей? Заплыли жиром в «Штольце»?! Или у нас в Оплоте завелась крыса, которая сливает частоты сканеров «Спектру»?!

В этот момент её тяжелый, налитый гневом взгляд метнулся к арке, ведущей к основному аванпосту базы, словно она уже видела там свою следующую жертву.

Словно по злой иронии Пустоты, из-за обледенелого угла неспешной, вальяжной походкой вышла тройка людей. На них были не тяжелые, покрытые боевыми шрамами штурмовые экзоскелеты, а облегченные, чистые технические комбинезоны с эмблемами службы сенсорного контроля «Эгиды». Они о чем-то вполголоса перешучивались, расслабленно попивая горячий синтетический кофе из армейских термокружек. Их импульсные пистолеты болтались в кобурах незакрепленными — верный признак людей, привыкших сидеть за бронированным стеклом в тепле и безопасности. Это была именно та дежурная смена операторов, которая обязана была в это время неотрывно мониторить тепловые и фазовые сигнатуры внешнего периметра Холодильника.

Увидев элитный авангард Вдовы в полном боевом облачении и саму капитаншу, замершую в центре дворика с хищным, не сулящим ничего хорошего прищуром, техники мгновенно сбились с шага. Их сальные шуточники оборвались на полуслове, а один из них так побледнел, что едва не выронил кружку на лед.

— Стоять, — негромко, но так, что морозный воздух вокруг, казалось, пошел трещинами, произнесла Алиса.

Техники замерли, словно налетели на невидимую стену. Старший смены, молодой лейтенант с лоснящимся от сытой жизни лицом, попытался вытянуться во фронт, но под мертвым взглядом Вдовы его армейская уверенность мгновенно испарилась, сменившись животным страхом.

— Капитан Ермолова, мы... мы это... проводили плановую диагностику внутренних систем охлаждения серверов, — замямлил он, с ужасом косясь на Серого, который смотрел на него через багровые линзы визора как на уже остывший труп.

— Плановую диагностику внутренних систем? — Алиса медленно, грациозно и неотвратимо направилась к ним, чеканя каждый шаг тяжелыми ботинками. Крошечный щенок Панцирной гончей, как маленькая, уродливая тень, семеня лапами по льду, двинулся следом за ней, признав новую хозяйку. — А кто тогда должен был мониторить «слепые пятна» в Холодильнике? Святой дух? Пока вы тут кофеек хлебали в тепле, у меня лучшего проводника едва на куски не порвали прямо под вашими радарами.

Макар, возвышавшийся в строю ликвидаторов как черная гора, коротко, с металлическим лязгом вокодера хохотнул и выразительно толкнул бронированным плечом соседа, указывая стволом на побледневшего лейтенанта.

— Видал? — проскрежетал он по внутренней связи, которую техники отлично слышали. — Опять «диагностика внутренних систем». В тринадцатом цикле такие же кабинетные умники в секторе Базальт тоже дыры в сканерах своими спинами прикрывали, уверяя, что всё чисто. Пока из-под вечной мерзлоты прямо в жилой блок не полезли твари из Искращения. Дождались, блядь. Теперь Вдова из них кишки наружу вымотает.

Алиса остановилась вплотную к лейтенанту-оператору. Она была на полголовы ниже его, но сейчас, источая запах чужой крови и концентрированную ярость, казалась настоящим титаном.

— Лейтенант, — её голос упал до змеиного, пробирающего до костей шепота. — Если я сейчас пойду в командный пункт к полковнику Волкову и доложу, что из-за вашей расхлябанности мы проспали лагерь анархистов и целое логово Фазового Ткача, ты завтра будешь чистить термические отстойники Оплота голыми руками. Без термокостюма. До самого конца своей очень, очень недолгой жизни на границе с Бездной.

Оператор сглотнул, его кадык судорожно дернулся. Он попытался что-то сказать в свое оправдание, но Алиса уже отвернулась, потеряв к нему интерес. Она резко бросила взгляд на Серого.

— Серёж, забери этих «туристов» с собой. Раз им так нравится гулять и они не умеют смотреть в мониторы — пускай смотрят глазами. Идут в Холодильник первыми, прямо перед авангардом. Будут нам живыми детекторами температурных аномалий и фазовых сдвигов. Заодно вручную откалибруют сканеры на месте логова. Прочешите всё до последней ледяной норы. Бегом!

Серый коротко, по-звериному оскалился под маской. Это был приказ, который он ждал.

— Есть, капитан. Взять мясо в коробочку! — рявкнул прапорщик своему отряду.

Тяжеловооруженные ликвидаторы мгновенно, с пугающей синхронностью шагнули вперед, жестко оттирая побелевших от ужаса техников от спасительных дверей базы и беря их в плотное стальное кольцо.

Тяжеловооруженные бойцы авангарда «Эгиды» сорвались с места, буквально подминая под себя незадачливых операторов сканеров. Макар с явным, плотоядным удовольствием жестко ткнул побледневшего лейтенанта ребристым стволом магнитной винтовки между лопаток, заставляя того сорваться на спотыкающийся бег. Через секунду глухой технический дворик наполнился топотом множества тяжелых ботинок, гудением сервоприводов и лязгом брони — отряд уходил во мрак Холодильника, увлекая за собой провинившихся техников прямо в пасть ледяного ада.

Алиса снова осталась у промерзшего забора. Она медленно повернула голову и посмотрела на Алину, которая всё это время наблюдала за сценой экзекуции, насмерть вжавшись в облупившуюся кирпичную стену, не смея даже пошевелиться.

— Видишь? — Вдова коротко кивнула в сторону растворившихся в химическом тумане солдат. — На границе с Пустотой за каждую минуту чужой слабости всегда платит кто-то другой. И платит кровью. Сегодня за их теплый кофе в безопасности заплатил твой брат.

Алиса проводила немигающим взглядом уходящий отряд, пока металлический лязг снарядов и хруст ломающегося льда под тяжелыми сапогами не затихли в глубине мрачных складских проходов Оплота. Она повернулась к Алине, которая неловко, непослушными пальцами держала дымящуюся, так и не раскуренную сигарету.

— Забирай этого уродца, — Вдова кивнула на щенка Панцирной гончей, который преданно уселся прямо на её тяжелый, перепачканный сапог, словно окончательно признав в капитане новую, доминирующую альфу. — Найди ему какой-нибудь теплый, глухой угол на технических уровнях, накорми синтетикой и запри наглухо, чтобы на глаза внутренним патрулям не попался. Если его пристрелят по уставу или по глупости, Чёрный, когда очнется после «Слезы», сам от злости в гравитационный разлом шагнет. И нас за собой утащит.

Алина молча, на негнущихся ногах подошла и подхватила тяжелый, горячий комок. Щенок недовольно, утробно пискнул, чувствуя смену рук, но, почуяв на её одежде запах Чёрного, притих, уткнувшись мокрым носом в сгиб её локтя. Алиса же, не дожидаясь ответа или благодарности, резко развернулась на каблуках и зашагала в сторону хорошо защищенного штабного бункера генерала Корчагина.

Её путь лежал через самое защищенное, пульсирующее энергией сердце базы «Эгиды». Здесь хаос и гниль Искращения неохотно отступали перед суровым, параноидальным военным порядком, превращаясь в монументальную декорацию для бесконечной, изматывающей войны на выживание.

Алиса шла по расчищенным от снега бетонным дорожкам, и каждый шаг её подкованных ботинок отдавался сухим, механическим эхом. Справа и слева тянулись исполинские полукруглые ангары, окутанные густой сетью колючей проволоки, по которой с треском пробегали синие искры высокого напряжения. За этой защитой, в густых, сизых сумерках застыли тяжелые гусеничные тягачи и бронированные вездеходы с облупившейся от кислотных осадков матовой краской, но с идеально смазанными, зачехленными от мороза плазменными орудиями. Двигатели машин глухо урчали на холостых оборотах — здесь технику не глушили никогда, иначе промерзшие узлы лопнули бы, как стекло. Воздух здесь был невероятно тяжелым, густым, насквозь пропитанным запахами жженого мазута, разогретого изоляционного пластика и дешевого суррогатного табака.

Она подняла тяжелый взгляд на плоские крыши бывших промышленных складов. Там, на фоне низкого, давящего на плечи свинцового неба, замерли фигуры часовых. В перекрестных лучах мощных зенитных прожекторов, с трудом пробивающих химический смог, их силуэты в тяжелых штурмовых экзоскелетах казались не живыми людьми, а статуями, грубо вырезанными из чугуна. Они не просто стояли, отбывая смену — они медленно, математически синхронно водили хищными стволами магнитных винтовок, неустанно сканируя каждый метр внешнего периметра. Один из снайперов на угловом укрепленном посту на мгновение замер, провожая капитана Ермолува взглядом через багровые линзы тепловизора, коротко, уважительно кивнул стволом и тут же вернулся к своему монотонному, смертельно важному наблюдению за тенями Холодильника.

Мимо Алисы, поднимая облачка морозной пыли, прошел отряд рекрутов «Эгиды». Они двигались идеальным, вымуштрованным строем, жестко чеканя шаг. Их молодая, еще не обстрелянная, слепая ярость и желание доказать свою полезность этому миру казались почти осязаемыми. При виде Вдовы командир группы, совсем еще мальчишка с серым от недосыпа лицом, вскинул руку к шлему и отдал честь с таким отчаянным рвением, будто от этого жеста напрямую зависела его жизнь. Алиса ответила коротким, автоматическим, едва заметным движением пальцев, даже не сбавив своего чеканящего хода.

Со стороны она казалась совершенным, лишенным изъянов офицером — настоящей железной леди, безжалостно вылитой из того же самого пуленепробиваемого сплава, что и пластины её брони. Капитан элитного авангарда, давно забывшая значение слова «страх». Пустота и годы кровопролития надежно выжгли в ней самую физиологическую способность дрожать за собственную шкуру, навсегда заменив человеческие чувства холодным, бритвенно-острым тактическим расчетом.

Но именно сейчас, глубоко под кевларом бронезилета, где-то там, где когда-то было обычное женское сердце, тяжело и больно ворочалось странное, давно забытое, липкое чувство. Чувство ледяного, парализующего ужаса от осознания того, что сегодня она чуть не потеряла человека, который всё еще связывал её с тем самым светлым миром из её прошлой жизни.

Это не был животный, парализующий страх собственной смерти, к которому она давно привыкла на периметре Искращения. Это была глухая, вязкая, как застывающий гудрон, тягучая тревога за того единственного человека, который прямо сейчас остался там, на окровавленном столе, под мерцающим, гудящим Изолятом.

В выверенной, холодной памяти Вдовы раз за разом, как заевшая голограмма, всплывало восковое, обескровленное лицо Чёрного. Перед глазами стояло его растерзанное когтями

предплечье, сквозь которое белела кость, и то, как абсолютно безвольно, словно сломанная кукла, он лежал под бестеневыми лампами. Алиса вдруг с леденящим ужасом поймала себя на том, что её закованная в кевлар ладонь слишком крепко, до болезненного спазма в суставах, сжала ребристую рукоять табельного плазменного пистолета. Дыхание под фильтрами маски стало непривычно рваным, поверхностным, словно ей не хватало кислорода.

Она до скрипа зубов злилась на эту внезапную, непростительную слабость. На этот крошечный, почти детский испуг, который каким-то образом просочился сквозь её идеальную, выкованную годами стальную оболочку. В 2189 году привязанность была роскошью, за которую расплачивались рассудком.

Проходя по гулкому металлическому настилу мимо открытых створок тяжелого ремонтного бокса, она услышала оглушительный, режущий уши визг промышленного плазменного резака. Слепительно-синие, обжигающие снопы искр летели во все стороны, на мгновение выхватывая из густой темноты суровые, густо закопченные лица батальонных технарей. Они спешно, матерясь сквозь зубы, латали пробитую композитную броню тяжелого гусеничного транспортера и вскрытые, как консервные банки, нагрудные пластины экзоскелетов, готовясь к завтрашней неизбежной бойне в Холодильнике. В этом вымерзающем мире не было места для сантиментов и сомнений, здесь нужно было просто выживать изо дня в день. И Алиса, глядя на эти суровые лица механиков, заставила себя выпрямиться еще сильнее, расправляя плечи.

Она поравнялась с узлом связи — массивным бронированным фургоном, оцетинившимся лесом антенн, пытающихся пробиться сквозь фазовые помехи. Из внешнего динамика, перекрывая треск статического электричества, вдруг прорвался искаженный, умоляющий человеческий голос. Кто-то прорвался на армейскую частоту.

— ...Оплот, ответьте! Это сектор С-4, внешние руины! У нас сдохли последние термические генераторы... Умоляем, Эгида! Здесь три сотни человек, дети замерзают насмерть... Откройте шлюзы, дайте хоть немного синтетики и топливных стержней! Мы не переживем эту ночь...

Голос сорвался на отчаянный, захлебывающийся кашель. Рация зашипела, и через секунду эфир прорезал сухой, синтетический голос дежурного диспетчера Оплота, лишенный любых эмоций:

— Внимание, неизвестный. Периметр базы закрыт согласно протоколу карантина. Ресурсы распределяются только среди личного состава корпорации. Приближение к внешнему ограждению ближе чем на пятьсот метров будет расцениваться как акт агрессии. Снайперам дан приказ на поражение без предупреждения. Конец связи.

Динамик сухо щелкнул. Алиса ни на секунду не замедлила шаг. Мировой апокалипсис давно стер грань между состраданием и глупостью. Десятки тысяч людей гнили и замерзали за этими стенами каждый месяц, и если пускать каждого страждущего — Оплот рухнет за неделю, сожранный голодным бунтом и Пустотой. Этот жестокий радиоперехват лишь подтвердил её главную мысль: мир мертв, и милосердие умерло вместе с ним.

У самого входа в подземный штабной бункер атмосфера стала почти физически осязаемой, плотной, как желе. Здесь даже морозный воздух казался невыносимо густым от паранойи,

высоких чинов и кровавых тайн. Она остановилась у циклопической, отлитой из армированного сплава гермодвери, ведущей на минус третий ярус, прямо в логово генерала Корчагина.

«Соберись, капитан», — жестко, безжалостно приказала она сама себе, делая глубокий, ровный вдох фильтрованного воздуха и волевым усилием гася последнюю вспышку внутреннего человеческого беспокойства. — «Ты — Вдова. Элита Эгиды. Командир ликвидаторов. А он... он всего лишь вольный наёмник. Расходный материал с полезными навыками».

Она с силой нажала на рычаг разблокировки и навалилась плечом на массивную створку.

Пневматика протяжно взвыла. Тяжелый скрежет металла по металлу прозвучал в абсолютной тишине охраняемого периметра как лязг гильотины, как суровый, окончательный приговор её человечности. И Алиса, не оглядываясь назад, шагнула в давящий полумрак бетонной лестницы, ведущей вниз, в самое сердце военной машины.

Глава 2

Глава 2. Порция из ада

Спуск на Минус третий ярус всегда давался Алисе с легким внутренним отторжением. Она была командиром авангарда, птицей высокого полета, чьей стихией был пронизывающий мороз Холодильника и смертельный танец на границе с Искажением. А здесь, глубоко под многометровой толщей бетона и свинца, воздух был искусственно-стерильным, спертый, пропитанным запахом озонатора и канцелярской пыли. Она редко миновала эти гудящие пролеты, предпочитая оставаться наверху, поближе к своим людям и реальной угрозе, оставляя бюрократию штабным крысам.

Тяжелые армейские ботинки капитана Ермоловой ритмично стучали по металлическим ступеням. На уровне Минус второго яруса располагался вербовочный пункт — «чистилище», где отчаявшиеся беженцы с Внешнего кольца и наемники-одиночки подписывали кабальные контракты с «Эгидой» за право получать горячую пайку и спать в тепле.

В широком коридоре, освещенном мерцающими люминесцентными лампами, толпилась группа новобранцев. Грязные, еще не отмытые от копоти внешнего мира, они жались кучкой, ожидая своей очереди к вербовщику. Вдоль стен неподвижными черными изваяниями застыли гвардейцы внутренней охраны — закованные в тяжелую броню ветераны с опущенными стволами магнитных винтовок.

Когда Алиса, не сбавляя шага, проходила мимо толпы рекрутов, один из них — бритый налысо парень с татуировкой на шее, видимо, решивший, что его прошлые уличные заслуги что-то значат на базе, — мазнул по её фигуре сальным взглядом.

— Епта... смотри, какая телка, — шепнул он соседу, плотоядно ухмыляясь.

Шепот в гулком коридоре прозвучал слишком громко.

Алиса остановилась так резко, словно налетела на невидимую стену. Медленно, с пугающей грацией хищника, она повернула голову. Новобранцы замерли. Вдова не произнесла ни слова. Она сделала два плавных, скользких шага к ухмыляющемуся парню. Тот даже не успел понять, что произошло, как закованный в кевлар и композитный пластик кулак Алисы с глухим, влажным хрустом впечатался ему точно в челюсть.

Удар был такой сокрушительной силы, что новобранца оторвало от пола. Он отлетел назад, сбив с ног двоих товарищей, и тяжело рухнул на металлический настил, выплевывая кровь и осколки зубов.

Остальные рекруты инстинктивно дернулись, сжимая кулаки, и затравленно покосились на охрану. Но гвардейцы «Эгиды» у стен даже не шелохнулись. Их визоры равнодушно смотрели прямо перед собой. Ни один ствол не дернулся в сторону Алисы.

Поверженный парень, корчась на полу и держась за неестественно свернутую челюсть, поднял мутный взгляд на ударившую его женщину.

— Ты че, сука... совсем края попутала?! — невнятно, брызгая кровью, заорал он, пытаясь подняться. — Я вас всех тут...

Он не договорил.

Тишину разорвал лязг брони. Двое гвардейцев, секунду назад казавшиеся статуями, сорвались с места. Один с размаху вбил тяжелый бронированный ботинок под ребра новобранцу, выбивая из него воздух и остатки гонора. Второй перехватил винтовку и с коротким, сухим треском опустил приклад ему на затылок, впечатывая лицо парня в решетчатый пол.

— Смирно, кусок мяса! — рявкнул из-под глухого шлема охранник, придавив хрипящего рекрута коленом к полу. — Перед тобой капитан авангарда! Еще одно слово не по уставу, и ты пойдешь чистить фильтры на внешнем периметре без скафандра!

Алиса, не меняя ледяного выражения лица, стряхнула каплю чужой крови с костяшки перчатки, презрительно перешагнула через скулящего на полу придурка и молча продолжила свой путь вниз. Оставшиеся рекруты вжались в стены, бледные как мел. Добро пожаловать в «Эгиду».

— Разрешите обратиться, товарищ генерал.

Генерал Корчагин сидел неподвижно, сложив руки в замок и тяжело опершись ими на массивный стол из матовой стали. В его штабном бункере стояла специфическая, давящая тишина, которую лишь изредка нарушал шелест бумаги или сухой стук клавиш адъютанта в темном углу. За спиной генерала, в нише стены, мерцал мощный серверный блок. Рядом с ним светился огромный монитор, разделенный на сетки внешних видеокамер Оплота.

Наблюдение за базой и ближними подступами шло двадцать два часа в сутки. Оставшиеся два всегда пропадали без вести. Искажение дышало, фазовые фоны скакали, и Пустота словно сама задерживала свинцовый занавес, не желая, чтобы на её ледяные просторы смотрели постоянно. Эти «провалы» наступали хаотично: иногда дежурный техник находил лишь жалкие пятиминутные обрывки записи, а иногда изображение тонуло в густых статических помехах на оба часа. Корчагин, переживший здесь не один батальон, знал точно: Бездна не терпит свидетелей.

Генерал медленно затушил окурок синтетической сигареты в переполненной пепельнице и бросил быстрый, пронзительный взгляд на вошедшую девушку.

— Территория была зачищена Чёрным, — голос Алисы в тесном, прокуренном бункере звучал сухо, четко и по-военному ровно. — В Холодильнике обнаружены пять тел анархистов из группировки «Спектр». Также найдены мертвые Фазовый Ткач и взрослая Панцирная гончая. Никаких других посторонних тепловых или фазовых следов не зафиксировано.

Она намеренно, ни единым мускулом не дрогнув на лице, опустила кровавые подробности того, как именно Чёрный выдержал прямой ментальный удар Ткача. Его абсолютная «глухота» к пси-излучению и фазовому давлению была их общим, самым ценным секретом. Тайным козырем, доставшимся ему от прошлого в сектантах Колыбели, который нельзя было отдавать даже высшему командованию «Эгиды».

— По поводу нашей первостепенной задачи: мы изучили проходы между термическими разломами в Дикой промзоне. Логово порождений сожжено дотла, в моем отряде потерь нет. Аномальная сетка в этом квадрате стабильна, несмотря на три фазовых шторма за последние два месяца. Главное — прямой проход на Слепое озеро теперь открыт.

— Всегда хорошие новости. Я тебя понял, капитан, — Корчагин на мгновение отвел тяжелый взгляд на мониторы, где в серой, кусачей дымке едва угадывались бронированные фигуры патрульных. — Что там с вольным траппером?

На этот раз генерал посмотрел на неё особенно пристально, словно пытаясь острым скальпелем вскрыть правду за её идеальной маской спокойствия.

— Доктор Ригель пожертвовал последний кристалл «Слеза Пустоты», чтобы принудительно ускорить регенерацию клеток. Чёрный скоро поправится.

— Приятно слышать. Отличная работа. Все свободны, отдыхайте пока, — Корчагин устало потер переносицу, но в этом обыденном жесте старого служаки чувствовалась скрытая, тяжелая тревога. — Сообщи мне лично, как только он встанет на ноги. Будут дальнейшие, прямые указания.

Алиса не шелохнулась, лишь бросив короткий вопросительный взгляд светлых глаз.

— Работа с яйцеголовыми, — генерал произнес это так, будто сами слова имели неприятный физический вес и пахли формалином. — Тут недавно двое ученых объявились из Центрального Управления, дело архиважное. Твой траппер выступит проводником для них и для всего твоего отряда. Маршрут — научный модуль «Вектор». Это пока всё, Ермолова. Остальное — на закрытом брифинге вместе с проводником.

— Я вас поняла, товарищ генерал. Брифинг с проводником, — эхом повторила Алиса, чувствуя, как внутри живота всё болезненно сжалось.

Формулировка «работа с учеными» в 2189 году никогда не обещала ничего хорошего. Это всегда означало только одно — прорыв вглубь Искажения и новые, замерзшие могилы её ребят.

— Разрешите идти?

Корчагин лишь едва заметно кивнул седой головой, уже машинально потянувшись за новой пачкой сигарет.

Выйдя из-за массивных бронированных створок бункера Корчагина, Алиса остановилась на пандусе и набрала полную грудь тяжелого, застоявшегося воздуха Оплота. Дежурные тяжелые пехотинцы на посту одновременно, с четким лязгом сервоприводов, отдали ей честь, прожоя напряженными, полными мрачного уважения взглядами.

Погода над Холодильником портилась на глазах, словно сама Пустота решила выплеснуть на них свою ярость. Грязное небо стремительно затягивало тяжелыми, свинцово-багровыми тучами, которые плотным саваном ступали над куполами базы, предвещая долгий и нестерпимый кислотный шторм. Алиса ненавидела эти циклоны всем своим нутром — оно было таким же широким и яростным, как и её душа, теперь надежно спрятанная под слоями армированного кевлара и жестокого командирского характера. Она давно отучила себя от лишних разговоров и жестко пресекала любые попытки наемников с ней флиртовать. После череды разбитых в кровь физиономий и пары простреленных коленей, желающих испытать удачу в гарнизоне поубавилось до нуля.

Жгучая брюнетка с пронзительными, ярко-зелеными глазами, которые когда-то сияли с голографических обложек самых дорогих модных журналов, теперь одиноко стояла в бетонном закутке поодаль от штаба «Эгиды». Её безупречным формам и хищной грации до сих пор могла позавидовать любая элитная модель, но подиум навсегда остался в той, прошлой, «ненаступившей» для большинства людей жизни. Там, где был Максим. Её Док.

Она прикрыла глаза, и сквозь гул генераторов в памяти всплыл Верхний Ярус.

Мегаполис, укрытый от химической зимы под землей и куполами, представлял собой гигантскую, безжалостную воронку. Нижние ярусы гнили во тьме: там царили синтетическая жратва со вкусом картона, болезни, нормированный кислород и вечная смена на износ ради пары использованных термопакетов или лишнего топливного брикета, чтобы дожить до утра и не замерзнуть насмерть. Средние уровни задыхались в неоновом смоге промышленного кольца, обслуживая элиту.

А на самом верху располагался Эдем. Абсолютный, стерильный рай для избранных. Там, под искусственными куполами, имитирующими лазурное небо и теплое солнце, не было места синтетике. Там ели настоящее, выращенное мясо, пили кристально чистую воду, носили натуральный шелк и дышали воздухом, пахнущим озоном и живыми цветами. Алиса была звездой этого Верхнего Яруса. Девочкой с обложки, купающейся в роскоши. Но она, как никто другой, знала: этот рай держался на чудовищной, неповоротливой бюрократии и крови тех, кто остался внизу. Высшее общество Верхнего Яруса было сборищем лощеных ублюдков, улыбающихся тебе в лицо и готовых перерезать глотку за долю в корпорации.

И только один человек оказался настоящим. Единственный, кто сумел обуздать её непокорный нрав и показать изнанку этого золотого аквариума. Док.

Это прозвище прилипло к Максиму вовсе не из-за медицинских талантов — бинтовать он умел разве что на скорую руку, чтобы боец не истек кровью до эвакуации. Он был спецом. Человеком, который умел вскрывать любые двери, разбирать на атомы любую угрозу и действовать в самых черных, слепых зонах, о которых элита Верхнего Яруса предпочитала даже не шептаться. Их свадьба, где Сашка Чёрный стоял рядом с ними в качестве свидетеля, казалась Алисе самым светлым сном из другой, невозможной вселенной.

А потом наступило время платить по счетам. Прошлое Дока, его охота за тенями в подземельях и те секреты, которые они вскрыли, выставили им счет, который нельзя было оплатить изолятами. Побег на Поверхность, в проклятое Искажение, был их единственным шансом спастись от карательных отрядов корпоратов. И Алиса шагнула за мужем во мрак без единого колебания, потому что Максим был её абсолютной защитой, её стеной, её личным миром.

А Чёрный... Чёрный пошел за ними следом. Просто собрал свой штурмовой рюкзак, проверил винтовку и шагнул в ледяной ад. Верный напарник, угрюмый брат по оружию, который никогда бы не бросил своих друзей подыхать в одиночестве.

— Чёртова зажигалка... — глухо проворчала Вдова, выныривая из воспоминаний, когда кремниевое колесико в очередной раз безнадежно чиркнуло, высекая лишь жалкую искру. На таком влажном ветру бензин отказывался гореть.

Над базой Оплота внезапно, заставляя внутренности сжаться, взревела главная сирена — хриплый, надрывный, пульсирующий звук, призывающий весь личный состав немедленно бросить дела и уйти в глубокие бетонные недра бункеров.

Первые тяжелые капли едкого, токсичного дождя с шипением ударили по промерзшей земле и бронированным плитам двора, заставляя старый металл дымиться и пузыриться. Шторм пришел.

Убежище под мерзлотой

Алиса навалилась плечом на тяжелую, обитую толстыми свинцовыми листами гермодверь, и на неё тут же обрушилась волна густого, спертого воздуха. Главный бар Оплота, носивший негласное название «Штольц», располагался в бывшем правительственном бомбоубежище, и это гнетущее чувство замкнутого пространства ощущалось здесь в каждом кубическом сантиметре. Здесь не было и не могло быть окон — только низкие бетонные своды, по которым змеились пучки засаленных кабелей и покрытые конденсатом трубы систем жизнеобеспечения. Вентиляция натужно, с металлическим лязгом гудела, отчаянно пытаясь вытянуть наружу едкий дым от суррогатного табака.

Свет в баре был тусклым, болезненно-желтушным; старые диодные лампы в защитных металлических сетках периодически мелко вздрагивали и мигали, когда снаружи, над многометровым бетонным небом, рокотал гром разыгравшегося кислотного шторма. Стены, когда-то выкрашенные казенной серой краской, теперь покрывали пятна масляной копоги, черные потеки сырости и выцарапанные виброножами матерные девизы банд мусорщиков и отрядов наемников.

В нос мгновенно ударил резкий, бьющий по рецепторам коктейль запахов: застарелый перегар от синтетического спирта, сладковатый аромат разогретой белковой пасты, тяжелый запах мокрой брезентовой термоткани и специфический, ни с чем не сравнимый дух оружейной смазки для магнитных катушек. Под тяжелыми ботинками хлопала грязная, токсичная жижа — мерзкая смесь занесенного с улицы химического снега, угольной пыли и пролитого пойла.

За грубо сваренными из арматуры и стальных листов столами сидели те, кто сегодня сумел обмануть Искажение. Здесь не было чистых, гладких лиц Верхнего Яруса: серые от хронической усталости и недосыпа, с глубокими, незаживающими следами от респираторов на скулах, они казались абсолютно одинаковыми в этом мрачном полумраке. В дальнем углу за барной стойкой, надежно отделенной от общего зала массивной стальной решеткой, невозмутимо протирал мутный стакан Хозяин — сухой, жилистый человек с синтетическим глазом, который видел на границе Пустоты абсолютно всё и давно разучился чему-либо удивляться.

Голоса наемников и бродяг сливались в единый, тягучий низкочастотный гул, напоминающий роение злых ос в закрытой железной бочке. Но стоило Алисе сделать несколько шагов вглубь зала, как этот звук начал стремительно менять тональность — пьяные разговоры зати-

хали один за другим, а головы в натянутых капюшонах и рваных разгрузках медленно, насто-роженно поворачивались вслед её уверенной, чеканящей походке.

Она была здесь слишком ярким пятном, чужеродным и смертельно опасным элементом. От её вычищенной, подогнанной по фигуре элитной брони авангарда и холодного блеска зеленых глаз буквально веяло стальной дисциплиной «Эгиды», которая для большинства присутствующих здесь анархистов и вольных стрелков была хуже каторги. Однако её ледяной, сканирующий взгляд и низко висящая на бедре тактическая кобура с тяжелым плазменным пистолетом очень быстро отбивали у подвыпивших бродяг любое желание проверять эту дисциплину на прочность.

На самом входе, привычно привалившись широким плечом к бетонному косяку, стоял Гвоздь — бессменный страж порядка в «Штольце». Его лицо, глубоко изборожденное шрамами и покрытое слоем въевшейся многолетней копоти, напоминало старую, изодранную топографическую карту Холодильника. Маленькие, глубоко посаженные глазки-буравчики привычно сканировали каждого входящего. Закон бара был строг, но имел свои нюансы: зеленое мясо, новички с Внешнего кольца и нестабильные мусорщики сдавали свои импульсные стволы у порога в обязательном порядке. Но бывалых ветеранов, элитных контрактников и проверенных убийц Гвоздь не трогал — они имели право пить с железом на поясе.

Но сегодня, когда мимо него ледоколом проходила Алиса Ермолова, огромный вышибала лишь чуть заметно отстранился, рефлекторно вжимаясь в стену. У капитана Вдовы забрать ствол было физически невозможно с самых первых дней её появления на базе. Гвоздь до сих пор в деталях помнил тот абсолютно холодный, почти нечеловеческий взгляд, которым она одарила его в первый раз, когда он по незнанию протянул лапу к её кобуре. В тот день старый охранник кристально ясно понял: попытка разоружить Вдову равносильна попытке голыми руками отобрать кусок мяса у голодной Панцирной гончей — можно легко остаться без пальцев, а если не повезет, то и без головы.

— Капитан... — едва слышно, с уважительной хрипотцой просипел Гвоздь, скорее просто обозначая свое присутствие, чем приветствуя.

Алиса даже не повернула головы. Она шла вперед, ровно разрезая густую толпу. Наемники хмуро расступались перед ней, вжимаясь в свои столы и недовольно ворча что-то под нос. Кто-то провожал её откровенно ненавидящим взглядом, кто-то — с невольным, жадным мужским восхищением, но никто, ни один человек в этом зале не посмел преградить ей путь.

Она спиной чувствовала этот липкий, ядовитый шепот, эти десятки глаз, напряженно следящих за каждым движением её плеч. В этом бетонном подземелье, среди отбросов общества, загнанных в угол выживальщиков и сломанных героев, она была символом совершенно другой силы — той карательной машины, что пришла сюда не просто выживать в грязи, а устанавливать свои порядки и властвовать над хаосом.

Алиса прошла сквозь основной зал, ни на секунду не сбавляя жесткого темпа. В самом конце этого вымороженного бетонного мешка, надежно отделенная от общего пространства тяжелой, засаленной термической ширмой из корабельного брезента, ждала её элитная группа. Там, за этой импровизированной, но непроницаемой стеной, начиналась их личная территория — крошечный, ошетилившийся стволами островок порядка в океане мрачной анархии, куда чужим вход был заказан под страхом переломанных ребер и простреленных коленей.

— За милых дам! — внезапно, перекрывая гул вентиляционных турбин, выкрикнул один из вольных наёмников, сидевший у самого прохода.

Он грубо развернулся всем телом, едва не смахнув пластиковым налокотником пустую бутылку из-под синтетики со стола, и приветливо, пьяно-развязно улыбнулся, высоко подняв мутный граненый стакан в сторону девушки. Его соседи, такие же тертые ледяной пустошью бродяги, нестройно подхватили тост, одобрительно зашумев и застучав кружками по железу.

Алиса на долю секунды притормозила и одарила его мимолетной, почти невесомой, ледяной улыбкой. Начинать кровавую потасовку прямо сейчас, здесь, среди взвинченной толпы «Штольца», ей совершенно не хотелось — мышцы всё еще гудели после рейда, а глубоко под броней всё еще пульсировал тот самый липкий, холодный испуг за Чёрного, лежащего под скальпелем Ригеля.

Она прекрасно понимала, что парень просто перебрал дешевого спирта и нес ахиною не со зла, а от хмельной, самоубийственной удали. Но её ликвидаторы, мрачно сидевшие за ширмой, такого панибратства по отношению к своему командиру обычно не прощали. Для них любое кривое слово, брошенное в адрес капитана Ермоловой, было прямой командой к зачистке, и эта короткая улыбка Алисы послужила своего рода тактическим предохранителем — её негласным, безмолвным приказом «отставить». Она искренне надеялась, что опытные ветераны за соседними столами сами, без лишней стрельбы и шума, доходчиво объяснят парню на ухо, что ухлестывать за Вдовой — это самый надежный и быстрый способ досрочно шагнуть в Пустоту.

Слышно было, как за тяжелой ширмой лязгнуло железо — кто-то из её отряда явно уже положил закованную в кевлар руку на рукоять магнитного ножа, но, увидев реакцию Алисы сквозь щель, так же медленно и неохотно её убрал.

Вдова брезгливо отодвинула тяжелый термический брезент, который на ощупь напоминал старую, задубевшую на морозе кожу, и шагнула внутрь своей личной территории. За её спиной тут же снова сомкнулся вязкий гул бара, но здесь, в полумраке за ширмой, воздух был совершенно другим — более сухим, лишенным запаха перегара и густо пахнущим дорогой оружейной смазкой и озоном.

Но наёмник оказался из той редкой породы идиотов, кто катастрофически не умеет считывать знаки этого вымороженного мира — ни те, что шепчет смертоносный ветер в фазовых полях, ни те, что смертным приговором проступают на лицах людей. Приняв вежливую, останавливающую кровопролитие улыбку за прямой призыв к действию, он залихватски подмигнул двоим своим компаньонам, оставшимся у стойки. Те замерли, глядя на своего лидера с опаской и нескрываемым, болезненным восторгом: парень явно решил прыгнуть выше головы и поиграть со смертью.

Пара опытных бродяг-стервятников, сидевших за соседним столиком — люди, лично видевшие Вдову в кровавом деле на границе Холодильника и прекрасно знавшие цену её ледяному молчанию, — синхронно вскинули руки. Один сделал резкий, красноречивый рубящий жест ладонью прямо у своего горла, другой едва заметно покачал бритой головой, одними губами отчаянно шепча: «Сядь, придурок, она тебя на ремни пустит».

— Клим, бутылку твоего лучшего синтетического коньяка, мисьё! — отчеканил наёмник, нагло хлопнув грязной ладонью по бронированной стойке.

Старый Хозяин бара молча, без единой эмоции на изуродованном шрамами лице, выставил пыльную бутылку. Клим знал цену чужой глупости и никогда не спорил с покойниками. Забрав свой дорогой заказ, парень решительно, чуть покачиваясь от выпитого ранее спирта, направился вслед за Алисой — прямо за заветную брезентовую ширму.

— Эй, крутые ребята, элита! Хочу с вами распить этот дивный напиток за удачный рейд! — начал он свою самоубийственную тираду, едва его рука бесцеремонно откинула край тяжелого, прорезиненного брезента. Он уже заметил пустующий стальной стул в углу, в упор не замечая, как тени в тесном помещении вдруг стали гуще, а температура, казалось, упала на несколько градусов.

В ту же секунду замолчал весь «Штолец». Шум десятков пьяных разговоров, звон металлических кружек и хрип старого радиоприемника, ловящего статику Внешнего кольца, срезало, как острым плазменным резаком. Наступила гробовая, вязкая, неестественная тишина. В этом внезапном вакууме стал отчетливо, до дрожи в костях, слышен звук, от которого у любого

опытного бродяги внутри всё сжималось — тяжелый, дробный стук первых капель кислотного шторма по многометровой свинцовой крыше над головой. Металл снаружи зашипел. Искажение закрывалось, наглухо запирая их всех в этом бетонном мешке до самого утра.

На столе у элитного отряда Алисы не было ни капли спиртного. Лишь абсолютно спартанская, сухая снедь — пара вскрытых банок армейского белкового концентрата, надломленный брикет синтетического хлеба, а в центре сиротливо стояла помятая фляга с очищенной водой. Пять пар глаз ветеранов-ликвидаторов, холодных, мертвых и пустых, как черные дула магнитных винтовок, медленно поднялись на незваного гостя.

Алиса, даже не обернувшись на звук его голоса, плавно, не делая резких движений, потянулась к своей кружке с водой. Её бойцы тоже не шевелились, не тянулись к кобурам, но атмосфера в тесном закутке за долю секунды накалилась до состояния оголенного высоковольтного провода. Стало так тихо, что было отчетливо слышно, как тихо гудит диодная лампа под потолком и как бешено колотится сердце наёмника, который только что добровольно подписал себе смертный приговор на глазах у всего заведения.

— Вы чего, элита, меня испугались, что ли? — нервно не выдержал он и глупо, жалко заулыбался, уже потянувшись подрагивающей рукой к спинке свободного стула. — Не обижу я вас. Коньяк-то чистый, с Яруса...

Он не успел даже коснуться холодного металла спинки. В ту же секунду все пять тяжелооруженных бойцов авангарда начали медленно, синхронно и почти торжественно подниматься со своих мест. Угрожающе взвыла гидравлика, скрежетнули по бетону ножки тяжелых табуретов.

Наёмник на мгновение замер. Его пьяная улыбка сползла, обнажив чистый, животный страх. Он был абсолютно уверен: сейчас его будут убивать. Встают именно за этим — чтобы без лишних слов втоптать наглеца армейскими берцами в щербатый пол за непростительную дерзость. Он уже рефлекторно пригнулся, вжимая голову в плечи и ожидая первого сокрушительного удара Макара в челюсть, но реальность оказалась куда более прозаичной и пугающей.

Ликвидаторы смотрели не на него. Их расширенные глаза были прикованы к точке прямо у него за спиной.

Из густой, непроглядной тени узкого прохода, ведущего к медицинскому отсеку доктора Ригеля, бесшумно выплыла высокая, широкая фигура. Новичок не услышал ни единого звука шагов, но физически почувствовал, как за его затылком внезапно, до минусовых значений заledenел воздух, а по позвоночнику пробежала дикая, болезненная судорога — точно такая же, какую чувствуешь, стоя в миллиметре от смертельной фазовой воронки.

Это был Чёрный.

Он выглядел по-настоящему жутко. Смертельно бледный, с кожей цвета старого пепла и глубоко запавшими глазами, в которых всё еще металась и отказывались гаснуть темные искры недавнего фазового безумия Ткача. Кристалл «Слеза Пустоты» Ригеля сделал свое дело, грубо сшив его разорванную плоть, но забрал взамен колоссальное количество энергии. Казалось, траппер прямо сейчас собран из чудом склеенных обломков и чистой, нечеловеческой воли. Пошатываясь от чудовищной слабости, но удерживая спину неестественно, пугающе прямой, он возник за спиной парня, как мстительный призрак, наотрез отказавшийся уходить за грань Бездны.

Чёрный не стал тратить слова. Он даже не удостоил взглядом искаженное первобытным страхом лицо наёмника. Его длинные пальцы, сухие, ледяные и бледные, словно выбеленная морозом кость, безжалостно сомкнулись на горлышке бутылки коньяка, которую новичок всё ещё судорожно сжимал в онемевшей руке. Одним коротким, властным движением он изъял «подношение» и одновременно положил тяжелую ладонь на плечо парня, небрежно отодвигая его в сторону, словно убирал с дороги мешающий кусок мерзлого мусора.

Бродяга отлетел к тяжелой термической ширме, едва не рухнув на грязный бетон, и замер, судорожно глотая ртом спертый воздух и боясь даже пошевелиться. А Чёрный, полностью игнорируя его существование, сделал еще один неверный, тяжелый шаг к столу. Металл и дерево свободного стула жалобно скрипнули, когда он тяжело опустился на него, с глухим стуком поставив отобранную бутылку в самый центр — рядом с сиротливой флягой дистиллята.

Алиса медленно, не отрывая взгляда, поднялась вслед за своими пятью ликвидаторами. Её зеленые глаза впились в осунувшееся лицо Чёрного, жадно изучая каждое движение этого «воскресшего». Между ними, поверх стола со скудной белковой снедью, повисло невероятно тяжелое, наэлектризованное молчание. Снаружи в этот момент ядовитое небо окончательно прорвало — кислотный шторм с оглушительным, пулеметным грохотом обрушился на многометровую свинцовую крышу Оплота, наглухо отрезая их от остального вымороженного мира.

— За милых дам, — прохрипел Чёрный. Голос его напоминал шелест сухой, мертвой травы на радиоактивном ветру, но в нём отчетливо прорезалась та самая фирменная ироничная нотка, которую не смог выжечь из его мозга даже Фазовый Ткач. — Кажется, это был тост?

Он обвёл потемневшим взглядом застывших гигантов «Эгиды», и те, мгновенно почуяв негласный приказ своего капитана, так же медленно, с лязгом бронепластин начали садиться на свои места. Алиса опустилась на табурет напротив, её пальцы на кружке с водой едва заметно, предательски дрожали от схлынувшего адреналина.

— За презент благодарю, амиго, — голос Чёрного был тихим, хриплым и надтреснутым, словно звук осторожных шагов по битому стеклу. — Будет чем второй день рождения отметить.

Бутылка с тяжелым стуком встала на засаленную столешницу. Новичок у ширмы окончательно оторопел, его пальцы всё ещё мелко подрагивали в пустоте, сохраняя форму изъяттого горлышка. Его компаньоны у стойки бара, завидев сквозь щель в брезенте это живое воплощение смерти, синхронно вжали головы в плечи и трусливо отвели взгляды. Им хватило одного беглого взгляда на мертвенную, пепельную бледность Чёрного, чтобы кристально ясно осознать: перед ними не просто удачливый наёмник, а тот, кто только что на одних зубах выкарабкался из ледяной пасти самого Искажения.

— Правильно сообразил, амиго. Конфликты здесь — дело крайне накладное для здоровья, — глухо подал голос Макар, сидящий по правую руку от капитана Ермоловой.

Он коротко, по-хищному усмехнулся, ткнув заскорузлым, покрытым шрамами пальцем в алый шеврон ликвидатора «Эгиды» на своём массивном плече. Макар был псом войны до мозга костей — один из тех людей, для которых ультра-насилие давно стало единственным понятным и родным языком. Огромный, неестественно широкоплечий, с лицом, больше похожим на грубо изрубленный топором кусок гранита, он выглядел естественным, биологическим продолжением своего тяжелого магнитного дробовика, прислоненного к краю стола. В его темных глазах не было ни капли хмельной удали — только сухая, профессиональная готовность ломать чужие кости.

— Особенно с ним, — Макар уважительно кивнул тяжелой головой на Чёрного. — Он сегодня высшего Ткача на атомы разобрал, пока ты тут штаны в тепле протирал и синтетику лакал. А за него мы тебе башню открутим быстрее, чем ты успеешь «мама» сказать. Без обид, салага. Просто устав у нас такой.

Наёмник окончательно побледнел, переводя затравленный взгляд с пудовых, закованных в кевлар кулаков Макара на Чёрного, который сидел абсолютно неподвижно, уставившись в одну точку пустым, выжженным Искажением взглядом. Парень застыл в той опасной фазе животного ступора, когда инстинкты панически мечутся между «драться» и «бежать», и любой резкий жест со стороны ликвидаторов «Эгиды» мог спровоцировать кровавую развязку прямо на этом грязном бетоне.

К счастью для него, в этот момент тяжелая брезентовая ширма снова качнулась. В закуток вошла Алина. Ей хватило доли секунды, чтобы профессионально оценить мизансцену: побелевшего от ужаса новичка, ошестинившийся стволами элитный отряд и восставшего из мертвых брата. Она замерла, не веря своим глазам.

Но прежде чем Оса успела сказать хоть слово или выдернуть парня из зоны поражения, Чёрный сделал то, чего в этом баре не ожидал абсолютно никто.

Его пальцы, всё ещё белые в суставах, уверенно обхватили пластиковую пробку трофейной бутылки. С характерным, резким хлопком синтетический коньяк был откупорен. Густой, искусственный, но чертовски приятный аромат винограда и спирта тут же смешался с тяжелым запахом оружейного масла, озона и запекшейся крови. Чёрный медленно поднял глаза на дрожащего наёмника и коротким, неоспоримым жестом ладони указал ему на пустой металлический ящик из-под магнитных батарей, стоявший с краю стола.

Садись. Это был жест, не терпящий возражений. Высшая степень снисходительности от человека, шагнувшего за грань.

Парень, всё ещё пребывая в глубоком трансе, на негнущихся ногах подошел и деревянно опустился на ящик, боясь даже дышать в присутствии этих монстров в броне.

Алиса, до этого момента не сводившая цепких глаз с Чёрного, наконец шумно, со свистом выдохнула сквозь зубы. Весь её напускной армейский холод и безупречная капитанская выправка на одно короткое мгновение дали глубокую трещину. В её зеленых глазах, устремленных на проводника, смешались остатки пережитой изматывающей тревоги и дикое, искреннее, почти первобытное облегчение. Вдова вдруг расплылась в своей фирменной, чуть дерзкой улыбке и, подхватив со стола помятую флягу с минералкой, отсалютовала ему, словно признавая его абсолютное право нарушать любые законы физики, логики и медицины Ригеля.

Алина оказалась рядом первой. Чёрный, не вставая с табурета, притянул её к себе здоровой правой рукой, крепко прижимая к плечу. В этом коротком, судорожном объятии было в тысячу раз больше смысла, чем во всех словах, сказанных за последний год химической зимы. Сестра уткнулась носом в его запыленную, изодранную когтями и прожженную плазмой разгрузку, на мгновение закрыв глаза и просто слушая его тяжелое, с хриплым присвистом, но живое дыхание.

— Живой, зараза непробиваемая... — выдохнула она прямо в жесткую ткань, нехотя отстраняясь.

Чёрный молча, не проронив ни звука, разлил янтарную жидкость по металлическим кружкам и стаканам, не обделив никого — даже вжавшегося в плечи новичка, который принял кружку обеими трясущимися руками, как величайшую святыню.

Подняв свой стакан, Чёрный встретился прямым взглядом с Алисой. Один долгий зрительный контакт. Короткий, едва заметный кивок. Безмолвная благодарность за вовремя вскрытую «Слезу Пустоты» и пущенный на его выживание баланс отряда — те самые фазовые кристаллы, что должны были пойти на обновление фильтров и пайковые для её людей. Ермолова поняла всё без перевода, ответив лишь коротким, холодным наклоном головы.

Выпили залпом, не чокаясь. Огненная, жесткая жидкость обожгла пересохшее горло, заставив Чёрного болезненно поморщиться, но на его восковых, пепельных щеках наконец проступил едва заметный, спасительный румянец вернувшейся жизни.

Вязкая тишина за столом лопнула. Бойцы авангарда, окончательно убедившись, что их товарищ снова в строю и не собирается подышать, расслабили плечи и наконец обратились к своему командиру. Теперь, когда смертельное напряжение спало, они торопились отрапортовать капитану Ермоловой о выполнении её карательных приказов.

— Командир, по зачистке логова, как ты и приказала, — начал огромный Макар, с удовольствием утирая губы тыльной стороной бронированной перчатки. — Отработали то самое

место на границе Холодильника, где Чёрного накрыло. Гнездо выжгли плазменными зарядами под самый корень, до стеклянной корки. Тварей там больше нет, одни фосфоресцирующие головешки остались.

Он сделал театральную паузу и хитро, по-волчьи посмотрел на Алису, вспоминая тех самых лощеных кабинетных техников, которых она спалила на выходе из бара и в наказание припахала к их штурмовой группе.

— А что до тех «туристов»-операторов из Базальта, которых ты нам в нагрузку дала... — Макар хохотнул так, что задрезжала пустая посуда. — Мы их пустили первой линией. Сказали: «Ищите фазовые сдвиги ножками». Ты бы видела, капитан, как эти мальчишки в своих чистеньких комбинезонах по ледяному дерьму ползали, каждый сугроб сканируя. Один даже обмочился, когда в десяти метрах от него останки Ткача лопнули от перепада температур. Но дело свое они сделали. Сканеры откалибровали прямо на месте. Теперь у нас там идеальное покрытие, ни одна крыса из Искажения не проскочит.

Алиса едва заметно качнула головой, скрывая ледяную усмешку. Она прекрасно знала, что её ликвидаторы никогда не упустят шанса «поучить жизни» тех, кто попадает к ним под горячую руку, особенно если это касается кабинетных работников.

Чёрный тем временем снова потянулся к бутылке. Движения его левой руки всё ещё были немного рваными — мышечная память сбоила после нейро-взлома Ткача, но уверенность крепла с каждой минутой. Он методично разлил остатки синтетического коньяка по стаканам, наблюдая, как янтарная жидкость заполняет затертую металлическую посуду до самых краев. Когда последняя капля упала в помятую кружку Макара, Чёрный со стуком отставил пустую тару в сторону.

Он тяжело, не моргая, посмотрел на побледневшего парня, всё ещё вжимающегося в ящик из-под магнитных батарей.

— Эй, — прохрипел Чёрный. В его надтреснутом голосе не было ни капли внезапного дружелюбия или мягкости. Только сухой, холодный металл приказа. — Встань. Иди за стойку и позови тех двоих, с которыми ты пил. Пусть тащат свои кружки. Выпьем за мое возвращение с той стороны.

Парень нервно сглотнул, кивнул, словно заведенный механизм, и, чудом не запутавшись в собственных непослушных ногах, пулей вылетел за тяжелую брезентовую ширму.

То, что произошло в основном зале «Штольца» в следующую секунду, можно было описать как коллективный, парализующий ступор. Тягучий низкочастотный гул десятков грубых голосов мгновенно оборвался. Суровые наёмники, бродяги и матерые Трапперы уставились на вышедшего парня так, словно перед ними материализовался сам эпицентр Искажения. Негласные каноны Оплота были непреложны: абсолютно левый человек, не носящий алый шеврон «Эгиды», только что бесцеремонно ввалился на личную территорию капитана Вдовы, прервал посиделки её элитного отряда... и вышел оттуда на своих двоих. Не вылетел вперед сломанными ребрами, не выполз, захлебываясь собственной кровью, а просто вышел. Живой и со всеми конечностями. Старый Хозяин за бронированной стойкой бара многозначительно хмыкнул и протер мутный стакан с таким видом, будто фундаментальные законы физики в этом помещении только что дали критический сбой.

А за ширмой в этот момент повисла тяжелая, колючая тишина. Бойцы переглянулись. Макар, уже приготовившийся опрокинуть в себя порцию огненной жидкости, замер со стаканом у самых губ, нахмутив свои густые, изрубленные шрамами брови.

— Саня, при всем уважении к твоему второму дню рождения... — медленно, с легким угрожающим рычанием начал Макар, не сводя тяжелого взгляда с Чёрного. — Какого хрена? Нам тут эти залетные любители синтетики за столом зачем сдались?

Алиса тоже вопросительно приподняла бровь, скрестив руки на груди. Она знала Чёрного слишком хорошо. Он никогда не страдал приступами внезапного гостеприимства, особенно после того, как едва не оставил мозги в Пустоте.

Чёрный устало потер переносицу, прогоняя пульсирующие остатки фантомной боли, и наклонился чуть вперед.

— Затем, что он не залетный новичок, Макар, — тихо, но веско ответил Траппер, кивнув в сторону закрывшейся ширмы. — Он прикинулся в хлам пьяной салагой, и сыграл этот спектакль почти идеально. Но вы не обратили внимания на его моторику?

Бойцы настороженно замерли, превратившись в слух.

— Когда я отшвырнул его к стене, он рефлекторно сгруппировался в полете так, чтобы не задеть магнитную кобуру и не сбить настройки прицела на бедре. Обычный пьяный ублюдок так не падает, — голос Чёрного стал жестким, как наждак. — И ствол у него висит не как у дурака для красоты, а выверен с точностью до миллиметра под короткое, рубящее движение кисти. А его глаза, Макар, когда ты ему кулаки показывал? Там был животный страх, да. Но не паника. Скорее, холодный расчет — он уже прикидывал, как быстрее уйти с линии огня и выхватить оружие, если ты дернешься.

Чёрный поднял взгляд на Вдову. В его впалых, обрамленных темными кругами глазах загорелся нехороший, хищный огонек человека, привыкшего читать невидимые следы на самом краю Бездны.

— Он воняет ветераном, который очень старается казаться куском мяса, — резюмировал Чёрный. — Я нутром чую — с этой троицей что-то капитально не так. В их легенде зияет фазовая брешь. И я хочу посмотреть на них вблизи, послушать, как они дышат, пока они думают, что мы просто пьем за мое здоровье.

Знакомство с этой троицей прошло на удивление гладко. Ребята вели себя расслабленно, старательно отыгрывая роли неопытных, удачливых бродяг, но Чёрный уже раскусил их игру, а теперь, благодаря его предупреждению, это знал и весь отряд.

Они представились сами, едва опустив свои кружки на засаленный стол.

Первым взял слово Форс — атлетичный крепыш с копной каштановых волос и широкой, чересчур уверенной улыбкой. На нем был новенький, еще жесткий армированный термокомбинезон, который явно не успел пропитаться едким запахом гари, пота и гниющей земли Холодильника. Он явно привык брать окружающих нахрапом и харизмой, но на краю Искращения такие трюки срабатывали далеко не всегда. Именно он, слегка разомлев от трофейного коньяка, попытался было включить обаяние и придвинуться чуть ближе к Алине. Но стоило ему наткнуться на тяжелый, выжигающий, мертвенно-холодный взгляд Чёрного, как весь хмель из парня мигом выветрился.

— Понял, — коротко бросил Форс, плавно отодвигаясь вместе с табуретом и поднимая ладони в примирительном жесте.

«Правильно, — мрачно подумал Чёрный, не сводя с него глаз. — Пусть лучше думает трезвой головой, а не пьяной головкой. Целее будет».

Второго — жилистого блондина с узкими, колючими, как у загнанного волка, серыми глазами — звали Стилет. Он был дерганым, нервным и постоянно, словно радар, сканировал тесное помещение за ширмой, будто ожидал огневого контакта прямо из-за барной стойки. Стилет с жаром бил себя в грудь, рассказывая, как они втроем зачистили старый сектор ТЭЦ на Внешнем кольце от целой стаи Панцирных гончих. Он активно рубил воздух ладонями, в красках расписывая бой, и едва не смахнул локтем пустую тару со стола.

Третий, назвавшийся Тихим, полностью оправдывал свое прозвище и был самым незаметным из троицы. Худошавый, с коротким армейским ежиком волос и глубоким, побелевшим шрамом, пересекающим бровь, он сидел в самой густой тени, почти сливаясь с грязным брезентом ширмы. Редкое и крайне ценное качество для Поверхности — говорить мало, филь-

тровать каждое слово и не отвечивать, за что Чёрный его невольно зауважал. Именно Тихий сухо, без эмоций поправил своего друга, уточнив, что на ТЭЦ были никакие не гончие, а всего лишь стоя изголодавшихся пепельных падальщиков.

— Да не суть важно, мясо оно и есть мясо, — отмахнулся Стилет, ничуть не смутившись, и вернулся к рассказу. — Гнездо мы их выжгли, пару мелких термо-изолятов подняли, барыгам Волонтёров скинули за батареи. Решили податься сюда, поближе к Оплоту. Слушок прошел, что научный корпус собирает смертников для глубокого эскорта в Пустоту. Говорят, ученые за охрану платят любые суммы, чистыми энергетическими кристаллами.

Разговор потек лениво, перебирая события минувших дней. Элитная группа Алисы слушала их байки с тяжелой долей иронии — рассказы о «героических подвигах» на Внешнем кольце здесь, в ледяном сердце обороны, звучали как наивные детские сказки. Макар лениво ковырял магнитным ножом в металлической банке с белковой пастой, всем своим видом демонстрируя скуку, а Алиса внимательно, не мигая, наблюдала за реакцией Чёрного на этих залетных романтиков, которые так нагло и уверенно рассуждали о работе на Корчагина.

— Не в кристаллах счастье, парни, — вдруг подал голос Умник.

Худощавый шатен в круглых очках с тактическими линзами строго посмотрел на Форса сквозь бликующие в полумраке стекла. Лицо Умника пересекал старый, рваный шрам от подбородка до уха — «подарок» от матерой Панцирной гончей, который он чудом успел пережить в первый год контракта. Умник был интеллектуальным ядром группы Ермоловой, полевым инженером и человеком, который читал невидимые фазовые узлы и термические воронки как открытую книгу.

— По этому поводу я бы с тобой сильно поспорил, — подхватил его брат-близнец, Фотон.

Он получил свое прозвище пять лет назад, когда почти безнадежным, харкая черной кровью, приполз в Фазовую заводь Хирурга — гиблое место, скрытое глубоко в пульсирующей Пустоте. В тот день он хапнул критическую дозу пространственного распада, и выжил лишь благодаря чуду и скальпелю местного отшельника. Иногда даже свои путали братьев: абсолютно одинаковые карие миндалевидные глаза, форма черепа, даже оправы тактических очков. Различали их только по жестоким отметинам Поверхности: у Фотона рваный шрам уродливо белел на виске — память о близком знакомстве с бритвенно-острым «стеклянным мхом» в кислотных низинах.

Рядом сидели Спец и Кот. Но если Спец был такой же массивной, закованной в тяжелый кевлар скалой, как и Макар, то Кот разительно выделялся на фоне штурмовиков. Снайпер элитного отряда был сухим, жилистым и смертоносно-гибким, как взведенная стальная пружина. В его лице не было ни капли грубой солдатской ярости — только пугающая, математическая отстраненность. Его блеклые, почти прозрачные глаза, привыкшие часами не моргая смотреть в оптику тяжелого магнитного комплекса, сканировали полумрак бара с машинной точностью. Он оценивал каждого вошедшего не как человека, а как набор переменных: дистанция, скорость движения, поправка на ветер от вентиляции. Эти двое за весь вечер не притронулись ни к синтетическому табаку, ни к спиртному. Их работа заключалась в обеспечении глухой обороны, и благодаря им вокруг стола Вдовы сохранялся невидимый, но физически осязаемый периметр смерти, пересечь который не решался ни один пьяный бродяга.

Атмосфера за столом была натянута, как гитарная струна. Вся группа Алисы уже кристально ясно понимала то, что первым озвучил Чёрный: перед ними сидят не зеленые саляги, а матерые, прожженные Искажением волки, искусно натянувшие на себя дешевые овечьи шкуры. Никаких больше наивных баек и пьяной бравады. Троица «новичков» — Форс, Стилет и Тихий — словно почувствовав изменение температуры за столом, замолчала. Они лишь скупой цедили дистиллят, аккуратно держа руки поверх столешницы. Ликвидаторы «Эгиды» профессионально подыгрывали им, лениво перекидываясь ничего не значащими фразами, но под композитной броней мышцы каждого бойца были напряжены до предела. Отряд был готов в любую

секунду разнести этот угол бара в кровавую пыль. Они ждали лишь одного — короткого, решающего взгляда своего капитана.

Чёрный облокотился на стол, чувствуя, как жесткий синтетический коньяк начинает медленно разгонять кровь, притупляя пульсирующие фантомные боли в затылке после встречи с Ткачом.

— Есть куча ситуаций, когда чистые изоляты — это единственный путь к жизни, — продолжал гнуть свою линию Фотон, не замечая, как стремительно мрачнеет, наливаясь тяжелым свинцом, взгляд Чёрного. — Дорогостоящая кибернетика на Верхних Ярусах, долги Корпоратам... здесь, на крови, это можно заработать быстрее всего.

— Если знаешь, в какие фазовые узлы лезть, — вклинился Макар, криво усмехнувшись и поглаживая толстый шрам на щеке. — Иначе не выйдет у вас, господа хорошие, ничего, кроме оплавленной дырки в голове и путевки в безымянную траншею.

— Угу, — коротко согласился Умник, залпом допивая остатки спиртного.

— Ну или живой пример, — Фотон, окончательно разгоряченный спором и алкоголем, в пылу дискуссии потерял бдительность и не заметил, как с размаху ступил на тонкий, смертельно опасный лед. — Набрал Траппер кристаллов, выкупил свою жизнь, свалил с Поверхности и нашел счастье свое. А потом прошлое догнало, и из-за него вон какая жена в этот ледяной ад спустилась...

БАМ!

Звук удара тяжелого, закованного в кевлар кулака Чёрного о грубо сваренную стальную столешницу прозвучал как выстрел из магнитной винтовки в тесном бетонном бункере. Толстый металл жалобно лязгнул, помятая фляга с дистиллятом подпрыгнула, а стаканы громыхули друг о друга, расплескав янтарную синтетику.

В ту же секунду по ту сторону брезентовой ширмы, да и во всей ближайшей половине «Штольца», повисла густая, вакуумная тишина. Тертые Трапперы и наёмники за соседними столами инстинктивно вжали головы в плечи, рефлекторно опуская ладони на рукояти плазменных резаков и кобуры. Но, осознав, откуда именно пришел звук, замерли статуями, боясь спровоцировать бойню.

Фотон осекся на полуслове, словно ему невидимым лезвием перерезали голосовые связки. Его глаза за бликующими линзами тактических очков в ужасе расширились. Он медленно, почти болезненно опустил бритую голову, немигающе глядя на свои дрожащие ладони. Он всё понял. Все всё поняли. Имя Макса — Дока — невидимым, вымораживающим призраком нависло над тесным закутком, мгновенно вытеснив из легких весь кислород. Сердца бывалых ликвидаторов отряда забились реже. Троица лже-новичков, вжавшись в свои табуреты, даже перестала дышать, осознав, что случайно заглянула в самое пекло чужого горя.

Но самым страшным в этот момент была реакция Алисы. Вернее — её абсолютное, пугающее до дрожи в костях отсутствие.

Вдова не вздрогнула. Не отвела тяжелого зеленого взгляда от мутного дна своей кружки. Даже её тонкие пальцы, застывшие на металлической бензиновой зажигалке, не шелохнулись ни на миллиметр. Её лицо мгновенно превратилось в ту самую безупречную, ледяную маску, какой оно было пять минут назад при виде чужаков. Ни единая жилка не дернулась на её виске, ни один мускул не выдал той сокрушительной, рвущей на куски бури, что прямо сейчас завывала в её спрятанной под броней душе. Она просто проигнорировала этот всплеск ярости, словно Чёрный прихлопнул на столе ядовитого рад-таракана. И это могильное, неестественное спокойствие капитана Ермоловой давило на присутствующих в сто раз сильнее, чем слепой гнев самого Траппера.

— Понял, да? — голос Чёрного прозвучал глухо, с трудом продираясь сквозь намертво стиснутые челюсти, напоминая скрежет металла по стеклу.

— Прости, Чёрный... я забылся, Искажение попутало, — едва слышно, одними губами пробормотал Фотон, не смея поднять глаз на командира.

— Тогда заканчиваем наши праздничные посиделки. — Голос Алисы разрезал повисшую тишину холодной, хирургической сталью. Она произнесла это так ровно и обыденно, будто не её погибшего мужа только что вытащили из небытия в пьяном споре. — Вы мне нужны живые и с ясной головой поутру. Генерал Корчагин объявил общий брифинг для нашего отряда и Чёрного, как только этот восставший из мертвых соизволит окончательно прийти в себя.

— А не о тех ли кабинетных умниках из научного корпуса он хочет с нами поговорить? — хмуро подал голос Чёрный, разрывая зрительный контакт с Фотоном.

Троица Трапперов-шпионов и Алина тут же вопросительно уставились на Вдову. На фоне общего оцепенения и липкого страха этот сухой, рабочий вопрос прозвучал как брошенный утопающим спасательный круг.

— Раз ты уже в курсе слухов, тем лучше. Меньше времени потратим на вводные, — Алиса укоризненно, тяжело посмотрела на Чёрного, наконец нарушив свою пугающую неподвижность. — Тащи свой изломанный зад в жилой блок и высыпайся. Это приказ, а не совет.

Она не стала читать морали, не стала срываться на крик или выяснять отношения. Вдова просто встала — чётко, плавно, с идеальной военной выправкой — и вышла из-за железного стола. Её походка в сторону комнат интенданта Жорика была безукоризненно ровной и чеканящей. И только по тому, как до побелевших костяшек были сжаты её кулаки, пробивая коротко стриженными ногтями кожу ладоней, можно было догадаться, чего именно ей стоило это ледяное «никак».

— Всем отбой, — не оборачиваясь, сухо бросила она через плечо, исчезая в густой, пропахшей машинным маслом темноте коридора Оплота.

Мертвая, звенящая тишина.

Алиса ушла. Элитная группа ликвидаторов «Эгиды» во главе со своим капитаном, тяжело ступая бронированными ботинками по бетону, отправилась в жилые блоки на короткий отдых. За железным столом остались только Чёрный, Алина и троица напряженных шпионов-трапперов. Плохое, тягучее предчувствие ворочалось в груди Чёрного холодным, свинцовым комом, и по потемневшим глазам сестры он отчетливо видел — Оса чувствует абсолютно то же самое. На границе Холодильника такая густая, неестественная тишина — это всегда лишь короткий вдох перед разрушительным фазовым штормом.

Чёрный мрачно опустил взгляд на свои плечи. Его тяжелый гермокостюм — композитный панцирь, верный спутник и вторая кожа в десятках самоубийственных рейдов — превратился в жалкое, не подлежащее восстановлению рванье. Вчерашний выход в Пустоту выжал из брони абсолютный максимум: углеродный полимер на груди был глубоко иссечен пулями тех пятерых Стертых, которых Фазовый Ткач гнал на него, как безмозглый кусок мяса на убой. Левый бок защиты украшали страшные, рваные борозды от титановых когтей матерой Панцирной гончей, а внутренний термоизоляционный слой безнадежно лопнул по всем швам, пропуская ледяной сквозняк. Костюм был мертв — в таком дуршлаге можно было только сразу ложиться в промерзшую братскую траншею, а не идти в новый рейд.

«Утром к Корчагину», — подумал Траппер, и его бледные губы невольно сжались в узкую, жесткую линию. Раз генерал собирает официальный брифинг и вызывает их с Вдовой вместе, значит, дело отчетливо пахнет гарью и битым стеклом.

Корчагин никогда не любил рисковать элитными штурмовиками и лучшими проводниками без крайней, отчаянной нужды. Если в закрытом списке участников значился Чёрный, который только-только выкарабкался с того света благодаря кристаллам доктора Ригеля, и сама Алиса — значит, задача перед ними стоит такая, от которой у обычного бродяги кровь в венах заледенеет. Но в этой патовой ситуации был и свой, сухой и циничный плюс.

«Раз уж штабные крысы собираются отправить нас в самое пекло Искажения, — холодно прикинул Чёрный, — то и платить им придется щедро и авансом. Пользуясь случаем, нужно будет с корнем вытрясти из кладовых «Эгиды» новую броню. Да не просто серийный хлам с конвейера, а тяжелый экспериментальный штурмовой экзоскелет авангарда. В этих пробитых обносках я на Корчагина горбатиться не подписываюсь».

Траппер глухо поморщился и осторожно поправил разодранный рукав, чувствуя, как под жесткой кевларовой тканью неприятно и горячо тянут свежие, наскоро сшитые Ригелем рубцы. Мысль о передовой экипировке немного отвлекла его от мерзкого фантомного звона в висках. Завтра утром в бронированном штабе решится их судьба, и он совершенно не собирался выходить за внешние гермоворота без лучшей защиты, которую только может предложить Оплот.

— Ладно, — нарушил Чёрный вязкую тишину закутка, тяжело посмотрев на притихших Форса, Стилета и Тихого, которые старались лишней раз не звенеть стаканами. — Хватит с вас бак и застолий на сегодня. Переваривайте синтетику и отдыхайте, пока «Штольц» дает такую возможность.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как реальность вокруг будто с хрустом надломилась. В баре стало невыносимо, противоестественно тихо. Засаленные столы «Штольца» стремительно пустовали, последние бродяги теньями потянулись к выходу, и лишь одна диодная лампа над их брезентовой ширмой скудно освещала пространство, лениво и беззвучно раскачиваясь на толстых проводах. Тяжелый, пулеметный стук кислотного шторма по свинцовой крыше внезапно прекратился, но вместо привычного свиста ледяного ветра в вентиляционных щелях и статического треска переговорных устройств в бункер набилась плотная, вязкая пустота самого Искажения.

Она была почти физически ощутимой. Эта вакуумная тишина безжалостно высасывала звуки, оставляя лишь нарастающий, тревожный и болезненный звон в ушах. Троица шпионов-трапперов окончательно сбросила маски простаков: они не стали задавать тупых вопросов или паниковать, а синхронно, по-волчьи притихли, вглядываясь в густеющие тени. По их расширенным зрачкам и тому, как руки Форса и Стилета плавно легли на кобуры, было кристально ясно — они тоже почувствовали этот ледяной сквозняк, мертвой хваткой потянувшийся из самых темных недр Пустоты.

Чёрный молча встал, опрокинув пустой стакан. Не тратя драгоценных секунд на объяснения, он шагнул из-за стола. Его тело, закаленное в сотнях кровавых стычек на границе Холодильника, среагировало быстрее травмированного разума. Мышечная память ревела сиреной: смерть уже здесь. Быстрым, скользящим шагом он направился к выходу, где у бронированной двери стоял напрягшийся Гвоздь, чтобы забрать свой сданный оружейный комплекс — тяжелую магнитную винтовку и разгрузку со шлаковой картечью. Алина, не проронив ни звука, тенью последовала за братом, на ходу проверяя крепления композитных щитков и досылая батарею в плазменный резак.

Они едва успели впрыгнуть в амуницию, затянуть тактические ремни и с лязгом вогнуть магазины в приемники, как над всей базой Оплота заверещали главные ревуны. Динамик под сводчатым потолком захлебнулся в истошном, режущем статическом хрипе, а следом сквозь помехи прорвался сорванный голос дежурного по периметру:

— Прорыв фазовой фауны на Северном рубеже! Массовый исход! Внешнее кольцо смято! Всем свободным стволам занять оборонительные позиции! К бою!

Мирная, пропитанная коньяком передышка в «Штольце» закончилась так же резко, как и началась. Чёрный с сухим, металлическим щелчком передернул магнитный затвор, и в его впалых, пепельных глазах снова вспыхнул тот холодный, безжалостный блеск хищника, который предвещал скорую и обильную жатву.

Именно с Северного рубежа Чёрный совсем недавно приполз к ногам сестры, едва не оставив свою личность и душу в мерзких нейронных тисках Фазового Ткача. Ближайший

нестабильный фазовый узел снова изрыгнул из себя очередную порцию кошмаров, словно Бездна решила лично, на прочность проверить, насколько хорошо доктор Ригель «заштопал» порванное сознание Траппера.

Времени на раздумья или поиск ушедшего спать отряда Алисы не было. Коротко махнув рукой Алине и троице примкнувших к ним трапперов, которые уже успели вооружиться у Гвоздя, Чёрный бросился к своему тайному лазу — узкому техническому проходу через полуобрушенные промышленные цеха старого завода, который выводил на стратегически важный отвал шлака.

Это место было идеальным с тактической точки зрения: на крутом, заиндевевшем пригорке они окажутся вне досягаемости Стертых и слепых Пепельных падальщиков, которые обычно шли первым, безмозглым мясным валом, давя массой. Но если в этой прорвавшейся волне окажутся скоростные Панцирные гончие или, упаси физика, те твари, что способны играючи искажать гравитацию и швыряться кусками бетона — дело дрянь. На открытом, хоть и возвышенном склоне вся их импровизированная группа станет для высших Порождений просто подсвеченными мишенями в тире.

— За мной, след в след! — рывкнул Чёрный, ныряя в крошечную тьму ржавого цеха, где единственным ориентиром служило синеватое свечение химического снега в пробитой крыше. — Держите дистанцию и не смейте стрелять, пока я не дам команду!

На ходу он выхватил ПДА и, чеканя слова по сенсорной панели, отправил короткое сообщение Алисе. Он знал, что штаб «Эгиды» сейчас превратился в растревоженный металлический улей, где офицеры лихорадочно прогревают магнитные катушки стационарных орудий и выкатывают тяжелые пулеметы на основные баррикады внутреннего периметра.

«Вдова, пока вы там разворачиваете тяжеляк и греете стволы, я выхожу на фланг. Попробую с этими залетными выиграть вам немного времени и отсечь первую волну с отвала. Не поминай лихом. Чёрный».

Он убрал устройство, чувствуя, как ледяной адреналин окончательно вымывает из вен остатки коньячного хмеля. Ему нужно было это время — не только для «Эгиды», но и для самого себя. Чтобы понять, не дрогнет ли рука, когда из химического тумана вылетят первые тени, сотканые из безумия Пустоты.

— Быстрее! — скомандовал он группе, указывая на зияющий провал цеха. — Если хотите увидеть рассвет, держитесь моей тени и не вздумайте геройствовать.

На внешних рубежах Оплота начался настоящий ад. Слева, со стороны старых промзон, глухо и часто рокотали магнитные пушки, сотрясая саму почву, справа злыми короткими вспышками расцветивали сумерки плазменные разрядники. Из глубины Холодильника катилась волна, ведомая не инстинктом голода, а коллективным безумием расширяющейся Пустоты.

Вокруг расстилалась картина форменного апокалипсиса. Вдалеке мерцали фазовые узлы — нестабильные «петли» лениво выплескивали разряды статики, а гравитационные «бреши» искажали воздух, превращая руины в плывущий мираж. Но в этот раз они были бесполезны: ведомые волей мощного Ткача, Порождения безошибочно огибали опасные точки, не теряя ни секунды на случайные ловушки.

— Сначала крупных! Стрекотов — в первую очередь, — бросил Чёрный, перекрывая гул канонады. — Пойдут Обломы — никакой пиротехники, гранаты вернут направленным гравитаром. Бести — только по моей команде!

Они выскочили на позицию. Отвал шлака давал отличный обзор на изрытую когтями дорогу. В первой волне, обгоняя мясной вал мелких пакостников, неслись Стрекоты — бывшие люди, чьи тела Искажение вытянуло и перекутило, лишив кожи и заменив её костяными наростами. Они передвигались на четырех неестественно длинных конечностях, совершая чудовищные прыжки и издавая звук, похожий на стрекот неисправного трансформатора.

Следом, окутанные мерцающим маревом искаженного воздуха, семенили Обломы. Уродливые, бочкообразные существа в лохмотьях плоти, лишённые глаз, но обладающие гипертрофированным восприятием фазовых полей. Они не бежали — они «вминали» себя в пространство, готовясь обрушить накопленную энергию на любого, кто встанет на пути.

Тяжелая ВССК дважды ощутимо толкнула Чёрного в плечо. Два глухих хлопка, и бронебойные пули 12.7-го калибра, **начиненные тяжелым фазовым шлаком**, с чудовищной кинетической энергией прошли плотные черепные коробки Обломов навывлет. Гравитационный заслон, который те только начали выстраивать, с гулким треском схлопнулся, разметав в стороны ближайших тварей.

Это послужило сигналом. Форс и Стилет, мгновенно отбросив маски новичков, начали расчетливо поливать свинцом прыгающих Стрекотов. Тихий вместе с Алиной работали как единый механизм: их пушки выплевывали облака тяжелой картечи, пачками срезая Пепельных падальщиков — костлявых безглазых тварей, пытавшихся штурмовать склон.

Из тумана, мерцая едва заметным контуром, выскользнула Рябь — хищник-невидимка, чье тело постоянно вибрировало между фазами, из-за чего его силуэт казался дрожащим маревом. Оно передвигалось бесшумно, оставляя за собой лишь запах озона. Но прежде чем Рябь успела прыгнуть на Алину, Кот, работавший с другого края холма, всадил в марево магнитный болт, заставив тварь проявиться и рухнуть окровавленной кучей.

А затем земля вздрогнула под весом Бести. Это было высшее порождение Пустоты — огромная, покрытая иссиня-черным хитином машина для убийства с тремя парами конечностей, каждая из которых заканчивалась лезвиями органического происхождения. Её морда представляла собой сплошной роговой щит, за которым скрывались ряды вибрирующих жвал. Бестия не рычала — она издавала ультразвуковой свист, от которого лопались зубы.

— Бестия на три часа! — рявкнул Чёрный, лоя в прицел уязвимый сочлен под хитиновым панцирем. — Всем огонь по сочленениям! Не дайте ей разогнаться!

Воздух мгновенно пропитался едким запахом паленой шерсти, пороховой гари, озона и густой, фиолетовой крови Порождений. Жатва на Северном рубеже официально была открыта.

Тяжелая, двенадцатимиллиметровая пуля ударила Бестию прямо в переднее левое сочленение, там, где толстый иссиня-черный хитин переходил в пучок жестких, пульсирующих мышц. Грохот выстрела потонул в оглушительном, режущем по нервам ультразвуковом свисте твари. Высшее порождение Пустоты споткнулось на полном ходу, взрывая когтями мерзлый шлак и оставляя в земле глубокие, дымящиеся борозды. Из пробитого сустава фонтаном брызнула густая, фосфоресцирующая фиолетовая кровь, с шипением разъедавая химический снег.

Но Бестия не упала. Трехтонная машина для убийства лишь глухо зарычала, перенося вес на оставшиеся пять конечностей, и, разбрасывая вокруг себя волны статического электричества, с удвоенной яростью рванула вверх по склону, превращаясь в неудержимый бронированный таран.

— Расходимся веером! — перекрывая канонаду, рявкнул Чёрный, передергивая затвор с лязгом, от которого заложило уши. Выброшенная гильза, размером с хороший железный болт, со звоном отлетела в сторону, обжигая ледяной воздух. — Не стоять на месте, она вас в лепешку раскатает!

«Новички» действовали так, словно всю жизнь только и делали, что отражали фазовые прорывы спина к спине. Никакой паники. Форс с пугающим, звериным оскалом ушел влево, падая на колено. Его штурмовая винтовка выплевывала короткие, злые очереди по три патрона, методично вышибая куски костяной брони из прыгающих по флангам Стрекотов. Эти твари, похожие на вытянутых, освежеванных людей с шипами вместо пальцев, пытались зайти сверху, используя ржавые остовы старых экскаваторов как трамплины.

Один из Стрекотов взвился в воздух, растопырив смертоносные конечности, целясь прямо в голову Стилету. Но жилистый блондин даже не вздрогнул. Он плавным, текучим движением сместил ствол и поймал летящую тварь прямо в перекрестье. Затрещала очередь. Тяжелые экспансивные пули разорвали грудную клетку порождения еще в полете, и на мерзлый шлак у ног Траппера рухнул лишь бесполезный, изломанный кусок мяса.

— Держу правый край! — коротко бросил Тихий, работая с холодной машинной точностью. Он встал спиной к спине с Алиной.

Их дробовики превратились в единую линию обороны. Оса хладнокровно, без суеты всаживала заряд за зарядом в напирющую серую массу Пепельных падальщиков. Картечь разрывала их хрупкие тела в клочья, но на место каждого убитого из багрового тумана лезли еще двое. Когда у сестры с сухим щелчком закончился магазин, Тихий, не оборачиваясь, сделал шаг в сторону, перекрывая её своим телом и снося голову очередной попытавшейся прорваться твари, давая девушке драгоценные две секунды на перезарядку.

Воздух стал густым и липким. Дышать приходилось урывками, глотая едкую смесь пороховых газов, озона и металлического запаха чужой крови.

Снизу, у самого подножия холма, пространство вдруг исказилось, пошло мутной рябью. Сразу три Ряби попытались синхронно выйти из фазового сдвига, рассчитывая материализоваться прямо в центре их группы. Но они не учли одного: холм отлично простреливался с верхних ярусов Оплота.

С глухим, низкочастотным гулом, от которого завибрировали пломбы в зубах, со стороны главной стены ударил магнитный ускоритель Кота. Снайпер ликвидаторов не спал. Ослепительно-синий трассер толщиной с палец с чудовищной скоростью прошел пространство, пробивая первую Рябь насквозь в момент её выхода из фазы. Тварь издала булькающий визг, её нестабильная структура не выдержала кинетического удара, и она буквально лопнула, разбрызгивая вокруг себя кислотную слизь. Две оставшиеся Ряби мгновенно сменили траекторию, пытаясь снова раствориться в складках физики, но Стилет уже перенес огонь, не давая им уйти в невидимость.

Чёрный поймал в оптику массивный роговой щит Бести, которая была уже в двадцати метрах. Тварь готовилась к финальному прыжку. Её жвалы вибрировали, издавая тот самый тошнотворный ультразвук. Траппер выдохнул, задерживая дыхание, мысленно отсекая хаос боя, крики Форса и грохот дробовиков Алины. Только он, тяжелая сталь винтовки и уязвимая точка между бронеплитами монстра.

Палец плавно, с выверенным усилием дождал тугой спуск.

Грохот выстрела 12.7-го калибра прозвучал не громче хлопка ладонью по столу — массивный тактический глушитель винтовки, покрытый инеем и нагаром, честно выполнил свою работу. Но кинетический удар тяжелой, аномальной пули был подобен попаданию лома, разогнанного до сверхзвуковой скорости. Чёрный мельком, через оптику, увидел, как в сочленении между массивным лицевым щитом и тонкими пластинами шеи Бести вспыхнула короткая, злая искра попадания.

Хитин выдержал. Пуля не прошла навывлет, а сплюснулась, передавая всю колоссальную энергию удара в костяную броню твари.

Бестию мотнуло в воздухе. Её ультразвуковой свист оборвался мертвой, вакуумной тишиной. Гравитационный импульс, который тварь неосознанно генерировала перед прыжком, схлопнулся, и трехтонная туша, потеряв ориентацию, рухнула на мерзлый шлак всего в пяти метрах от Чёрного. Земля под ногами Траппера содрогнулась, словно от близкого разрыва мины. Высшее порождение Пустоты, взрывая когтями землю и разбрасывая вокруг себя фонтаны фосфоресцирующей фиолетовой крови, по инерции покатилося прямо на него, превращаясь в неуправляемую гору костей и ярости.

Чёрный не стал дожидаться, пока его раздавит тушей поверженного монстра. Адреналин, выжигающий нервы, сработал быстрее разума. Он рефлекторно отбросил винтовку в сторону и перекатом, молясь, чтобы свежие швы Ригеля на боку не лопнули, ушел влево, прочь с траектории падения Бестии.

Монстр замер у самого края отвала, тяжело дыша и издавая клокочущие, булькающие звуки. Пуля Чёрного не убила её, но нанесла критические повреждения: сердечник пули смял хитин и повредил основной нейронный узел, координирующий движение. Теперь Бестия, слепая и дезориентированная, лишь беспомощно скребла когтями по шлаку, пытаясь подняться, но её конечности больше не слушались.

Чёрный, пошатываясь, поднялся на ноги. Фантомные боли в затылке после встречи с Ткачом вспыхнули с новой, ослепляющей силой, но он проигнорировал их. Он выхватил тяжелый магнитный пистолет из тактической кобуры на бедре. Времени на милосердие или изучение высшей фауны не было — Северный рубеж всё еще кипел от наплыва тварей.

Траппер подошел к Бестии почти вплотную. Тварь почувяла его присутствие, её жвалы снова задергались, пытаясь издать свист, но вместо него из пробитой шеи вырвался лишь хриплый вздох, смешанный с запахом озона и едкой химии. Чёрный безразлично посмотрел в пульсирующий фиолетовый провал под разбитым хитиновым щитом.

— Сдохни, сука, — тихо, одними губами произнес он.

Рука, удерживающая пистолет, была тверда как скала. Траппер нажал на спуск. Короткий, злой треск электромагнитного импульса, и разогнанная до предела пуля в упор вошла в поврежденный нейроузел Бестии. Огромное тело вздрогнуло в последней, смертельной конвульсии, трехметровые костяные лезвия на лапах бессильно заскрежетали по камням и замерли. Из пробитой головы твари мощным гейзером ударила фосфоресцирующая кровь, заливая сапоги Чёрного мертвенным светом Пустоты.

Короткий, злой треск электромагнитного импульса на мгновение заглушил гул канонады. Пуля, выпущенная в упор, буквально взорвала голову высшего Порождения изнутри. Осколки бронеплит, куски обугленных хрящей и фиолетовая слизь веером разлетелись по мерзлому шлаку. Огромное тело Бестии вздрогнуло в последней, титанической конвульсии: её трехметровые костяные лезвия на лапах со скрежетом вонзились в ледяную землю и тут же безвольно обмякли. Воздух вокруг туши сухо затрещал от высвободившейся пространственной статики.

С высшими Порождениями было покончено, их истерзанные туши стремительно остывали на промерзшем шлаке, но Искажение никогда не отпускало свою добычу так просто. Низкочастотный гул, давящий на барабанные перепонки, вдруг сменился многоголосым, чавкающим визгом. Из-за обледенелого гребня отвала, со стороны изуродованных ледяных руин Внешнего кольца, выкатывалась новая волна. Сотни Пепельных падальщиков. Это была живая, бурлящая лавина из серого, обмороженного мяса, слепых рылящих морд и бритвенно-острых костных наростов. Они перли напролом, втапывая друг друга в грязь и поднимая в воздух удушливые тучи токсичного снега, движимые не инстинктом самосохранения, а лишь первобытным голодом расширяющейся Пустоты.

Там, внизу, у массивных гермоворот Оплота, тяжелая пехота «Эгиды» уже превращала внутренний периметр в ошетилившуюся сталью крепость. Воздух гудел от колоссального напряжения разогреваемых магнитных катушек: расчеты вовсю разворачивали спаренные стационарные орудия, чьи толстые, покрытые инеем стволы хищно задирались в затянутое химической гарью небо. По заранее пробитому в торосах маршруту, прикрывая оголенный левый фланг, тяжело бежали Макар и Спец. Силовые приводы их экзоскелетов натужно выли, пока штурмовики надрывались под весом сорванного с турели роторного пулемета и тяжелых ящиков с вольфрамовой лентой. А на старую, изъеденную кислотными дождями бетонную вышку уже карабкались Умник с Фотоном, на ходу вбивая координаты в вычислительный блок тяжелого грави-миномета.

И именно в эту секунду, словно в насмешку над грядущей мясорубкой, над мертвым горизонтом начало вставать солнце. Рассвет на границе Холодильника всегда был явлением редким, сюрреалистичным и до дрожи в костях пугающим. Искаженная атмосфера преломляла свет, окрашивая Стеклоанное Небо не в нежные утренние тона, а в глубокий, больной, кровоточаще-янтарный цвет. Словно кто-то плеснул густой марганцовкой на разорванный свинцовый холст. Тяжелые, багровые лучи с трудом прорезали слои плотного, сизого тумана, зловеще подсвечивая висящую в воздухе взвесь из пепла, пороховой гари и осыпавшихся синих искр статического электричества. Тени от левитирующих обломков бетона неестественно удлинлись, превращая пейзаж в декорации изошренного ада. Это выглядело монументально и невыносимо жутко — застывший, вечный закат целой цивилизации, маскирующийся под утро.

Форс, тяжело дыша, на мгновение замер. Дымящийся ствол его магнитной винтовки медленно опустился, указывая в промерзшую землю. Бывалый траппер смотрел на это пылающее, разорванное надвое небо, не в силах оторвать расширенных, отражающих багровый свет глаз.

— Мать твою... — сипло прошептал он, выдыхая облачко белого пара. В его голосе вдруг не осталось ни привычной нагловатой бравады, ни страха перед накатывающей волной тварей — только немое, абсолютное восхищение. — Я такого в жизни не видел... На Большой земле небо... оно просто серое и мертвое. А это... оно словно живое.

— Меньше пялься наверх, лирик, пока тебе глотку не вырвали, — жестко, как удар свинцового хлыста, осадил его Чёрный.

Хотя сам Траппер на долю секунды всё же задержал тяжелый, выцветший взгляд на этом давящем диске, чувствуя, как от густого света ноют глазные яблоки.

— Оно здесь такое красное не для красоты, — бросил Чёрный, с лязгом досылая в патронник свежий заряд. — Оно цвета крови, потому что Искажение прямо сейчас переваривает этот мир. И нас заодно.

— Всем передовым штурмовым группам! Оттянуться за линию гермоворот! Открываем огонь на подавление! — прохрипела закрепленная на плече рация, надрывно захлебываясь в фазовых помехах и сухом треске статики.

Чёрный рванул вниз по крутому склону к внешним гермоворотам Южного сектора, коротким, жестким жестом приказывая группе немедленно уходить с открытого пространства. И в ту же секунду сзади, со стороны бастионов Оплота, ударили стационарные установки.

Оглушительный, вибрирующий в самых костях грохот спаренных магнитных пулеметов смешался с тошнотворным, влажным звуком перемалываемого мяса. Крупнокалиберные заряды, отлитые из прессованного фазового шлака — чудовищно прочного материала, рожденного в самом горниле Искажений и заменившего человечеству дефицитные металлы — вылетали из стволов на сверхзвуковой скорости. Этот копеечный, но дьявольски эффективный боеприпас в буквальном смысле разрывал серые туши Пепельных падальщиков в кровавую пыль, не оставляя от первой волны даже целых костей. Позади них, на подступах к холму, промерзшую землю вспахивали частые, сокрушительные гравитационные разрывы: это Фотон с Умником начали методично «утюжить» ледяные торосы из тяжелого миномета, безжалостно отсекая тех тварей, что еще пытались прорваться к бетонным стенам.

Они бежали по внешней стороне, огибая периметр по скользким, поросшим бритвенно-острым «стеклянным мхом» склонам. Под тяжелыми ботинками дрожала и стонала отчаявшаяся почва, а в ушах Чёрного, пробиваясь сквозь внешний хаос боя, свист шлаковых пуль и рев тварей, вдруг зазвучал другой голос.

Не фазовый шепот. Не вторжение извне. Это был голос, поднимающийся из самых темных, зашитых суровыми нитками глубин его собственной памяти. Тихий. Вкрадчивый. До физической боли, до кома в горле знакомый.

«А помнишь, Сань, как мы с тобой тут, через старую вентиляцию за периметр уходили, когда Корчагин глухую оборону объявил?» — голос Дока звучал так четко и обыденно, будто

Макс прямо сейчас бежал с ним плечо к плечу в своем старом, потертom термокомбeзе, точно так же перепрыгивая через торчащую из бетона ржавую арматуру.

— Только не сейчас, Макс. Захлопнись, — прорычал Чёрный сквозь намертво стиснутые челюсти, глотая едкий, морозный воздух.

Он с силой встряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение, но призрак прошлого вцепился в его сознание мертвой хваткой. Багровый, больной рассвет заливал холмы неестественным, тревожным светом, проходящим сквозь химический туман. В этом кровавом мареве тени бегущих впереди Трапперов казались искаженными, неестественно длинными и дергаными, словно в лихорадочном, дурном сне.

«А глаза того Ткача помнишь? Когда он понял, что не может наши мозги в узел завязать? Смешно же было...» — фантом Дока грустно усмехнулся, и этот звук резанул Чёрного по нервам сильнее любой пули. «А Алиска как? Всё так же носит броню вместо души? Всё так же пытается забыть то, что забыть невозможно? Мне хорошо тут, Саня... В Пустоте спокойно. Не холодно. Мы же скоро увидимся, правда?»

Чёрный глухо, хрипло выдохнул, зажмурившись на долю секунды. Он пытался заткнуть этот голос, в сотый раз отмахиваясь от визита мертвого друга, но не мог. Пустота снаружи не могла сломать его разум, потому что его собственный разум ломал себя сам. Он не смог отпустить Макса тогда, в том ледяном аду под рухнувшими перекрытиями глубокого фазового узла, и не мог отпустить сейчас.

Смерть Максима была тяжелым, свинцовым якорем, который безжалостно тянул его на самое дно каждый раз, когда абсолютная тишина или, наоборот, оглушающий хаос боя вскрывали старые, плохо зажившие швы на его совести. Искажение питалось эмоциями, а вина Чёрного была для него неисчерпаемым источником энергии.

— Я вытащу её, Док... Слышишь? Вытащу, — одними губами прошептал Траппер, сжимая в руке пистолет так, что затрещали полимерные накладки на рукояти. И, ускорив шаг, нырнул под спасительную сень гигантских гермоворот Оплота, оставляя багровый рассвет и шепот мертвецов за спиной.

Он видел, как впереди сквозь едкий туман проступают массивные бетонные блоки Южного сектора, слышал отрывистые, лающие команды штурмовиков «Эгиды», но часть его разума всё еще блуждала там, в кровотокающем прошлом. Между жестокой реальностью и обжигающим фазовым бредом пролегалла слишком хрупкая черта, и сегодня, под шепот мертвого друга, она истончилась до предела.

Короткий, тяжелый рывок — и Чёрный рухнул на заледенелый пригорок у самых гермоворот, с силой впечатывая сошки тяжелой винтовки в промерзшую, пахнущую озоном и химической гарью землю.

Внешний рубеж Южного сектора выстоял, оставив после себя лишь дымящееся поле бойни. Пока на севере перла фазовая фауна, здесь попытались прорваться люди. Около двух десятков тел мародеров с Внешнего кольца в кустарной, наспех сваренной броне валялись бесформенными, переломанными кучами у дымящегося остова ржавого гусеничного тягача, изрешеченного шлаковой картечью.

Но звериное чутье Траппера продолжало ворочаться под ребрами холодным, склизким комком. Оно настойчиво, пульсирующе твердило: это еще не конец. В этой синхронности атаки — твари с одной стороны, отчаявшиеся стервятники с другой — крылось что-то незримое, направляющее. Чья-то чужая, извращенная воля, дергающая за ниточки в тени Искажения.

Алина и троица «новичков» скользнули на позиции рядом с ним, профессионально сливаясь с изломанным рельефом шлакового отвала. Ни единого лишнего вопроса, ни одного судорожного, сбитого вздоха. Только ледяное, напряженное ожидание следующей команды. Форс и Стиллет показательно-нервно, но абсолютно правильно и намертво сжимали цевья своих электромагнитных винтовок, грамотно распределив между собой сектора обстрела. А Тихий

замер чуть поодаль, вжимаясь в промерзший бетон так органично, будто пытался с ним физически срастись.

Его холодный, расфокусированный взгляд, сканирующий периметр сквозь прицел, и полное отсутствие лишней моторики кричали об одном. Скользнув по ним глазами, Чёрный сделал в уме еще одну жесткую, подтверждающую зарубку: перед ним лежали никакие не перепуганные зеленые юнцы, которым просто повезло выжить в мясорубке. Перед ним лежали матерые, хладнокровные убийцы, чьи боевые рефлексy были отточены Пустотой до бритвенной остроты. И тот факт, что они продолжали столь искусно играть свои роли даже в эпицентре штормового боя, делал эту троицу в разы опаснее любых мародеров.

Он вытащил из подсумка тяжелый тактический терминал, щурясь от бликов багрового, большого солнца на треснувшем экране, и быстро, вслепую набрал сообщение для Вдовы:

«Волну пригнали Ткачи. На Южном секторе пасу одного. Осторожнее, у тебя на севере их может быть целая стая».

Короткая, жесткая вибрация в перчатке подтвердила доставку. Алиса сейчас находилась где-то там, в самом горниле бойни, под рев роторных пулеметов. Почти сразу на экран вывелся сухой, лаконичный ответ:

«Принято. Благодарю».

Чёрный убрал терминал и снова прильнул к ледяному наглазнику оптики. Пространство над разбитой дорогой неестественно дрожало и преломлялось, словно над раскаленным реактором Краулера, хотя термометры брони фиксировали жестокий минус. Это был безошибочный признак — фазовый след. Кукловод из Пустоты уже распустил свои невидимые нейронные нити и затаился в густой тени изуродованных бетонных строений, выжидая идеальный момент для броска.

— Слушать меня, — напряженно, едва шевеля пересохшими губами, произнес Чёрный. — Сейчас начнется самое паршивое. Оса, держи левый фланг. Тихий, контролируй слепую зону за нами. Если почувствуете жжение в основании черепа или потерю моторики — сразу кричите.

— Он нас видит... Саш... он уже здесь... — голос Алины внезапно сорвался, превратившись в хриплый, сдавленный свист, полный абсолютного, животного ужаса.

Чёрный почувствовал, как пространство вокруг них в одну секунду схлопнулось. Воздух стал плотным, тяжелым и обжигающе горячим, словно им в легкие заливали расплавленный свинец. Боковым зрением он увидел страшную картину: пальцы сестры в судорожной, дерганой борьбе пытались сорвать предохранитель дробовика, но её собственные мышцы ей больше не подчинялись. Фазовый Ткач уже вогнал свои крючья в её спинной мозг. Лицо Осы превратилось в застывшую маску чистого, осознанного кошмара: она всё понимала, она кричала внутри себя, но дуло её оружия медленно, тягуче, неумолимыми механическими рывками разворачивалось прямо в сторону виска брата.

Троица шпионов, какими бы прожженными Трапперами они ни были, оказалась абсолютно не готова к прямому нейронному удару высшего порядка. Искажение выжгло их волю за доли секунды. Форс с глухим, мычащим воем бился головой о мерзлый бетон, ломая зубы и пытаясь физической болью перебить то, что происходило внутри его черепа. Стилет и Тихий скрутились в позы эмбриона, до крови впиваясь ногтями в собственные лица. Они безуспешно пытались вырвать из-под кожи невидимые стропы, которыми Ткач наживую перешивал их нервную систему.

Для них реальность раскололась: багровое небо сменилось удушливым мраком Бездны, а земля стала раскаленным шлаком. В их сознании прямо сейчас тысячи раскаленных игл прошивали кору головного мозга, безжалостно выжигая всё человеческое и оставляя лишь одно — инстинктивное желание прекратить эту пытку любым, даже самым страшным способом. Они

на глазах превращались в скулящие, послушные комья мяса, готовые по первому безмолвному приказу кукловода разорвать друг другу глотки.

Только Чёрный, защищенный своим выжженным иммунитетом, оставался в сознании, глядя прямо в черное дуло дробовика собственной сестры.

Ситуация стала дрянь. Абсолютная, беспросветная дрянь. Та недавняя кровавая мясорубка с пятью Стертыми на Северном рубеже теперь казалась невинной разминкой. В черепе Чёрного ревел яростный, свинцовый океан: плотный фазовый белый шум безжалостно выжигал логику, оставляя лишь обнаженные, кровоточащие инстинкты. Давление на его разум было колоссальным, но выжженная годами глухая стена отторжения держала удар. «Не думать. Не дышать. Найти гребаную цель».

Ствол тяжелой магнитной винтовки в его руках выписывал рваные, дрожащие дуги. Чёрный лихорадочно сканировал через оптику каждый кусок искореженного бетона, каждую ржавую опору рухнувшей ЛЭП и нагромождение ледяных торосов. Он чувствовал, как с каждым тяжелым ударом пульса ментальный пресс всё сильнее сдавливает глазные яблоки, грозя выдавить их из орбит. Укрытий в этом секторе было слишком много, а времени не осталось вовсе. Алина, издавая глухой, сорванный мычащий звук сквозь стиснутые до хруста зубы, проигрывала эту битву — её палец, побелевший от чудовищного напряжения, медленно, неотвратимо ложился на спусковой крючок «Сайги», а черное дуло уже смотрело точно в переносицу брата.

Шанс выцепить в этом густом химическом тумане кукловода — искаженную, пульсирующую фиолетовыми венами фигуру с раздутым, гипертрофированным нейро-черепом — стремился к абсолютному нулю. Фазовый Ткач откровенно издевался. Он затаился за самой гранью человеческого восприятия, сплетая свои невидимые нити из безопасной слепой зоны, упиваясь тем, как лучший боец Оплота превращается в беспомощную, неподвижную мишень для собственной сестры.

«Ну что же ты, Траппер... Вспомни, как мы с тобой славно в мертвом Питере погуляли», — ядовитый, сочащийся ледяной издевкой голос мертвого Дока полоснул по сознанию ржавым скальпелем, заставляя Чёрного до скрипа стиснуть челюсти от новой вспышки боли. Искажение снова использовало призрак друга как оружие, пытаясь расшатать его оборону.

Но в этом больном, извращенном издевательствах, в этом предсмертном эхе Макса внезапно блеснула спасительная искра. Взгляд Дока всегда был острее, он умел читать смертельные аномалии там, где другие видели лишь пустоту. Чёрного накрыло мощным, ослепляющим флэшбеком: ледяной лабиринт Некрополя, обрушенные бетонные плиты и тот самый первый Ткач, который попытался выпить его личность до дна. В памяти яркой, болезненной вспышкой всплыл тот переломный момент — секунда, когда высшая тварь, вогнав свои нейронные крючья в его разум, вдруг с животным ужасом осознала: этот кусок мяса не ломается.

И именно в этот момент секундной паники кукловод всегда совершал одну и ту же фатальную физическую ошибку...

Тяжелый, покрытый инеем ствол магнитной винтовки молнией метнулся влево — туда, где изломанный гребень отвала переходил в нагромождение рухнувших бетонных опор и перекрученной ржавой арматуры. Именно там, в густой, неестественной тени за массивной плитой, воздух мелкой рябью дрожал от статического напряжения. Из-за края промерзшего бетона медленно, словно не веря в происходящее, высунулась половина бледной, пульсирующей раздутыми фиолетовыми венами головы.

Их взгляды скрестились. Чёрный смотрел сквозь перекрестье оптики глазами, до краев налитыми кровью от лопнувших капилляров, полными ледяной, безжалостной ярости. И в этот застывший, растянутый во времени миг он увидел ЭТО. На уродливой, лишенной губ морде высшего Порождения проступила та самая гримаса, которую Траппер уже видел в ледяных руинах Некрополя. Это была непередаваемая смесь абсолютного, ломающего все фазовые законы недоумения и чистого, первобытного страха.

Фазовый Ткач понял: кусок мяса перед ним — «глухой». Его изломанный разум, намертво запертый в глухом бункере из боли, потери и старых шрамов, оказался абсолютно недостижим для нейронного крюка. Тварь осознала, что совершила фатальную ошибку, высунувшись из слепой зоны, чтобы лично посмотреть на феномен, который не смогла сломать своей волей.

Расширенные, черные провалы глаз кукловода попытались вобрать в себя образ неотвратимой смерти, которая пришла за ним в калибре 12.7 миллиметра.

Палец Чёрного с хрустом дожал тугой спуск.

Короткий, злой визг электромагнитных катушек разорвал вязкую тишину. Через долю секунды огромный, переполненный фазовой энергией нейро-череп существа просто перестал существовать как единое целое. Тяжелая пуля из прессованного шлака, разогнанная до сверхзвука, с тошнотворным хрустом пробила лицевую кость, вгрызлась в центральный мозговой узел и, вырвав кусок затылка, вышла с обратной стороны. В голове Ткача осталась лишь зияющая, дымящаяся сквозная брешь, сквозь которую виднелось багровое рассветное небо.

Тварь замерла на мгновение. Её вытянутое тело в лохмотьях плоти натянулось нелепой, жесткой струной. Остатки выжженного серого вещества и густая, фосфоресцирующая кровь тяжело закапали на промерзший бетон, с шипением въедаясь в химический снег и остывающий шлак. Только после этого кукловод, лишенный опоры и своей извращенной воли, тяжелым, бесформенным мешком рухнул за укрытие, затихая навсегда.

В ту же секунду раскаленный свинец, давивший на легкие и мозги группы, исчез. Воздух снова стал холодным и чистым.

Находка, убившая душу

Ментальный пресс лопнул с отчетливым, почти физическим хрустом — так лопается толстое бронестекло глубоководного батискафа под чудовищным давлением. Оса судорожно, с надрывным, рваным свистом выдохнула, медленно, механическими рывками отводя тяжелый ствол дробовика от головы Чёрного. Её руки тряслись в мелкой, неконтролируемой лихорадке, пальцы побелели, намертво вцепившись в композитное цевье, и оружие едва не выскользнуло на промерзший шлак. Она смотрела перед собой пустым, остекленевшим взглядом, еще не до конца осознавая, что нейронный кошмар закончился, и она не спустила курок.

«Спасибо тебе, брат», — мысленно, сквозь стиснутые до скрипа зубы отозвался Чёрный на голос Дока, стремительно растворяющийся где-то в самых темных закоулках его изломанного сознания. «Туго без твоих подсказок... даже если они приходят напрямиком из Бездны».

Как только изуродованный череп Фазового Ткача разлетелся от попадания пули, мир вокруг будто взорвался звуками, которые до этого момента были отсечены вакуумным барьером Искажения. Снова рокотали стационарные пулеметы Оплота, редела сирена, мерзко свистел ледяной химический ветер. Плотное, вязкое давление, сжимавшее виски невидимыми тисками, исчезло, но на его место мгновенно пришла тупая, пульсирующая боль, раскаленным гвоздем впившаяся в затылок.

Чёрный почувствовал, как по верхней губе потекло что-то горячее и густое. Он машинально смахнул влагу тыльной стороной ладони — на кевларовой перчатке осталась вязкая, почти черная в свете багрового рассвета кровь. Носовое кровотечение и лопнувшие от напряжения капилляры в глазах были ничтожно малой ценой за победу в этой дуэли с высшим Порождением.

А вот троицу лже-новичков накрыло по-настоящему. Пустота не просто коснулась их разума, она грубо вывернула его наизнанку, выпотрошила их глубинные страхи, и теперь человеческая физиология платила за это непомерную цену.

Стилет, только что скорчившийся в кататоническом ступоре, резко перевалился на четвереньки. Его буквально вывернуло наизнанку прямо на примятый, испачканный гарью «стеклянный мох» — желудок матерого бродяги не выдержал резкого, физически ощутимого

обрыва ментальной пуповины Ткача. Форс последовал его примеру: крепыша сотрясало в конвульсивных рвотных позывах, он уткнулся лицом в грязные ладони, сипло и жалко мыча сквозь пальцы. Тихий лежал чуть поодаль, почти слившись с промерзшей землей. Его лицо приобрело мертвенно-землистый оттенок, а зубы мелко стучали, выбивая неровную дробь о край приклада магнитной винтовки. Их организмы отторгали остатки чужого, противоестественного фазового вмешательства так же яростно, как само Искажение отторгает случайных людей, посмеявшихся зайти слишком глубоко на его территорию.

Оса медленно, с тяжелым, надрывным, почти звериным стоном, опустила дробовик дулом вниз. Она стояла мертвенно-бледная, с серыми, бескровными губами, четким силуэтом вырисовываясь на фоне пылающего, разорванного неба. Чёрный видел, как мелко дрожат её колени в композитных щитках, и как ногти до белых пятен впились в пластик оружия.

В её глазах плескался концентрированный ужас. Осознание того, что именно она едва не сделала под контролем кукловода, обрушилось на неё бетонной плитой. Искажение не смогло пробить физическую броню Алины, но оно нашло идеальную брешь — оно заставило её направить ствол на единственного родного человека, оставшегося в этом проклятом мире. Эта невидимая рана, нанесенная Пустотой, прямо сейчас медленно и безжалостно убивала её изнутри.

— Дыши, — хрипло бросил он, сделав шаг к ней и положив тяжелую, измазанную чужой кровью перчатку на её дрожащее плечо. — Дыши, Оса. Это всё морок Ткача. Его больше нет.

Она подняла на него глаза, в которых всё еще плескался липкий ужас осознания.

— Я... я почти нажала, Саш, — её сдавленный шепот едва пробивался сквозь затухающий рокот тяжелых магнитных пулеметов.

— Все живы? — Чёрный с силой выплюнул сгусток темной крови из забитого носа на мерзлый бетон и тяжелым, оценивающим взглядом обвел корчащихся шпионов-трапперов.

Канонада со стороны Южного сектора начала захлебываться, сменяясь редкими, одиночными разрядами плазмы — штурмовики «Эгиды» методично добивали подранков у внешних гермоворот. Воздух медленно очищался от едкой пороховой гари, но тяжелый, тошнотворный запах разорванного мяса и озона плотно осел на изрытых шлаковых холмах.

— На этом рубеже, судя по стихшей стрельбе, отбились, — сухо констатировал Чёрный, размазывая кровь по подбородку тыльной стороной ладони. — Сейчас ликвидаторы начнут прочесывать периметр в поисках затаившихся Ткачей. А ты... забирай этих «героев» и уводи их за внутренний контур, в «Штольц». Пейте чистый дистиллят. Много дистиллята. Это сейчас единственное лекарство, чтобы выжечь нейронный яд из нервной системы. От дешевой синтетики толку не будет, только печень сожжете зазря.

Оса сделала резкий, ломаный шаг к брату, её пальцы судорожно вцепились в жесткий кевлар его изодранного комбинезона. Глаза девушки расширились от болезненной тревоги, когда она вблизи разглядела темные потеки на его лице и ту пугающую, вымороженную пустоту, что на мгновение плеснулась в его серых зрачках.

— Ты не идешь с нами... — это не был вопрос, лишь горькое, тяжелое осознание.

— Выдвигаюсь на Северный рубеж. На меня эти фазовые фокусы больше не действуют, — Чёрный коротко кивнул в сторону бетонного нагромождения, где остывало изуродованное тело кукловода с пробитым черепом. — От меня будет больше пользы там, где чужой разум еще можно спасти от выгорания.

Увидев, как грудная клетка сестры судорожно вздымается, готовая выплеснуть наружу все её накопившиеся возражения, протесты и страхи, он мягко, но непререкаемо накрыл её дрожащую ладонь своей. Этот простой, скупой жест подействовал лучше любых жестких армейских приказов.

— Не волнуйся. Буду рядом с Алисой. Присмотрю за ней и её отрядом, — добавил он значительно тише. И сквозь привычную броню из льда и цинизма в его надтреснутом голосе

вдруг прорезалась та редкая, уязвимая человечность, которую безжалостный Траппер позволял себе только с самым близким человеком в этом проклятом мире.

Оса заторможенно кивнула. В глубине её расширенных зрачков всё еще плескался первобытный, липкий ужас за него — за старшего брата, который сейчас добровольно, с ледяным спокойствием шагал обратно в то самое пекло, откуда они только что чудом вырвались.

Чёрный круто развернулся и, не теряя ни секунды на прощания, быстрым, размашистым шагом направился вдоль серой бетонной стены в сторону Северного рубежа. С той стороны всё еще доносились отзвуки боя, но они уже не сливались в сплошной, давящий рев роторных пулеметов. Выстрелы стали редуемыми, сухими и расчетливыми — словно кто-то методично, удар за ударом, вбивал стальные гвозди в крышку гроба этой бесконечной ночи. Редкие синеватые вспышки плазмы в багровых предрассветных сумерках подсвечивали остовы рухнувших плит и ряды композитной колючей проволоки, четко обозначая линию фронта, где Вдова всё еще вела свою личную войну с Пустотой.

Он тяжело ступал по промерзшему, разбитому шлаку, чувствуя, как внутри, вымораживая эмоции, снова воцаряется привычный, спасительный холод. Голос Дока пока молчал, но Чёрный без иллюзий понимал — это лишь короткая передышка. Идти по истерзанной земле пешком, чувствуя под тяжелыми армейскими ботинками твердую опору, было почти приятно... если, конечно, заставить себя забыть, что еще десять минут назад его разум висел на волоске над бездной абсолютного, пускающего слюни безумия.

Но странность заключалась в другом. Одиночная стрельба на Северном рубеже смолкла слишком внезапно. Словно по взмаху невидимой дирижерской палочки. И смолкла она ровно в ту самую, растянутую секунду, когда его Ткач с пробитым черепом испустил дух на южных отвалах.

Эта неестественная тишина не приносила ни грамма облегчения. Напротив, она оседала на плечах свинцовым, липким предчувствием, становясь самым дурным знаком из всех возможных. Один кукловод, даже самый заматерелый, древний и переполненный энергией Искажения, физически не смог бы гнать перед собой такую колоссальную, слаженную орду тварей по обоим флангам Оплота одновременно. У Траппера в голове билась одна жуткая, парализующая гипотеза на этот счет, но он изо всех сил гнал её прочь, списывая на фантомные последствия нейронного удара и профессиональную паранойю.

Искажение будто откровенно издевалось над защитниками, меняя декорации с пугающей, тошнотворной быстротой. Погода над Холодильником внезапно начала трансформироваться: ледяной, режущий ветер стих, сменившись неестественно теплым, почти ласковым потоком воздуха, который беззвучно разогнал тяжелые, ядовито-багровые тучи химического шторма. Небо стремительно очищалось, обнажая пронзительную, кристально-чистую синеву, которая смотрелась здесь, среди луж фосфоресцирующей крови, истерзанного мяса и ржавой арматуры, абсолютно чужеродно и кощунственно. Словно насмешливая улыбка на изрезанном шрамами лице палача.

Чёрный как вкопанный замер у старой насосной станции, когда до внешних рубежей Северного сектора оставалось всего несколько сотен метров. Его глаза, давно привыкшие к монохромной серости бетона и мутным отсветам фазовых узлов, категорически отказывались верить в то, что выхватила просветленная оптика тяжелой магнитной винтовки на расстоянии в полкилометра от стен.

Прямо в сторону базы, сквозь рассеивающийся туман, чеканя шаг в жутком, абсолютно нечеловеческом, идеальном ритме, двигался ровный геометрический клин.

Шесть Фазовых Ткачей. Шесть высших кукловодов Пустоты, альфа-хищников, которые по своей природе не выносят присутствия конкурентов в радиусе десятков километров, теперь двигались единым, синхронным строем, словно безмолвные солдаты ментального легиона. А впереди, на острие этого клина, словно генерал, принимающий парад смерти, их вел седьмой

— исполинский Ткач с неестественно прямым позвоночником и толстыми, черными, яростно пульсирующими венами на раздутом, лишенном кожи черепе.

Коллективный Разум Искажения, в который Чёрный так отчаянно отказывался верить, только что вышел из кошмарных легенд прямо на порог Оплота.

Гипотеза подтвердилась с пугающей, математической точностью. Это была не случайная миграция фазовой фауны и не слепой голодный гон. Это был спланированный, дисциплинированный тактический удар самой Пустоты. Настоящий парад высших Порождений, идущий собирать обильную жатву из человеческих разумов.

Чёрный почувствовал, как вдоль напряженного позвоночника скользнул острый осколок льда. Если этот исполинский «генерал» отдаст команду на одновременный фазовый залп, от сознания ликвидаторов на Северном рубеже не останется даже выжженного пепелища. Мозги штурмовиков просто вскипят прямо в черепных коробках, превратив элитный авангард Оплота в пускающее слюни стадо Стертых.

Траппер медленно, текуче опустился на одно колено, намертво притираясь плечом к обледенелому бетонному обломку старой опоры. Палец привычно, с пугающим хладнокровием лег на тугой спуск магнитной винтовки.

Для самого Чёрного, с его выжженным ментальным иммунитетом и тяжелой ВССК, эти твари на дальней дистанции были не страшнее слепых Пепельных падальщиков. Но если этот жуткий геометрический «квадрат» подойдет к гермоворотам Оплота на расстояние прямого контакта — базе конец. Синхронный нейронный удар такой чудовищной мощности просто сотрёт личности всех, кто находится внутри: от старого Хозяина за барной стойкой до последнего часового на вышке.

«Итак, что мы имеем на доске?» — заставил он себя рассуждать с холодом мертвеца.

Один изломанный, уставший засранец с позывным Чёрный на оголенном фланге. Неподвижен. Скрыт в тенях руин. Он прекрасно знал, что обычные Стертые превращаются в бесполезные куски мяса после смерти ведущего их Ткача. Но сами Ткачи — это высшая каста Искажения, альфа-хищники, чья нейронная структура сложнее квантового компьютера. Здесь, на ледяном ветру Холодильника, рождалась еще одна безумная догадка, которую предстояло проверить на практике: что случится с этим идеальным строем фазовых «солдат», если он прямо сейчас обезглавит их «генерала»?

Чёрный задержал дыхание, мысленно отсекая стук собственного пульса в висках. Сквозь просветленную линзу оптики он отчетливо видел, как вожак чуть приоткрыл безгубый рот, обнажая ряды острых, сточенных в иглы зубов. Высшее Порождение словно пробовало на вкус этот внезапно очистившийся, девственный воздух, предвкушая близкое пиршество из сотен чужих страхов.

Палец на спуске плавно, выбирая свободный ход, дождал последнюю долю миллиметра.

Мягкий, сухой хлопок массивного тактического глушителя едва шевельнул морозный воздух, но его последствия были сокрушительны. Тяжелая экспансивная пуля калибра 12.7 миллиметра, отлитая из прессованного фазового шлака, вошла исполинскому «генералу» точно в центр раздутого затылка.

Чудовищная кинетическая энергия шлакового сердечника мгновенно превратила замкнутое пространство черепа в зону критического избыточного давления. В ту же микросекунду огромную, пульсирующую голову вожака буквально аннигилировало. Облако фосфоресцирующего фиолетового тумана, густо перемешанного с острыми осколками костных плит и ошметками выжженного серого вещества, брызнуло во все стороны, щедро орошая плечи идущих следом Ткачей.

Обезглавленное тело исполина, всё еще ведомое остаточным нейронным импульсом, сделало два жутких, механических, чеканящих шага, фонтанируя из обрубка шеи густой, светя-

щейся слизью, и только потом тяжелым, бесформенным мешком рухнуло вперед, с глухим стуком вмерзая в шлак.

Чёрный не шелохнулся, слившись с винтовкой в единый застывший монолит. Он продолжал холодно смотреть в перекрестье прицела, чувствуя, как ледяная волна адреналина смывает остатки усталости, разгоняя кровь по венам. Генерал Пустоты был мертв. Теперь оставалось лишь одно: не дыша, наблюдать, какой будет реакция его осиротевшей, смертоносной «свиты».

Шах и мат

— Сидорина ко мне! — рявкнул генерал Корчагин, не отрывая тяжелого, налитого кровью взгляда от пустующей изломанной равнины, над которой всё еще густо дрожало марево раскаленного воздуха и озона после недавней бойни.

— Вызывали, командир? — массивный штурмовик «Эгиды» вырос за спиной генерала мгновенно, сопровождаемый тихим гудением сервоприводов. Его тяжелый экзоскелет был от шлема до ботинок залит едкой серой жижой и фосфоресцирующей кровью Порождений.

— Бери свежий патруль из резерва и прочеши сектор за внешним периметром. До самых торосов. Мне нужно точно знать, что это сейчас было, и из какой фазовой дыры вылезла эта нечисть.

— Отставить патруль, — резко, как удар хлыста, вмешалась Алиса, опуская тактический бинокль.

Её лицо, густо покрытое пороховой копотью и осунувшееся от чудовищной усталости, было непривычно жестким. Вдова не боялась перечить генералу, когда дело касалось жизни её людей.

— Капитан Ермолова, вы забываетесь... — Корчагин опасно нахмурился, его рука в защитной перчатке рефлекторно легла на рукоять плазменного пистолета в кобуре.

— Чёрный еще до начала прорыва передал, что на флангах пасут Фазовые Ткачи, — не дрогнув, отрезала Алиса, глядя прямо в глаза командующему. — И я с ним абсолютно согласна. Такая волна из разных, конкурирующих видов Порождений сама не соберется. Это был направленный, жестко координируемый нейронный гон. Вы сейчас посылаете живых людей в слепую ментальную мясорубку. Ткачи выжгут им мозги раньше, чем патруль успеет снять оружие с предохранителя.

— И что ты предлагаешь, Вдова? Сидеть за бетоном и ждать? — генерал скрипнул зубами.

— Думаю, стоит выждать. Если они живы, сами проявят себя.

— Не проявят, — раздался резкий, сухой, искаженный статикой голос в динамиках их нашлемных раций.

Чёрный, намертво вмерзнув в свою позицию на ледяном холме, всё это время спокойно слушал их перепалку через микрогарнитуру, подключенную к зашифрованному командному каналу «Эгиды». В ту же секунду на запястном терминале Алисы коротко завибрировало лаконичное, прямое сообщение:

«Есть разговор без лишних ушей. Спускайся к старой грави-вышке. Одна».

Алиса коротко кивнула генералу, оставив Корчагина яростно переваривать услышанное, и уже через пару минут бесшумной тенью вынырнула из густой, пахнущей машинным маслом темноты старой дозорной вышки. В её выверенной походке сквозило холодное, профессиональное недоумение — капитан элитного отряда не понимала, к чему Трапперу потребовалась такая секретность прямо посреди неостывшего поля боя, и почему этот доклад не мог прозвучать в официальном штабе.

— Смотри, — Чёрный даже не обернулся на звук её шагов.

Он молча, не глядя, протянул ей тяжелый оптический модуль дальномера, продолжая контролировать далекий сектор через прицел своей остывающей магнитной винтовки.

Алиса нахмурилась, взяла прибор и прильнула к просветленным окулярам. Поначалу она видела лишь колышущееся от химических испарений поле, заваленное серыми тушами, да далекую, изломанную линию мертвых кристаллических деревьев. Но когда её пальцы подкрутили кольцо фокуса, пробивая багровый предрассветный туман, дыхание Вдовы резко перехватило, превратившись в короткий, сдавленный хрип.

Шесть Фазовых Ткачей. Шесть высших, неуязвимых кукловодов, еще минуту назад представлявших собой идеальный, монолитный легион смерти, готовый стереть Оплот в пыль, теперь превратились в жалкие, ломаные тени на фоне кровотокащего горизонта.

Без своего исполинского «генерала», чей череп Чёрный только что разнес пулей из пресованного шлака, они выглядели не просто жалко — они выглядели сломанными. Высшие порождения, лишённые единого направляющего стержня и ментальной опоры, брели вразнобой, бессмысленно натываясь друг на друга. Они волокли свои длинные конечности по мерзлой земле, как порванные марионетки, из которых безжалостно выдернули нити.

Это была жуткая, ломающая законы Искажения картина: альфа-хищники Пустоты, способные одним взглядом заставить человека выстрелить себе в рот, потеряли всякую искру собственного, извращенного разума. Их движения стали дергаными, механическими, абсолютно лишёнными инстинкта самосохранения. Могущественные кукловоды в одно мгновение деградировали до уровня слепой биомассы, продолжающей бессмысленное движение по инерции вслед за мертвым вожаком.

— Тяжелый магнитный достанет, — коротко бросила Вдова, не снимая пальца в бронированной перчатке с кнопки тактической рации.

— Ни к чему. Не трать шлаковые батареи. Это уже пустые оболочки, — глухо отозвался Чёрный, наблюдая сквозь оптику, как один из Ткачей, зацепившись за ржавую арматуру, тяжело рухнул лицом в мерзлую грязь и даже не попытался подняться. — Их взял в жесткую сцепку один древний, раскочаный кукловод и превратил в живые ретрансляторы, чтобы многократно усилить радиус своего удара. Когда я вышиб ему центральный узел, их собственные нейронные связи просто выгорели от колоссального отката. Там внутри черепов теперь выжженный пепел.

Алиса медленно опустила дальномер. Её взгляд, обращенный на Траппера, стал тяжелым, колючим, в нем читалось профессиональное недоверие, густо замешанное на холодном поту.

— Разве законы физики это позволяют? Чтобы Ткач... подчинял других Ткачей? Они же рвут друг друга за территорию.

— Я не ученый из корпуса Корчагина, Алиса, но, кажется, это было консолидированное решение самой Пустоты. Согласованная попытка Искажения хирургически вырезать нас отсюда, как воспаленный гнойник. Если бы эта тварь додумалась повернуть такое под фазовый шторм, когда фоновое излучение и так рвет ткань реальности, нас бы не спасли ни композитные стены Оплота, ни крупнокалиберные пулеметы. Мы бы прямо сейчас пускали кровавые слюны на бетон.

Чёрный тяжело замолчал. В отравленном воздухе повисла звенящая, давящая на барабанные перепонки пауза, нарушаемая лишь далеким, сухим треском догорающего остова тягача. Он физически чувствовал, как в нагрудном кармане его разодранной разгрузки пульсирует тяжестью тонкая серебряная цепочка — крошечный кусок металла, весивший сейчас больше монолитной бетонной плиты. Он точно знал, что сейчас сделает. И кристально ясно понимал, что этот короткий жест с мясом разорвет её только-только затянувшуюся рану. Превратит тот хрупкий, ледяной панцирь, который она с таким трудом выстроила вокруг себя после гибели Макса, в кровавое месиво из боли и воспоминаний.

Чёрный осознавал, что может сломать капитана Ермолову окончательно, грубо вырвав её из спасительного, механического оцепенения бесконечной службы. Но оставить её в неведении, трусливо промолчать, позволив ей и дальше верить, что смерть Дока в том проклятом

рейде была финальной точкой, а не началом чего-то неизмеримо более жуткого — это было бы предательством хуже выстрела в спину.

— Собственно, вот то, из-за чего я выдернул тебя сюда в обход генерала... — Чёрный почувствовал, как голос предательски загорчил озоном, становясь сухим и ломким, как старый пластик.

Он медленно, словно преодолевая сопротивление плотной воды, вытянул руку в кевларовой перчатке и разжал кулак. Тонкая серебряная цепочка тускло, болезненно блеснула в багровых лучах утреннего солнца, и два армейских жетона сухо звякнули друг о друга. В воцарившейся на вышке тишине этот короткий металлический звук прозвучал как оглушительный удар судейского молотка. Смертный приговор.

— Только держи себя в руках, Вдова. Дыши ровно... — Чёрный заставил себя смотреть прямо в её расширяющиеся зеленые глаза, намертво удерживая этот тяжелый зрительный контакт, чтобы она не увидела в его собственных выцветших зрачках ни тени сомнения или разрушительной жалости. Жалость сейчас была бы для неё смертельна. — Я снял это с мертвого Ткача. Того самого что вёл эту шестёрку.

Алиса замерла. На одну бесконечную, страшную секунду Чёрному показалось, что её сердце просто остановилось, отказавшись перекачивать кровь. Её взгляд патологически прикипел к знакомым до боли гравировкам на поцарапанном металле. К тем самым крошечным зазубринам, которые она когда-то в прошлой жизни знала на ощупь, проводя по ним пальцами в темноте. В это единственное мгновение всё её несокрушимое боевое величие, вся идеальная капитанская выправка и тяжелая композитная броня «Эгиды» осыпались к её ногам мертвым, серым пеплом Холодильника. Перед ним стояла просто женщина, чей мир только что рухнул во второй раз.

Она не закричала. В ней не осталось сил даже на судорожный вдох, не то что на крик. Она просто начала медленно бледнеть, пока кожа на её лице не стала одного мертвого, пепельного цвета с шершавой бетонной опорой старой вышки. Пустота не просто забрала её мужа в том проклятом рейде. Искажение совершило нечто неизмеримо более изощренное и садистское: оно выпотрошило его память, нацепило его личные вещи на высшее Порождение и хладнокровно отправило этого кукловода убивать тех, кто его любил.

— Это... — её шепот был таким надтреснутым, тонким и абсолютно беспомощным, что у Чёрного глубоко под кевларовой броней что-то надсадно и болезненно лопнуло.

Он видел, как её дрожащие пальцы, в которые намертво въелась пороховая гарь и чужая кровь, слепо потянулись к жетонам, но замерли в жалком миллиметре от его раскрытой ладони. Она до животного ужаса боялась коснуться их, словно потускневшее серебро могло физически обжечь её ледяным дыханием Бездны. Чёрный кристально ясно понимал, что своими собственными руками только что без наркоза вскрыл её личный, бережно замурованный ад. Он с мясом сорвал едва успевшую схватиться корку с глубокой душевной раны, и теперь пути назад просто не существовало. Ни для неё, ни для него.

— Да, Вдова, — резко отрезал он, специально делая свой голос максимально жестким, хлестким, чтобы ударить им, как пощечиной, и заставить её вернуться из надвигающегося оцепенения обратно в жестокую реальность. — Это Макс. Вернее, это та извращенная насмешка, которую Искажение решило швырнуть нам в лицо вместо него.

Северный рубеж Оплота после прорыва напоминал филиал ледяного ада, в который щедро плеснули химическим напалмом. Шквальный ветер, пришедший с самых темных окраин Пустоты, с первобытной яростью раздувал очаги токсичного пламени, разнося его по изуродованным бетонным блокам и остаткам мертвой промзоны. Это был не обычный огонь — он полыхал неестественными багровыми и кислотно-зелеными сполохами. Горела не просто земля, горела сама вывернутая наизнанку физика: плавился спрессованный фазовый шлак,

дымился расплавленный кевлар бронекостюмов, а из разломов с шипением вырывались фонтаны едкого озона.

Тяжелые пехотинцы «Эгиды», чьи изрубленные экзоскелеты еще не просохли от фосфоресцирующей крови высших Порождений, теперь сражались с новой стихией. Они надрывно, с хрипом сервоприводов, тащили толстые армированные шланги от уцелевших цистерн, щедро заливая полыхающие сектора густой, быстро твердеющей на морозе синтетической пеной. Одна чудовищная, выматывающая битва плавно перетекла в другую, и эта судорожная борьба за сохранение внешнего периметра базы длилась уже долгие, мучительные часы.

Внутри самого Оплота, на защищенных нижних ярусах, дела обстояли ничуть не лучше. Хирургический блок доктора Ригеля, рассчитанный на локальные стычки, захлебнулся потоком раненых в первые же сорок минут. Конвейер боли выплеснулся за пределы лазарета, затопив серые бетонные коридоры и даже часть бара «Штольц». Медперсонал в перепачканных по локоть в крови свинцовых фартуках лихорадочно сновал между импровизированными кушетками. Мест катастрофически не хватало — разорванных, обожженных и стонущих от фантомных фазовых болей бойцов укладывали прямо на ледяной решетчатый пол, подстелив лишь грубый корабельный брезент.

Чёрный тяжело шел сквозь этот лабиринт страданий. «Слеза Пустоты» в его крови все еще работала, сжигая остатки сил на поддержание жизни, поэтому каждый шаг отдавался глухой пульсацией в наскоро сшитых мышцах. Воздух здесь был почти твердым от тяжелого, металлического запаха свежей крови, горелого мяса и едкого синтетического антисептика.

Он остановился, равнодушно скользнув потемневшим взглядом по телам ликвидаторов, которых знал по недавним совместным рейдам. Теперь они представляли собой лишь жалкие, изломанные куски мяса. Один уже остыл — бритвенно-острые костяные серпы Стрекота вспороли его грудную клетку вместе с композитной бронеплитой, превратив легкие в кровавое месиво. Санитары, глухо матерясь сквозь фильтры масок, спешно сбрасывали его тело с носилок на каталку для трупов, чтобы освободить место для тех, кто еще хрипел.

Рядом, в луже собственной густеющей крови, бился в агонии штурмовик — он угодил в гравитационную воронку Облома. Его левая нога была сплющена и вывернута под невыносимым углом, а из разорванной штанины штурмового комбинезона жутким, белесым узлом выпирало порванное сухожилие вперемешку с раздробленной костью. Третьим лежал совсем пацан, один из тех зеленых рекрутов с вербовочного пункта. Челюсти Панцирной гончей отсекали ему руку по самое плечо. Ему вкололи лошадиную дозу изолятного коагулянта, и теперь парень, не издавая ни звука, просто смотрел в тускло мигающую диодную лампу на потолке расширенными, абсолютно пустыми глазами Стертого.

— Мы... может, мы сможем чем-нибудь им помочь? — раздался за спиной Чёрного сдавленный голос.

Это был Форс — тот самый «амиго» из троицы шпионов-трапперов. Несмотря на свою ветеранскую выучку и хладнокровие, проявленное на отвале шлака во время боя, сейчас парень явно сдавал. Он стоял, побелев как полотно, и нервно сжимал рукоять магнитного пистолета. Одно дело — красиво палить по порождениям с безопасной дистанции, и совсем другое — вдыхать этот тошнотворный смрад массовой бойни в замкнутом пространстве, глядя, как безжалостная машина Искажения пережевывает элиту Поверхности.

— С того света возвращать умеете? — Чёрный даже не обернулся на дрожащий голос Форса. Его собственный голос прозвучал суше радиоактивного пепла, намертво лишенный каких-либо эмоций.

Он смотрел на залитый кровью решетчатый пол лазарета, где жизнь десятков людей прямо сейчас медленно утекала в стоки вместе с грязной водой и ошметками бинтов. Здесь не было места для благородных порывов и юношеского сострадания. Здесь работала только

холодная, механическая мясницкая логика Оплота: выжил — молодец, не выжил — освободи кушетку для следующего куска мяса.

— Идите на заставу к группе Вдовы, парни, — бросил Траппер, тяжело переступая через брошенный кем-то окровавленный бронезилет. — Здесь нам делать нечего, только под ногами мешаться у тех, кто дело делает. Если не можете смотреть на распоротые кишки — идите мерзнуть на бетон. Там воздух чище.

Оставив притихшую троицу переваривать приказ, Чёрный тяжело побрел к выходу из медицинского блока. Каждый шаг отдавался глухой, звенящей болью в затылке. Изолят Ригеля спас ему жизнь, заставив разорванные ткани стремительно срастись, но взамен высосал колоссальное количество энергии, оставив внутри лишь звенящую, ледяную пустоту.

На самом выходе, у тяжелых свинцовых створок шлюза, он едва не столкнулся с сестрой.

Оса стояла в дверном проеме, почти сливаясь с облупившейся серой стеной. В тусклом, пульсирующем свете аварийных диодов она казалась пугающе бледной, почти прозрачной. Девушка судорожно, до побеления костяшек, сжимала ремень своего плазменного дробовика, прижимая руки к груди, словно пыталась удержать внутри колотящееся от паники сердце. Её взгляд, обычно цепкий и жесткий, сейчас блуждал где-то далеко, не в силах сфокусироваться на окружающем кошмаре.

— Ребята не могут выйти на связь с ней... — тихо, почти беззвучно произнесла Алина, глядя куда-то сквозь грудную клетку брата. Её голос дрожал, резонируя с низкочастотным гулом вентиляционных турбин.

— Она взрослая девочка, Оса. Разберется, — Чёрный сразу понял, о ком идет речь, и его челюсти непроизвольно сжались.

Группа элитных ликвидаторов Вдовы, оставленная на внешнем периметре Свалки, сейчас откровенно нервничала. Эти закованные в броню мясники, привыкшие действовать как единый, безупречный механизм, внезапно оказались обезглавлены. После того страшного разговора у старой вышки, когда Чёрный выложил ей на ладонь потускневшие армейские жетоны её погибшего мужа, срезанные с шеи Фазового Ткача, Алиса просто развернулась и ушла. Молча. Страшно. Скрывшись в глубоких, темных недрах технических коридоров Оплота, где находился её личный жилой бокс.

— Саша, я её такой никогда не видела, — Алина подняла на него глаза, в которых стояли невыплаканные, замерзшие слезы. — Рация мертва. Макар говорит, она заперлась изнутри на все магнитные замки. И молчит. Совсем молчит. Там... там даже шагов не слышно.

— А я видел, — глухо отрезал Чёрный.

Перед его мысленным взором мгновенно всплыли те дни, когда Искажение впервые забрало у них Максима. Он помнил, как выла Алиса тогда, вцепившись пальцами в мерзлую землю. Как ломалась её психика, перековываясь из живой, смеющейся девушки с Верхнего Яруса в безжалостного капитана Ермолу. А теперь... теперь он своими собственными руками заставил её пережить этот ад заново.

— Смысла к ней идти сейчас нет, — он попытался тяжело, боком протиснуться мимо сестры, желая лишь одного: найти пустой темный угол, упасть и закрыть глаза.

Но Оса резко, с неожиданной силой преградила ему путь. Она уперлась обеими ладонями в его жесткую, пробитую пулями и когтями композитную броню на груди.

— Послушай меня, — её голос сорвался на отчаянный, надрывный шепот, перекрывающий лязг каталок и стоны раненых за спиной. — Я прекрасно знаю, что этот железный капитан придет в себя сама. Она склеит себя по кускам, как делала это сотни раз. Но ты... ты — единственный человек в этом проклятом мире, кто может сделать это быстрее. Кто не даст ей окончательно сойти с ума там, в одиночестве.

Чёрный замер, физически чувствуя тяжесть её маленьких ладоней на своей груди. В нос ударил резкий запах озона, пропитавший её комбинезон. Оса была права. И в то же время она ошибалась так сильно, как только можно ошибаться на границе с Бездной.

Она думала, что Алиса сейчас просто «приходит в себя». Но Чёрный, чья собственная память была изуродована Пустотой, знал правду. В том тесном, холодном бетонном боксе, который капитан Ермолова называла домом, прямо сейчас с оглушительным, беззвучным хрустом рушились последние, чудом уцелевшие опоры её рассудка. Искажение не просто убило Макса — оно извратило его плоть, превратив в высшее Порождение, заставив Алису осознать, что всё это время её муж рыскал во мраке химической зимы, охотясь на людей. И именно он, Чёрный, принес ей это знание, подтолкнув в спину прямо в разверзшуюся бездну отчаяния.

Он медленно закрыл глаза, вдыхая густой, пропитанный болью воздух Оплота.

— Ладно, — тяжело, со свистом выдохнул Траппер, чувствуя, как свинцовая, многовековая усталость наваливается на плечи, грозя раздавить его прямо здесь, на грязном бетоне. — Я схожу. Присмотри за новичками.

Он открыл глаза и посмотрел на сестру взглядом человека, который собирается добровольно шагнуть в термическую воронку.

— Пусть глушат синтетический дистиллят, как я и сказал. Выдайте им поила со складов интенданта. Пусть пьют, пока не отключатся, лишь бы не лезли на рожон и не задавали лишних вопросов. А я... я пойду попробую вытащить Вдову с той стороны. Если получится.

Он развернулся и зашагал в сторону жилого сектора Оплота. Тяжелые армейские сапоги бесшумно замерли на решетчатом металлическом настиле. Он знал дорогу к её каюте наизусть, но никогда еще этот короткий путь по бетонной кишке подземного бункера не казался таким бесконечным, высасывающим последние силы марафоном.

Остановившись у массивной гермодвери, Чёрный не стал активировать магнитный замок или стучать. Он просто тяжело привалился лбом к холодному, покрытому конденсатом металлу. За многослойной сталью стояла абсолютная, противоестественная тишина. Ни глухих рыданий, ни звона разбитого стекла, ни яростных ударов в стену — только мертвый, вакуумный покой, который пугал Траппера в тысячу раз сильнее, чем пронзительный нейронный визг Фазового Ткача.

Перед его выцветшими глазами всё еще стояла недавняя сцена у старой вышки. Пронзительно-синее, кощунственно чистое небо, смеющееся над их потерями, и Алиса, тяжело рухнувшая на колени в токсичную пыль Холодильника. Он до сих пор до мельчайших деталей видел, как она судорожно, до побелевших костяшек прижимает к дрожащим губам эти два испачканных серебряных прямоугольника — гравировки «Максим Ермолов» и «Док» — словно отчаянно пытаясь вдохнуть в холодный металл хоть искру ушедшей жизни. Видел, как её безупречная капитанская выправка, тот самый титановый стержень, на котором держалась вся оборона Северного рубежа, ломается с сухим, физически осязаемым хрустом. Как ледяная броня Вдовы осыпается, сменяясь глухим, животным воем, переходящим в захлебывающуюся, рвущую связку истерику.

Чёрный стоял перед запертой дверью, и свинцовая тяжесть в груди становилась невыносимой, мешая дышать. Он был виноват в том, что эта застарелая рана вскрылась сегодня. Но, что еще страшнее, он был виноват в той первоначальной потере годами ранее, когда небо над ледяными руинами Некрополя было таким же издевательски чистым, а изломанная фазовыми сдвигами земля — такой же пропитанной их кровью.

Он кристально ясно понимал: она его не простила. И никогда не простит. Все эти годы капитан Ермолова позволяла ему быть рядом, прикрывать её спину в самоубийственных рейдах и делить безвкусную белковую пасту только по одной причине — потому что больше никого из того времени не осталось в живых. Он был её ходячим проклятием, живым, кровоточащим шрамом, единственным уцелевшим свидетелем её прошлой, счастливой жизни.

Но полчаса назад, в тот самый момент, когда он безжалостно разжал кулак и вложил в её ладонь эти жетоны, он окончательно перестал быть для неё старым напарником. Он добровольно взял на себя роль палача её искусственного спокойствия.

Тишина капитана

Каюта была крошечной, зажатой в самом сердце бетонного лабиринта под внутренним периметром Оплота, недалеко от бронированных створок «Штольца». Алиса сидела за железным столом, намертво обхватив голову дрожащими руками. Здесь не было навороченной армейской техники или привычного офицерского комфорта — только глухая, звенящая тишина, которую она выбрала сама, добровольно замуравав себя в этом склепе. Единственная диодная лампа скудно освещала исписанные блокноты и потрепанные топографические карты, превращая сгорбленный силуэт капитана Ермоловой в ломаную, жалкую тень на дальней стене.

На холодном бетоне — тяжелая амуниция на вбитом костыле и бумажный календарь, где даты прожитых в Холодильнике дней были перечеркнуты ровными, скупыми штрихами черного маркера. Минимум вещей. Минимум жизни. За многослойной сталью двери бушевал растревоженный Оплот: тяжелый, лязгающий топот экзоскелетов пехоты, надрывные крики раненых штурмовиков, которых тащили в медблок к Ригелю, глухой гул прогреваемых реакторов. Но здесь, внутри, время превратилось в густую смолу, опутав Алису липкой, удушающей паутиной.

Что эти люди снаружи, стирающие в кровь зубы ради выживания, знали о настоящей, абсолютной боли? Она бы прямо сейчас, не раздумывая ни доли секунды, поменялась местами с любым из тех, кто захлебывался криком на операционном столе со вспоротым животом, лишь бы не чувствовать, как заживо гниют старые шрамы. И те, что остались от титановых когтей, и те, что навсегда изуродовали её душу.

Одинокая, горячая капля сорвалась с её ресниц и упала прямо в центр развернутой на столе карты. Слеза накрыла нарисованный Эпицентр Искажения серым влажным куполом, медленно и неотвратно впитываясь в плотную бумагу. Бумага стерпит всё. Человек — нет.

— Что бы ты сейчас мне сказал?.. — силло прошептала она в стылую пустоту, и её сорванный голос утонул в тесных бетонных стенах, не встретив ни единого отклика.

Память, эта безжалостная, выдрессированная Искажением ищейка, услужливо подкинула ей калейдоскоп из той, прошлой, безвозвратно мертвой жизни. Лица, яркие цветы Большой земли, случайные заграничные поездки, пустые и плоские признания лощенных мужчин, видевших в ней лишь красивую оболочку, дорогой трофеем для статусной коллекции. И на фоне всего этого пестрого, бессмысленного мусора — он. Максим. Обычный, казалось бы, парень. Самая заурядная внешность. Но его взгляд... В его глазах никогда не было липкой жадности обладания или эгоистичного безразличия. В них жила тихая, несокрушимая сила, способная остановить любой шторм.

«Не обещаю тебе звезд с неба, особняков и прочей дичи, — он тогда едва заметно, тепло улыбнулся, и эта улыбка до сих пор стояла у неё перед глазами, выжигая сетчатку. — Но я всегда буду рядом. Буду твоей опорой. И пойду за тобой, даже если весь этот свихнувшийся мир попытается меня остановить».

Это было единственное настоящее, неподдельное обещание в её жизни. Они тогда наивно, до одури искренне верили, что граница Холодильника станет их тайным убежищем. Непроступной крепостью, в которой можно раствориться и скрыться ото всех законов Большой земли. Верили, что темное, залитое кровью прошлое Дока останется там, за высокими стенами Внешнего кольца. Алиса, тогда еще совсем молодая, не обросшая цинизмом и отчаянно влюбленная, дышала этой мечтой. Она и не подозревала, что Пустота никогда не прощает долгов. Не списывает чужих грехов и не забывает выгравированных на жетонах имен.

И сегодня Искажение вернуло этот долг. Цинично. Изощренно. Страшно.

Оно не просто убило её мужа под рухнувшими перекрытиями. Оно раскопало его кости, выпотрошило его память, нацепило его серебро на мерзкое, пульсирующее чудовище и отправило эту марионетку убивать её собственными руками. И сделало это через человека, которого она когда-то, в другой жизни, считала почти братом. Через того, кто выжил там, где Максим остался навсегда.

Чертов Чёрный.

Её взгляд медленно, словно против её воли, опустился на столешницу. Там, рядом с залитой слезами картой, тускло поблескивали два серебряных прямоугольника. Она медленно протянула руку, и подушечки пальцев коснулись холодного, исцарапанного металла. От них пахло не Максимом. От них несло озон, пороховой гарью и сладковатым тленом Пустоты.

Алиса сжала кулаки так сильно, что коротко остриженные ногти до крови впились в ладони. Она ненавидела Чёрного в этот момент. Ненавидела до физической тошноты, до звона в ушах.

Ненавидела за то, что он выжил тогда, в ледяном аду Некрополя. За то, что его выжженный инстинктами и первобытной яростью «иммунитет» позволил ему остаться собой, пока её Максим мучился, ломался и медленно превращался в покорную марионетку Искращения. Ненавидела за то, что он принес ей это проклятое серебро, безжалостно вырывая с корнем последнюю, самую жалкую кроху надежды на то, что муж просто пропал без вести. Что он, возможно, где-то там, за непроницаемой стеной нестабильных фазовых узлов, просто отрезан от мира и не может подать весточку.

Теперь надежды не было. Осталось только холодное, исцарапанное серебро на железном столе и убивающее, разрывающее грудную клетку осознание. Её опора. Её мир. Её Максим... был тем самым исполинским «генералом» Пустоты, которого Саша сегодня на рассвете буднично и хладнокровно вычеркнул из списка живых одним выстрелом шлаковой пули.

Он не просто убил монстра. Он добил её мужа.

В коридоре, за многослойной сталью гермодвери, послышались тяжелые, размеренные шаги. Кто-то медленно, словно маятник, мерил шагами решетчатый металлический настил. Алиса узнала бы эту тяжелую, припадающую на левую ногу поступь из тысячи. Чёрный всё еще был там. Он стоял за дверью и не решался нажать на сенсор коммуникатора.

И этот внезапный, жалкий момент человеческой нерешительности бесил её сейчас в сотню раз сильнее, чем его вечная, непробиваемая ледяная уверенность Траппера.

— Зайди, — её голос прозвучал как треск рвущегося пергамента. Она не кричала, но знала, что чуткие микрофоны системы безопасности выведут её шепот на внешний динамик. — Не стой там, как приبلудная собака.

Механизм замка щелкнул. Тяжелая дверь с натужным гидравлическим шипением отъехала в сторону.

Чёрный шагнул внутрь крошечной каюты. В скудном свете диодной лампы он выглядел как восставший мертвец: лицо серое, глубокие тени залегли в запавших глазницах, под носом и на подбородке запеклась темная кровь. Изодранный композит брони был покрыт гарью и фосфоресцирующими пятнами чужой крови.

Он остановился в шаге от её стола, огромный, изломанный и неподвижный. Не пытаюсь оправдываться. Не пытаюсь подобрать слова сочувствия, которые в этом проклятом месте всё равно не имели никакого веса. Он просто принял на себя её уничтожающий, полный слез и ненависти взгляд, подставившись под этот удар так же добровольно, как подставлялся под пули на Северном рубеже.

Глава 3

Глава 3. Прототип 7

Алиса не обернулась. Чёрный шагнул в крошечную каюту, принося с собой тяжелый, удушливый запах сгоревшего пороха, озона и той самой промерзшей, пропитанной химией и фазовым тленом земли, с которой он поднял жетоны.

Он остановился у порога, глядя на её напряжённую спину, и кристально ясно понимал: сейчас между ними стоит не просто железный стол с картами, а тень человека, который когда-то их объединял. Тень, ставшая сегодня пугающе осязаемой.

— Алиса, — негромко, надтреснутым голосом позвал он.

Она медленно подняла голову, но не повернулась. В тусклом, скудном свете диодной лампы её профиль казался высеченным из серого бетона — холодным, жестким и безжизненным.

— Ты пришел договорить, Чёрный? — в её голосе звенела мертвая сталь, за которой скрывалась глубокая, кровоточащая трещина. — Или хочешь лично посмотреть, как глубоко вошел твой нож?

Саша сделал шаг внутрь, и металлический настил пола предательски скрипнул под весом его тяжелых, измазанных чужой кровью армейских ботинок.

— Я пришел, потому что Оса места себе не находит. И потому что на Северном рубеже твои люди ждут приказов, отряд дезориентирован. А еще... потому что я не мог оставить всё так.

— «Так»?! — она наконец резко развернулась. В её глазах, воспаленных от слез и чудовищного напряжения, вспыхнул опасный, лихорадочный огонек. — Ты притащил мне его смерть во второй раз. Ты показал мне, во что Искажение превратило Макса. Ты заставил меня пережить его гибель, глядя через оптику твоей гребаной магнитной винтовки! Что ты еще хочешь от меня услышать, Саша? «Спасибо»?!

Чёрный молча, не дрогнув, выдержал этот испепеляющий взгляд. Он знал, что сейчас он для неё — мишень. Удобная, живая мишень, на которую можно выплеснуть всю ту первобытную ярость, которую физически невозможно направить на саму Пустоту.

Пять лет назад. Некрополь

Пять лет назад ледяной ад Некрополя не просто сожрал его лучшего друга — он каленым железом выжег в разуме Чёрного клеймо, которое продолжало гнить и кровоточить каждый прожитый день.

Бой в руинах шел уже третий час. Воздух спрессовался в густую, удушливую взвесь из пороховой гари, едкого озона и фосфоресцирующей пыли фазовых разломов. Они не просто

отстреливались — они с мясом выгрызали каждый метр у проклятого, кристаллизованного лабиринта, который, казалось, сам сжимался вокруг них, дыша в спины холодом Пустоты.

— Пустой! — хрипло выплюнул Макс, всаживая последнюю очередь из перегретого ствола в прыгнувшего на них Стрекота.

Изуродованная тварь с шипами вместо пальцев лопнула прямо в воздухе, щедро обдав его изодранный кевлар обжигающей, светящейся жижей. Но на её место из сизого химического тумана вырвались еще три. Фазовая фауна здесь не знала инстинкта самосохранения. Твари не чувствовали боли, они были чистым, первобытным воплощением голода Искращения.

Один из порождений, с наполовину снесенным, обнажающим пульсирующий мозг черепом, мертвой хваткой вцепился Чёрному в голень. Траппер почувствовал, как костяные лезвия с мерзким хрустом вспарывают плоть сквозь композит брони, и с первобытным рыком всадил нож твари точно в основание шеи, с силой проворачивая рукоять. Руки уже отказывали, пальцы свело жесткой, болезненной судорогой от бесконечной работы затвором.

Мир вокруг сжался до калейдоскопа ослепительных синих вспышек. Грохот выстрелов смешивался с многоголосым, чавкающим визгом Порождений и надрывным, срывающимся матом Дока. Они отступали к обледелому бетонному крошеву рухнувшего перекрытия глубокого фазового узла, буквально волоча за собой раненую Осу. Алина отстреливалась из тяжелого пистолета до последнего патрона, пока затвор с сухим, безнадежным металлическим щелчком не встал на задержку, ознаменовав конец их короткого сопротивления.

— Вниз! Под плиты! — Макс выхватил пустой, дымящийся магазин и с отчаянием швырнул его в наступающую серую массу Пепельных падальщиков, просто чтобы выиграть лишнюю долю секунды.

И в этот момент глубокий фазовый узел под ними «схлопнулся».

Колоссальный нейронный удар обрушился на их нервную систему, как свинцовая кувалда на оконное стекло. Пространство мгновенно поплыло, искривляясь и выворачиваясь наизнанку в тошнотворной фиолетовой воронке. Саша, падая на колени и задыхаясь от боли, увидел, как Макс выронил оружие — его руки тряслись в такой жуткой лихорадке, что он не мог удержать даже собственный вес.

А из-за искореженных, покрытых стеклянным мхом бетонных опор вышел Он.

Фазовый Ткач никуда не спешил. Древний, исполинский кукловод медленно плыл сквозь кислотно-зеленое пламя горящего химического разлива, и этот неестественный огонь даже не оставлял следов на его раздутой плоти. Вокруг порождения сам воздух мелко, болезненно вибрировал, разрывая ткань реальности. Чёрному сквозь пелену лопнувших в глазах сосудов казалось, что за спиной Ткача копошатся сотни призрачных, выпотрошенных человеческих теней, тянущих к ним свои искаженные руки.

Высшее Порождение остановилось в десяти шагах, медленно повернуло раздутый нейрочереп в сторону задыхающегося Макса и ударило снова.

Чёрный рухнул на четвереньки, задыхаясь. Из лопнувших в глазах сосудов на промерзший бетон брызнула горячая кровь. Рядом глухо, надрывно мычал Макс — он пытался подняться, но высшее Порождение буквально вколачивало его в землю колоссальным фазовым давлением. Каждое дерганое движение Дока сопровождалось тошнотворным, сухим хрустом его собственных суставов, не выдерживающих ментального пресса Пустоты.

— Са... ня... — Макс выплюнул раскрошенный зуб вместе со сгустком черной крови.
— Плиту... держи...

Стрекоты, ведомые чужой волей и почуявшие запах свежей крови, пошли в последнюю атаку. Они вылетали из пелены сизого химического тумана, как выпотрошенные демоны из больного кошмара. Их вытянутые, освежаванные тела, лишённые кожи, бугрились неестественными мышцами, а бритвенно-острые костяные шипы, заменявшие им пальцы, со скрежетом вспарывали ледяную землю. Это была уже не охота, а безнадежная, предсмертная мясорубка измотанных тел. Саша стрелял из тяжелой магнитной винтовки навскидку, от бедра, не глядя в оптику, сбивая несущихся тварей в полуметре от себя. Магнитные катушки ствола раскалились настолько, что до волдырей обжигали ладони даже сквозь толстый композит тактических перчаток.

Фазовый Ткач подошел почти вплотную. Его черные, пульсирующие провалы глаз, в которых клубился сам мрак Бездны, заполнили всё зрение Чёрного, парализуя волю. Исполинская тварь чуть приподняла костлявую руку с неестественно длинными пальцами, и Саша увидел самое страшное.

Макс — его брат по оружию, человек, который всегда прикрывал ему спину — начал медленно, механическими, ломаными рывками поднимать с земли тяжелый, зазубренный обломок ржавой арматуры. Против собственной воли он разворачивался, направляя рваный кусок металла прямо в грудь застывшей, оглушенной Осы.

Лицо Максима превратилось в застывшую маску чистого, осознанного первобытного кошмара. Он боролся до последнего неразорвавшегося капилляра в мозгу. Чёрный физически слышал, как с мерзким треском рвутся мышечные волокна Дока от чудовищного напряжения — он пытался остановить собственные руки, пытался сломать себе кости, лишь бы не сделать следующий шаг, но извращенная воля кукловода была несоизмеримо сильнее.

Сквозь багровую пелену Саша видел, как Док плачет кровавыми слезами. И как его глаза, в которых прямо сейчас заживо выгорала человечность, безмолвно, отчаянно умоляют закончить это. Умоляют нажать на спуск и прекратить эту фазовую пытку.

В этот момент глубоко под искореженным бетоном, прямо за спиной исполинского порождения, с оглушительным, вибрирующим ревом разорвалась ткань реальности. Нестабильный фазовый узел сорвался в пространственный коллапс. Образовавшаяся гравитационная воронка начала с чудовищной силой всасывать в себя тонны бетонной крошки, перекрученный металл и токсичный туман, создавая вокруг них удушьющий, звенящий вакуум.

В этом первобытном хаосе, когда перед глазами всё плыло от невыносимой боли и ломающего кости нейронного давления, Чёрный вскинул ствол тяжелой магнитной винтовки.

Его палец, стертый в кровь о металл спусковой скобы, нажал в последний раз.

Резкий, злой визг электромагнитных катушек слился с потусторонним воем рвущегося пространства. Тяжелая пуля из прессованного шлака ушла точно в сторону Макса. Саша видел, как тело друга жестоко дернуло назад от страшного кинетического удара, как он всем весом врезался в раздутую фигуру Ткача. В ту же секунду фазовый провал, не выдержав всплеска энергии, с оглушительным, оглупляющим треском схлопнулся, затягивая их обоих в разверстую, пульсирующую пасть Пустоты.

Он не видел самой смерти. Он видел только, как сизый химический туман и фосфоресцирующая пыль плотно сомкнулись над образовавшейся воронкой, навсегда стирая из этого проклятого мира и героя, и чудовище.

Чёрный рухнул на спину, судорожно хватая ртом раскаленный, отравленный озоном воздух Некрополя. У него не осталось сил даже на крик, не то что на слезы. Он просто лежал на промерзшем бетоне и смотрел в разорванное, равнодушное небо, кристально ясно понимая, что только что убил собственную душу, чтобы спасти сестру и сохранить Максу последние крохи человеческого достоинства.

Настоящее время. Каюта Алисы

Чёрный стоял перед ней, и его грудь тяжело вздымалась, будто он только что физически вынырнул из того проклятого химического тумана Некрополя пятилетней давности. В тесной, зажатой армированным бетоном каюте повисла тишина, но теперь она не была липкой, душевной или просто скорбной. Она стала густой, наэлектризованной и тяжелой, как прессованный фазовый шлак, из которого отливают бронебойные пули.

— Мы дрались там до последнего патрона, Алиса, — хрипло, выдавливая каждое слово сквозь сжатые челюсти, произнес он. — До тех пор, пока кости не начали трещать от нейронного пресса. Я не «выбирал» убить его тогда. Я нажал на спуск, чтобы вырвать его из-под контроля, чтобы остановить тот кошмар, в который его превращало Искажение. Я стрелял, чтобы он умер человеком, а не куском послушного мяса. Но моя пуля не убила его. Их обоих сожрал пространственный коллапс.

Он замолчал, пронзая её тяжелым, выцветшим взглядом. Алиса сидела за железным столом неподвижно, глядя в одну точку перед собой. Лишь её пальцы, до этого безвольно лежавшие на столешнице, чуть заметно дрогнули.

— Я шел сюда, через весь Оплот, — медленно продолжил Чёрный, делая шаг к столу, отчего решетчатый пол глухо скрипнул. — Я прокручивал в голове сегодняшний рассвет секунда за секундой. Вспоминал каждый шаг того огромного Ткача, каждую деталь. И знаешь, что? Логика летит к чертям. Уравнение не сходится. Оно противоречит всему, что мы знаем о Пустоте.

Алиса медленно подняла голову. В тусклом, пульсирующем свете диодной лампы дорожки от высохших слез на её лице казались тонкими серебряными шрамами.

— О чем ты говоришь, Саша? — её голос был глухим, бесцветным, но в нем уже не было той обреченной, предсмертной пустоты. Лишь холодное, колющее непонимание.

— Взгляни на жетоны. Не на гравировку, которую ты знаешь наизусть. Взгляни на саму вещь, — Чёрный оперся костяшками пальцев в кевларовых перчатках о железную столешницу, нависая над развернутой картой. — Фазовые Ткачи — это высшая каста. Альфа-хищники. У них гипертрофированные мозги, способные выжечь нам нейроны на расстоянии полукилометра, но ты видела их конечности? Вместо пальцев у них полтораметровые костяные лезвия. Они физически не способны на мелкую моторику.

Он кивнул на потускневшее серебро, лежащее между ними.

— А теперь посмотри на цепочку, Алиса. Она не порвана. Она не вросла в его гниющую плоть за пять лет мутаций. Посмотри на застежку. Крошечный замочек-карабин застегнут. Аккуратно, до щелчка.

Алиса замерла. Её грудная клетка перестала вздыматься — дыхание просто остановилось. Она медленно, словно впервые в жизни, перевела расширенный взгляд на серебряную цепочку и дрожащей рукой бережно коснулась крошечного механизма застежки. Он действительно был цел. Застегнут.

— Ты решила, что я принес тебе доказательство того, что твой муж мутировал и стал монстром, — голос Чёрного упал до напряженного, вибрирующего шепота. — И я тоже так думал в первую секунду, когда срывал их с остывающего трупа. Но это бред, Вдова. Ткач не стал бы цеплять себе на шею человеческие побрякушки. Зверь физически не смог бы застегнуть эту цепь. Кто-то надел эти жетоны на монстра. Кто-то, у кого есть человеческие руки. Кто-то, кто сначала снял их с живого Максима.

В каюте раздался тихий, физически осязаемый хруст. Это ломался ледяной панцирь, в который Алиса заковала себя после Некрополя. Пять лет она оплакивала мертвеца. Пять лет она жила с дырой в груди.

— Снял с Максима... — выдохнула она, и в этом единственном слове смешались первобытный ужас, отрицание и пронзительная, ломающая ребра надежда. — Значит... он не превратился... Он жив? Саша, он всё это время был жив?!

— Да, — жестко отрезал Траппер, не давая ей провалиться в эйфорию. — Скорее всего, он жив. Искажение не убило его, а выплюнуло где-то в глубине. Но не смей радоваться раньше времени, Алиса. Включи голову. Включи капитана «Эгиды».

Чёрный резко выпрямился, его лицо окаменело.

— Подумай, как это выглядит. Огромный, раскачанный Ткач собирает стаю и идет прямо на мой сектор. Не на южный, не на центральные ворота — точно на мой левый фланг. Он выходит из слепой зоны, подставляя свой раздутый череп под идеальный выстрел моей винтовки. А на его шее аккуратно застегнуто серебро, которое мы хоронили пять лет назад.

Алиса сжала цепочку в кулаке. Её глаза, еще секунду назад полные сумасшедшей надежды, начали стремительно темнеть, наливаясь холодным пониманием.

— Это не послание от Макса, Вдова, — чеканил Чёрный каждое слово, вбивая их, как гвозди. — Это чертова приманка. Идеально рассчитанная, бьющая по самым больным нервам

ловушка. Тот, кто держит Дока, знает нас. Знает, как мыотреагируем. Они специально повесили этот маяк на Ткача и отправили его на убой, чтобы показать нам: «Смотрите, он у нас». Они точно знают, что стоит нам только поверить, что Макс жив — и мы сорвемся с цепи. Мы бросим Оплот, нарушим все приказы и пойдем в самое сердце Искажения искать его.

— Они хотят вытащить нас за Периметр... — процедила Алиса сквозь стиснутые зубы.

— Именно. Мы сейчас прямо в центре чьей-то чужой, очень грязной и сложной игры, — Чёрный тяжело оперся о стену. — Кто-то там, во мраке, держит твоего мужа и использует его как наживку на крючке, чтобы вытянуть нас в Пустоту. И мы понятия не имеем, кто этот кукловод, и что за ад он нам приготовил.

Тишина снова затопила крошечную каюту, но в ней больше не было отчаяния.

Алиса медленно поднялась из-за стола. Свет настольной лампы скользнул по её лицу, выхватив острые скулы и сухие, хищные глаза. Она больше не была сломленной женщиной, оплакивающей кости. Капитан Ермолова вернулась. И теперь её броня состояла из чистой, концентрированной, раскаленной ярости. Она подошла к Чёрному вплотную, глядя на него снизу вверх взглядом, который пробивал навывлет любую броню.

Она не стала кричать. Она не стала отрицать очевидного.

— Пусть так, — её голос звучал ровно, смертельно спокойно, и от этого ледяного тона по спине Чёрного пробежал мороз. — Пусть это чужая игра. Пусть это ловушка, капкан, засада — мне плевать, Траппер.

Она с силой сжала кулак с жетонами и прижала его к своей груди, туда, где глухо и ровно билось сердце.

— Если есть хотя бы один шанс из миллиона, что он сейчас где-то там дышит... Если какая-то мразь держит его в клетке и думает, что может играть с нами, используя его жизнь как наживку... Я с удовольствием проглочу этот крючок. Я проглочу его, вырву их удочку с корнем и задушусь ею того, кто держит её в руках.

Она отвернулась, быстрым, резким движением смахивая карты со стола.

— Я ненавидела тебя пять лет, — сказала она, глядя ему прямо в выцветшие глаза. — Ненавидела за то, что ты выжил, а он — нет. Но теперь я вижу... ты не пришел ко мне с пустыми руками. Ты принес мне цель. И кто бы ни расставил эту чертову ловушку, используя моего мужа как наживку, они совершили фатальную ошибку. Они дали мне след.

Алиса резко развернулась к стене, сорвала с магнитного держателя свою тяжелую композитную разгрузку и начала привычными, отточенными до автоматизма движениями затягивать ремни. Каждый глухой щелчок кевларового фастекса звучал как лязг взводимого затвора.

— Ты прав, прошлого нет. Есть только охота. И если сегодня кукловоды Искажения сами позвали нас в Бездну, мы ответим, — она обернулась, и её лицо снова стало жесткой маской капитана «Эгиды», но теперь в глазах горел живой, смертельно опасный огонь. — Собирайся.

Мы пойдем прямо по фазовому следу этого Ткача. Туда, откуда он пришел. Если Макс там, в центре этого капкана, то я вытащу его, даже если мне придется вырезать весь Некрополь.

Путь до штабного бункера через внутренний периметр Оплота напоминал проход через цех гигантского, неисправного металлургического завода. Воздух здесь был плотным, пропитанным едким запахом паленой синтетики, озона и застарелого железа. Чёрный и Алиса шли плечом к плечу, и закованные в тяжелые экзоскелеты штурмовики, попадавшиеся навстречу, инстинктивно прижимались к бетонным стенам, уступая дорогу. В этом молчаливом тандеме было слишком много давящей, свинцовой энергии, которую кожей чувствовали даже прожженные ликвидаторы.

— Корчагин даст приказ выдвигаться к Стеклянным торосам, в сектор ученых, — быстро, почти одними губами, заговорила Алиса, не сбавляя шага. — Я это знаю наверняка. После утренней бойни он прямо сказал, что назначит штабное совещание, на котором должны быть мы оба. Генерал хочет понять природу этого синхронного гона. Так что это наш официальный пропуск за внешние гермоворота Оплота.

Они миновали ремонтный ангар, где техники в слепящих масках в спешке латали изрешеченную шлаковой картечью броню тяжелой техники. Синие искры плазменной сварки на мгновение ослепили Чёрного, осветив жесткий, решительный профиль Вдовы.

— Мы дойдем до научного блока, получим официальные телеметрические данные о том, откуда именно пришла волна, и уже оттуда уйдем в тень. Ткач пришел с северо-запада, из Мертвых кварталов. Это наша наживка, Саша. И мы её заглотим.

— Ты понимаешь, что если мы отклонимся от маршрута ученых, безопасники вычислят это по встроенным фазовым маячкам за пять минут? — Чёрный шел чуть позади, его взгляд привычно сканировал переплетения труб и вентиляционных шахт под сводами бункера. — Мертвые кварталы — это не прогулка по бульвару, там сенсорных сетей «Эгиды» наткано как блох.

— У меня есть старые алгоритмы обхода магнитных треков, — Алиса на секунду замедлила шаг у входа в бронированное здание администрации. — Макс успел научить. Это будет нашей «слепой зоной». Мы будем висеть на мониторах слежения как обычный статический шум Искажения. Но сначала — штаб. Генерал ждет.

Они поднялись по выщербленной бетонной лестнице. Тяжелый гул Оплота остался за многослойной гермодверью, сменившись гнетущей, вакуумной тишиной офицерского уровня. Здесь даже диодные лампы светили иначе — тускло, официально и равнодушно.

Они спускались всё ниже, оставляя позади жилые сектора и пробираясь к командному бункеру Корчагина через широкий транзитный коллектор. Здесь, вдали от вентиляционных турбин, воздух был тяжелым, спертый, густо пропитанный запахами недавней катастрофы: едким озоном, горелой синтетической пеной, потом и сладковатым металлическим запахом крови.

Широкий коридор, обычно служивший главной транспортной артерией внутреннего периметра, сейчас превратился во временный пункт привала. Вдоль ободранных бетонных стен, прямо на решетчатом полу, сидели элитные ликвидаторы «Эгиды» — те самые бойцы

тяжелой пехоты, которые последние часы тушили кислотные пожары на Северном рубеже и вытаскивали раненых из-под обломков.

Это было жуткое, монументальное зрелище. Закованные в массивные, покореженные экзоскелеты люди напоминали уставших титанов. Их композитная броня была покрыта толстым слоем черной копоти, залита застывшей био-пенной и забрызгана фосфоресцирующей кровью Порождений. Кто-то сидел, откинув голову на трубы и закрыв глаза, кто-то глухо, с присвистом дышал через кислородные маски, кто-то перематывал прожженные до мяса руки, не обращая внимания на боль. В коридоре стояла густая, тяжелая тишина истощения.

Чёрный и Алиса шагнули в этот коридор, и звук их шагов эхом разнесся под бетонными сводами.

Один из штурмовиков, сидевший на ящике из-под шлаковых батарей со снятым шлемом, медленно поднял голову. Его лицо, серое от усталости и покрытое грязными разводами, вдруг напряглось.

— Это они, — хрипло, но достаточно громко произнес он в звенящей тишине. — Вдова. И Траппер.

Его слова подействовали как электрический разряд. Ликвидаторы, еще секунду назад казавшиеся полумертвыми от усталости, начали подниматься. Один за другим. С тяжелым, натужным воем сервоприводов, с лязгом композитных плит. За несколько секунд около тридцати закованных в броню гигантов выросли посреди коридора, полностью преградив им путь. Плотная, непреодолимая стена из металла и искалеченных тел.

Инстинкты, выкованные пятью годами выживания в Пустоте, сработали мгновенно. Чёрный рефлекторно напрягся, его ладонь молниеносно скользнула к бедру, намертво ложась на рукоять магнитного пистолета. Алиса, не проронив ни звука, синхронно сместилась на полшага в сторону, занимая идеальную позицию для стрельбы из-за его плеча. Их взгляды стали колючими, сканирующими. В Оплоте после фазовых штормов бывало всякое — иногда люди сходили с ума, иногда Стертые прорывались внутрь.

Но бойцы не доставали оружие. Их винтовки продолжали висеть на магнитных креплениях.

Вперед шагнул высокий седой ликвидатор с перебинтованной шеей. Он посмотрел прямо в выцветшие глаза Чёрного, а затем медленно, с достоинством, вскинул тяжелую, закованную в кевлар руку к виску, отдавая воинскую честь.

В следующее мгновение весь коридор пришел в движение. Тридцать элитных штурмовиков, элита Оплота, люди, которые не кланялись никому, кроме смерти, синхронно, с четким металлическим лязгом вскинули руки к вискам.

Чёрный замер. Его пальцы медленно разжались, отпуская рукоять пистолета. Алиса рядом с ним затаила дыхание, чувствуя, как по спине, прямо под броней, пробегает колючий мороз.

Они сделали первый неуверенный шаг. И стена перед ними начала расступаться. Бойцы делали шаг назад, вжимаясь в стены, открывая им узкий коридор, но ни один из них не опустил руки.

Чёрный шел медленно, тяжело глядя перед собой. Он привык быть изгоем. Привык к косым взглядам, к страху, к перешептываниям за спиной — «Траппер», «Глухой», «человек с выжженной душой». Но он совершенно не умел принимать то, что обрушилось на него сейчас.

— Спасибо, Траппер, — негромко произнес молодой боец с обожженным лицом, когда Чёрный поравнялся с ним. — Если бы ты не снял того «генерала», наши мозги бы сгорели прямо в шлемах.

— Я дочку свою увижу, Чёрный, — глухо отозвался другой штурмовик, здоровяк с разбитой лицевой пластиной брони. По его грязной щеке прочертила светлую дорожку слеза, которой он не стыдился. — Ей три года сегодня. Спасибо тебе.

— Спасибо за подаренный день, — кивнул ветеран без левой руки, культя которого была наспех залита медицинским коагулянтом. — Мы твои должники до конца наших дней.

— Слава Трапперу... Слава Вдове... — шелестело вдоль стен.

Алиса шла рядом, плечом к плечу с братом по оружию, и видела то, чего не замечали эти бойцы. Она видела, как под тяжелым, окаменевшим лицом Чёрного ходуном ходят желваки. Как он почти незаметно, судорожно сглатывает, опуская взгляд, потому что груз этой искренней человеческой благодарности оказался для него тяжелее любого фазового удара.

В этот момент, идя сквозь строй живых людей, обязанных ему своими жизнями, Алиса окончательно прозрела. Вся её пятилетняя ненависть к нему показалась ей мелкой, эгоистичной и жалкой. Она вдруг осознала, что именно этот человек нес на своих плечах всё это время. Пока она пряталась за ледяной маской командира, оплакивая прошлое, Чёрный раз за разом выходил во мрак, впитывая в себя Искажение, выжигая собственную человечность, чтобы ублюдки вроде того Ткача не добрались до этих простых ребят, до их семей, до неё самой.

Они миновали коридор, оставив позади молчаливый строй ликвидаторов, и свернули в глухой, слабо освещенный технический тупик прямо перед гермоворотами штаба Корчагина. Здесь было пусто.

Алиса резко остановилась. Чёрный прошел по инерции еще пару шагов, прежде чем понял, что она отстала. Он обернулся, вопросительно изогнув бровь, всё еще пытаясь вернуть себе привычное выражение циничного равнодушия.

Но она не дала ему этого сделать. Алиса шагнула к нему, вплотную, и обеими руками крепко сжала его плечи, закованные в жесткий композит.

— Саша. Стой, — её голос дрогнул, лишившись стальных капитанских ноток. Сейчас перед ним стояла та самая Алиса, которую он знал до Некрополя.

Он напрягся, готовый выслушать новые обвинения, но вместо этого она смотрела на него глазами, полными такой глубокой, пронзительной боли и благодарности, что ему захотелось отвести взгляд. Но он не смог.

— Что такое, Вдова? — хрипло спросил он.

— Спасибо тебе, — она произнесла это так тихо и так искренне, что слова ударили его сильнее любых пуль.

— За что? Я просто сделал свою работу на отвале...

— За всё, — она покачала головой, и её пальцы сжались на его плечах еще сильнее. — За то, что спас этих парней сегодня. За то, что принес мне эти жетоны, даже зная, что я возненавижу тебя за это. За то, что пять лет ты терпел мой лед, мои упреки и мою слепоту. Я ненавидела тебя за то, что ты выжил, а теперь... теперь я понимаю, что ты умер там, вместе с ним, просто твое тело всё еще ходит и прикрывает нас от Пустоты.

Она глубоко, судорожно вздохнула, словно сбрасывая с груди бетонную плиту.

— Спасибо, что не бросил меня. Что всегда был рядом, даже когда я гнала тебя прочь. Если бы не ты, Саша... меня бы давно сожрало либо Искажение, либо собственное отчаяние.

Чёрный замер. Весь его многолетний, выкованный в боях панцирь из сарказма и ледяного спокойствия дал трещину. Он медленно поднял руку в измазанной кровью перчатке и неловко, почти робко накрыл её ладонь, лежащую на его плече.

— Мы — всё, что у нас осталось из прошлой жизни, Алиса, — его голос был тихим, шершавым, но впервые за долгое время абсолютно теплым. — Мы вытащим его. Обещаю тебе. Чего бы мне это ни стоило.

Она кивнула, сглотнув подступивший к горлу комок, и уголки её губ дрогнули в едва заметной, измученной улыбке. Это был короткий, хрупкий миг доверия среди бесконечного химического ада.

Она отпустила его плечи, сделала шаг назад и, глубоко вдохнув, резко расправила плечи. Лицо снова приобрело жесткие, волевые черты.

— Идем, Траппер, — капитан Ермолова кивнула на массивные стальные створки штаба. — Пора узнать, что генерал нам скажет. Начинаем нашу игру.

Алиса на секунду задержала руку в кевларовой перчатке над магнитным сенсором тяжелой бронированной двери главного штаба. Она сделала один глубокий, рваный вдох, словно перед затыжным прыжком в гравитационную «мясорубку», на мгновение прикрыла глаза, пряча за веками всю свою боль и новообетенную ярость, а затем одним резким, уверенным движением ударила по панели.

С натужным шипением гидравлики гермодверь отъехала в сторону.

В лицо немедленно ударил спертый, тяжелый воздух, насквозь пропитанный едким запахом дешевого синтетического табака, жженой проводки и густым озоном от перегреваемых кристаллических мониторов. Командный центр Оплота работал на износ, выжигая последние резервы.

Внутри штабного бункера стоял низкий, давящий на барабанные перепонки гул: были на пределе мощности системы охлаждения реактора, непрерывно шелкали тумблеры на пультах связистов, трещали статические разряды из динамиков раций. Генерал Корчагин грузно нависал над огромным тактическим голо-столом, по мерцающей поверхности которого непрерывно бежали багровые всполохи обновляющихся схем внешнего периметра.

Полковник Комаренко, глава службы безопасности «Эгиды», нервно курил в затененном углу. Он методично, с какой-то механической злобой стряхивал серый пепел мимо урны, прямо на рифленый пол — для тех, кто знал полковника, это был стопроцентный, верный признак того, что ситуация на рубежах вышла далеко за грани любой мыслимой штатной катастрофы.

— А, явились, — Корчагин тяжело поднял голову.

Резкий свет галогенных ламп отразился в его глазах, налитых кровью от табачного дыма, стимуляторов и многодневной, изматывающей хронической бессонницы. Лицо командующего казалось высеченным из серого камня, изрезанного глубокими морщинами.

— Ермолова. Чёрный, — генерал кивнул, не тратя времени на формальности. — Капитан, готовь доклад. Траппер, встань у карты. Мне нужны ответы, и они нужны мне еще десять минут назад. Какого черта семерка Фазовых Ткачей, которые по своей природе одиночки и рвут друг другу глотки за территорию, внезапно действовала как единый, вышколенный армейский механизм? И где, мать вашу, их вожак?

Корчагин замолчал, буравя Чёрного тяжелым, свинцовым взглядом. В кабинете мгновенно повисла та самая специфическая «штабная» тишина, в которой слова уже не нужны, и где отчетливо слышно лишь надрывное гудение процессоров да хриплое, тяжелое дыхание измотанных людей.

Но Чёрный не спешил с ответом. Его выцветший, холодный взгляд скользил по помещению, машинально, на уровне вбитых рефлексом подмечая те мелкие, красноречивые детали, которые никогда не зафиксирует бездушная камера внутреннего наблюдения.

Атмосфера в командном бункере была наэлектризована до предела, готовая в любую секунду сорваться в искрящую истерику. На столах аналитиков громоздились горы стреляных гильз крупного калибра, используемых в качестве импровизированных пепельниц, и бесконечные ленты распечаток фазовых радиоперехватов, залитые черным, как деготь, кофе.

У входа зазевавшийся молодой связист «Эгиды», с ног до головы обвешанный катушками полевого оптоволоконного кабеля, неловко развернулся в тесном пространстве и случайно зацепил угловатым плечом броню Комаренко. Полковник, чей палец как раз замер в миллиметре от сенсорной панели шифровальной консоли, взорвался мгновенно и страшно. Смачный, тяжелый подзатыльник, отвешенный командирской рукой, эхом шелкнул в воздухе, заставив бледного связиста втянуть голову глубоко в плечи и пулей, забыв про субординацию,

вылететь в спасительный коридор под глухой, изощренный мат безопасника. Нервы у командования были натянуты как композитные струны. Одно неверное слово — и они лопнут.

Чёрный покосился на Алису. Вдова стояла у голо-стола абсолютно неподвижно, идеально прямая, заковав себя в непроницаемую броню офицерской выдержки. Но Траппер, знавший её лучше, чем кто-либо в этом проклятом мире, видел, как её потемневший взгляд намертво, патологически прикипел к одному из боковых мониторов на стене.

Там, в правом углу мерцающего экрана, в режиме реального времени обновлялась сводка ночных потерь Северного рубежа. Фамилии и позывные погибших ликвидаторов, которых она знала лично, ползли вверх бесконечной, безжалостной белой лентой на кроваво-красном фоне. Для Корчагина и взвинченного Комаренко этот цифровой столбец был лишь сухой статистикой. Цифрами, требующими холодного тактического анализа, перераспределения боекомплекта и жестких ответных мер.

Но для неё это был поименный список живых людей. Тех самых парней, с которыми она вчера делила сухпаек. Тех, чьи последние, захлебывающиеся кровью крики и хрипы она сегодня на рассвете слушала в эфире своей тактической гарнитуры, не в силах пробиться сквозь орду тварей на помощь.

Чёрный видел, как чуть заметно дрогнул кадык на её шее. Как плотнее сжались челюсти, превращая красивое лицо в хищную маску. Эта бесконечная лента некрологов сейчас не ломала её — она подкидывала высокооктановое топливо в тот костер ярости, что разгорелся в её груди после разговора в каюте.

Они оба знали правду. Они знали, кто именно привел эту стаю. Знали, чьи серебряные жетоны сейчас лежат в нагрудном кармане Вдовы, обжигая ей кожу сквозь кевлар. Но сказать об этом генералу — значило обречь Макса. Если Корчагин узнает, что Док жив и потенциально находится в эпицентре этой синхронной атаки, он отдаст приказ стереть квадрат ковровой бомбардировкой плазменных зарядов, чтобы уничтожить угрозу на корню.

Алиса медленно оторвала взгляд от монитора с погибшими и посмотрела прямо в красные, воспаленные глаза генерала. Взгляд капитана Ермоловой был спокоен. Ледяной штиль перед бурей.

Алиса сделала короткий шаг вперед и четко, без единой заминки в голосе, начала доклад. Чёрный, застыв в тени у стены, смотрел на её идеальный, словно высеченный из мрамора профиль и поражался. Ни один мускул на её лице, ни одна микровибрация в голосе не выдали того, что всего полчаса назад эта женщина выла на полу тесной каюты, сжимая в побелевших пальцах исцарапанные жетоны мертвеца. Сейчас перед генералом стоял безупречный капитан «Эгиды». Ледяная Вдова.

— Альфа-Ткач, выполнявший роль ведущего узла, уничтожен точечным огнем из тяжелого магнитного калибра, товарищ генерал, — отчеканила Алиса, безжалостно задвигая свою личную, кровотокающую боль в самый темный угол сознания. — Нейронная сцепка стаи разорвана. Лишившись управления, остатки высших Порождений деградировали до слепой биомассы, дезориентированы и рассеяны по прилегающим шлаковым пустошам. Угроза прорыва Южного и Северного рубежей на текущий момент ликвидирована.

Она говорила правду. Голую, сухую тактическую правду, но далеко не всю. Главная цель их существования теперь лежала гораздо глубже, в густом химическом тумане Мертвых кварталов, и эта цель носила имя, которое никто в этом наэлектризованном штабе, кроме них двоих, не решился бы произнести вслух.

Они играли в опасную игру, скрывая от командования факт возможного выживания Максима. И Чёрный, глядя на мерцающие сводки, понимал: если их ложь вскроется, Комаренко лично пустит им пулю в затылок за измену.

Корчагин выслушал доклад Алисы, не проронив ни слова и даже не изменившись в лице. Он долго, не мигая смотрел на интерактивную поверхность голо-стола, где пульсирующие багровые маркеры кислотных пожаров и скоплений фазовой фауны подбирались к самым композитным стенам Оплота. Затем генерал тяжело, всем весом оперся кулаками о металлический край стола, словно гравитация в комнате внезапно усилилась вдвое.

— Хорошо, капитан. Отработали чисто, — голос командующего звучал глухо, как из-под земли. — Но ликвидация этого вожака — это только кусок мяса, брошенный нам для отвода глаз. Верхушка айсберга. Комаренко, покажи им то, ради чего мы здесь собрались.

Полковник Комаренко мрачно кивнул, нажал комбинацию клавиш на наручном тактическом пульте, и на главном экране с тихим треском статики вспыхнула одинокая, тревожно мерцающая желтая точка. Она находилась далеко за пределами Внешнего кольца, в секторе Стекланных торосов — там, где Искажение всегда было особенно плотным.

— Три часа назад, в самый разгар утренней бойни, мы потеряли связь с тяжелым экспедиционным краулером профессора Громова, — Комаренко смачно сплюнул прямо на рифленый пол, игнорируя возмущенный взгляд штабного адъютанта. — Эти долбаные яйцеголовые полезли в самое пекло, не дождавшись, пока штурмовые группы «Эгиды» зачистят сектор и дадут коридор.

Комаренко обвел Чёрного и Алису тяжелым взглядом, от которого веяло холодом следственного изолятора.

— Официальная версия для рядового состава — Громов повез оборудование делать глубинные замеры фазового фона после недавнего пространственного всплеска. Реальная версия, которую будете знать только вы: они искали «Прототип-7».

Чёрный чуть прищурился. Название резануло слух своей стерильностью. В Оплоде редко использовали такие сухие кодировки для чего-то незначительного.

— Секретная разработка, — продолжил Комаренко, понизив голос так, что его почти заглушал гул вентиляции. — Груз, который перевозил бронированный транспортный конвертоплан, сбитый гравитационной аномалией в том секторе неделю назад. Мы думали, что машина рухнула в разлом и сгорела дотла. Но Громов поймал телеметрический сигнал. «Семерка» уцелела. И именно поэтому Искажение сегодня взбесилось и ударило по нам объединенной стаей. Эта Пустота... она почувствовала, что прототип всё еще активен, и попыталась отвлечь нас прорывом периметра, пока её альфа-хищники добивались до упавшей вертушки.

Корчагин медленно поднял глаза на Алису и Чёрного. В его взгляде читалась не просто свинцовая усталость. Это была ледяная, абсолютная решимость человека, прижатого к бетонной стене, у которого закончились пешки на доске.

— Ваш сектор разгромлен, Ермолова, но вы двое — лучшие, кто умеет ходить по той стороне и возвращаться живыми, — жестко произнес генерал. — Мне плевать, что вы не спали двое суток. Вы получаете высший допуск. Вы идете по следу краулера Громова. И вы достанете мне этот чертов «Прототип-7» раньше, чем до него доберутся кукловоды Искажения.

Когда Корчагин озвучил задачу о пропавшем экспедиционном краулере Громова и сбитом конвертоплане, в бункере повисла густая, тяжелая пауза.

Чёрный, до этого хранивший ледяное молчание в тени дверного проема, сделал один тяжелый шаг к мерцающему голо-столу. Его выцветшие глаза сузились, превратившись в две колющие щели, а голос прозвучал так же сухо и жестко, как лязг досылаемого в патронник шлакового заряда.

— Товарищ генерал, разрешите вопрос, — Траппер не сводил прямого, пронизывающего взгляда с покрытого глубокими морщинами лица командующего. — Полковник говорит, они не дождалась зачистки. Но эти «яйцеголовые» из корпуса Громова обычно и шагу за гермоворота не ступят без роты тяжелой пехоты «Эгиды». А тут они лезут в Стекланные торосы гольшом. Одно из двух: либо у научных случилось коллективное помешательство и это их сугубо личная инициатива, либо кто-то пообещал им негласную защиту, отправил за Периметр и там же подставил. Научники хоть словом обмолвились о такой «полевой работе» в официальных запросах? Корчагин и Комаренко обменялись короткими, мрачными взглядами. Генерал тяжело, словно на его плечи внезапно легла бетонная плита, опустился в свое скрипнувшее кресло. Чёрный заметил, как нервно дернулись желваки под седой щетиной командующего.

— В официальных логах научного блока этой вылазки нет, — глухо ответил Корчагин, не отрывая покрасневших от бессонницы глаз от тактической проекции. — Краулер ушел в «радиомолчание» сразу после того, как пересек отвалы фазового шлака.

— Значит, в Оплоте крыса, — жестко, как отрубил, констатировал Чёрный. — И крыса жирная. Кто-то слил профессору информацию о координатах прототипа и безопасном «коридоре» через торосы. Или, что еще хуже, кто-то по ту сторону скоординировал эту волну Порождений, чтобы намертво привязать нас к периметру и отвлечь внимание от их экспедиции. Слишком идеальное математическое совпадение: мы здесь сутками тушим кислотные пожары и пакуем трупы штурмовиков в пластик, пока бесценное оборудование бесследно «теряется» в химическом тумане.

Комаренко гневно, со свистом выдохнул, едва не раздавив синтетическую сигарету в толстых пальцах:

— Ты на что намекаешь, Траппер?! Что в верховном штабе «Эгиды» завелся предатель?!

— Я никогда не намекаю, полковник. Я констатирую паршивый факт, — Чёрный остался пугающе, нечеловечески спокойным, его голос не дрогнул ни на децибел. — Если Громов знал про упавший конвертоплан и «Прототип-7», значит, утечка идет с уровня высшего командования или научной верхушки. И если это так, то в Стекланных торосах нас могут ждать

не только слепые Пепельные падальщики, но и жесткая засада ликвидаторов-перебежчиков. Тех, кто категорически не хочет, чтобы этот груз вернулся за стены Оплота.

Алиса, стоявшая рядом, даже не шелохнулась, но внутренне восхитилась блестящим маневром Траппера. Чёрный прямо сейчас, на глазах у начальства, виртуозно сплетал их собственную ложь с реальной паранойей штабных офицеров. Он давал Корчагину идеального, осязаемого врага — предателя-человека, отвлекая внимание генерала от истинной причины прорыва, от Ткача с серебряными жетонами и от Максима.

Корчагин властно поднял руку в кевларовой перчатке, обрывая Комаренко на полуслове. Наэлектризованная тишина в кабинете стала физически осязаемой, липкой. Генерал смотрел на Чёрного долго и тяжело. В этом взгляде старого, прожженного боями вояки читалось горькое признание того, что чужак-Траппер только что вслух озвучил их собственные самые страшные опасения.

— Хватит, — как отрезал Корчагин. — Именно поэтому я отправляю за Периметр вас двоих. Ермолова — мой лучший, проверенный капитан. Ты, Чёрный — человек со стороны, не связанный ни с нашими протоколами, ни с внутренними интригами «Эгиды». Если там действительно засада — у вас полный карт-бланш. Мне не нужны бюрократические отчеты о задержаниях или пленные перебежчики. Мне нужен результат. Выжгите там всё, но верните Прототип.

Комаренко, всё ещё багровый от подавленной злости, с показательной силой вогнал тлеющий окуроч в гильзу-пепельницу на краю стола.

— Коды дешифровки и резервные фазовые частоты краулера Громова уже сброшены на ваш тактический терминал, капитан, — буркнул полковник, стараясь не смотреть в выцветшие глаза Траппера. — С этой минуты считайте, что вы — призраки. На радарх вас нет, в официальных логах выхода — тоже. Если связь оборвется окончательно, ударных групп поддержки не ждите. Все боеспособные силы до последнего человека стянуты на удержание пробитого контура. Вы будете там одни.

— И еще одно, — скрипучий голос Чёрного заставил безопасника снова поднять тяжелый взгляд.

Траппер красноречиво кивнул на собственные плечи и грудь, где некогда прочный штурмовой композит превратился в изодранные, не подлежащие восстановлению лохмотья. Куски брони были насквозь пропитаны едким озоном, грязью и фосфоресцирующей кровью Порождений, зияя дырами от костяных лезвий.

— Мне нужна новая броня. Со складов «Эгиды». Высшего класса защиты, — непререкаемым тоном заявил Чёрный. — Как видите, мой расхваленный ментальный «иммунитет» не затягивает дыры в кевларе и не останавливает пули. Идти в Стекланные торосы в этой равнине — всё равно что добровольно пригласить Искажение выжечь из меня легкие токсичным снегом. Я не дойду до вашего Прототипа, если сдохну от химического ожога на первом же километре.

Корчагин мрачно усмехнулся одними уголками губ. Наглость этого бродяги его по-своему восхищала.

— Выпиши ему допуск в арсенал к интенданту, полковник, — бросил генерал Комаренко. — Пусть берет, что унесет. У вас два часа на сборы, капитан Ермолова. Рассвет уже начался. Удачи в Пустоте.

Чёрный уже развернулся к тяжелым бронированным створкам выхода, но внезапно остановился. Густой, прокуренный воздух в штабном бункере снова уплотнился, зазвенев от напряжения. Траппер медленно повернул голову, возвращая свой немигающий, тяжелый взгляд на Комаренко, а затем перевел его прямо на генерала.

— И еще одно. Мы заберем выживших бойцов из отряда Вдовы с Северного рубежа с собой, — добавил он.

Его голос был ровным, лишенным каких-либо эмоций, и тон не оставлял ни малейшего пространства для маневра. Это прозвучало не как тактическая просьба наемника и не как предложение к обсуждению. Это была холодная, высеченная в армированном бетоне констатация факта.

— Если в Стекланных торосах нас действительно ждет грамотная засада, или если ваша штабная «крыса» решит ударить нам в спину, пока мы будем тащить этот чертов Прототип из эпицентра Искажения... мне нужны проверенные стволы. Люди, чья преданность не измеряется приказами «Эгиды» и протоколами безопасности. Нам не нужны случайные патрульные или прикомандированные новички, которые дрогнут и сойдут с ума при первом же мощном фазовом выбросе. Эти ребята из отряда знают, за кем идут. Они пойдут за своим капитаном в саму Бездну и не зададут лишних вопросов.

Алиса, застывшая в полушаге от двери, на долю секунды замерла. Она скосила глаза на суровый, покрытый гарью профиль Траппера, и внутри у неё всё сжалось от внезапного, пронзительного осознания. Она поняла его маневр без слов, на уровне инстинктов, отточенных пятью годами выживания в этом аду.

Саша не просто пытался усилить их огневую мощь перед самоубийственной вылазкой в глубокую Пустоту. Прямо сейчас, внаглую, на глазах у высшего командования, он виртуозно выводил её личный отряд из-под прямой юрисдикции штаба. Он создавал для них автономную, замкнутую саму на себя боевую единицу. Группу ветеранов, которая в критический момент не станет слушать общие каналы связи, проигнорирует любой приказ Комаренко об отступлении и не повернет оружие против своих, если кто-то из теплых кабинетов вдруг решит «замести следы» и списать их экспедицию в утиль.

Чёрный прямо сейчас строил вокруг неё несокрушимый живой щит из самых преданных людей Оплота. Он защищал её спину от своих же. И делал это так изящно и жестко, что командованию оставалось только проглотить эту пилюлю.

Полковник Комаренко побагровел. Он открыл было рот, чтобы рявкнуть о грубейшем нарушении устава, о том, что элитные штурмовики жизненно необходимы для удержания периметра, но Корчагин опередил его.

Старый генерал тяжело, с каким-то внутренним надрывом выдохнул. В его воспаленных, красных от недосыпа глазах на мгновение мелькнуло кристальное, холодное понимание. Кор-

чагин был кем угодно, но только не слепцом. Он прекрасно видел, какую именно многоходовку разыгрывает этот бродяга с выжженной душой. Командующий осознал, что Траппер забирает отряд именно как страховку от самого штаба и лично от безопасников. Но Корчагину сейчас был нужен этот Прототип. Любой ценой. Даже ценой передачи власти над лучшим отрядом в руки неуправляемых одиночек.

— Действуйте, — хрипло, как ножом отрезал генерал, убивая на корню все возможные возражения Комаренко.

Он тяжело, всем весом опустился обратно в скрипнувшее кресло и снова склонился над мерцающим тактическим голо-столом, всем своим видом давая понять, что аудиенция окончена. Багровые отсветы схем вновь заплясали на его морщинистом лице.

— Комаренко, — добавил Корчагин, не поднимая головы. — Распорядись насчет экипировки. Выдай им всё лучшее, что есть на закрытых нижних складах арсенала. И обеспечь отряду зеленый коридор на выход за Периметр. С этой секунды их группа — приоритет.

Полковник лишь с громким скрежетом стиснул зубы, едва не сломав пластик тактического пульта в руке, но промолчал, смерив Чёрного полным неприкрытой ненависти взглядом.

Алиса коротко кивнула генералу и ударила ладонью по сенсору двери. Механизм с натужным гидравлическим выдохом отъехал в сторону, впуская в душный, пропахший табаком кабинет прохладный сквозняк внешнего коридора.

Они молча покинули штабной бункер, оставляя позади себя наэлектризованную, враждебную тишину. Впереди их ждали Стекланные торосы, химический туман Мертвых кварталов и, возможно, самое жуткое откровение в их жизнях. Они получили всё, что хотели: официальный пропуск за Стену, лучшую броню и своих людей. Чужая игра, кто бы её ни затеял, перешла в активную фазу, и ставки в ней только что взлетели до небес.

Они покинули командный бункер, оставив за тяжелыми створками гермодверей спертый, прокуренный воздух генеральского кабинета. В широких коридорах штабного уровня по-прежнему густо пахло озоном, жженой проводкой и неминуемой бедой, от которой не спасали даже метровые бетонные перекрытия. Алиса шла впереди, чеканя шаг. Чёрный видел её напряженную спину и то, как она на ходу быстро, вслепую вводит команды на наручном тактическом ПДА. Она то и дело бросала быстрые, цепкие взгляды на проходящих мимо патрульных «Эгиды», словно вычисляя, кто из них может оказаться глазами и ушами Комаренко.

На минус третьем уровне, у бронированных дверей главного арсенала, безопасник уже ждал их. И он был не один, а в сопровождении двух хмурых штурмовиков.

Комаренко молча, с перекошенным от злобы лицом, лично швырнул на металлический прилавок выдачи тяжелый, герметичный кофр из армированного полимера. Замки щелкнули, открывая содержимое: матово-черный композитный скафандр глубокой разведки замкнутого цикла модификации «Абсолют», с усиленными свинцом пластинами и встроенными компенсаторами фазового давления. Элита экипировки «Эгиды», которую выдавали только смертникам.

— Держи, Траппер, — процедил Комаренко, опираясь тяжелыми кулаками о прилавок. — И постарайся не превратить казенное имущество в кусок радиоактивного пластика в первом же кислотном подлеске.

— Постараюсь, полковник, — холодно, не дрогнув ни единым мускулом лица, отозвался Саша.

Он плавно, но быстро вытащил тяжелую броню из кофра, оценивая баланс и качество сочленений.

— Но в Стекланных торосах Пустота редко спрашивает разрешения перед тем, как содрать с тебя кожу вместе с кевларом. Уж вы-то, сидя в своем уютном бункере, должны это понимать.

Комаренко скрипнул зубами, но промолчал.

В этот момент от массивной бетонной колонны в тени ангара отделилась невысокая фигура. Алина. Оса.

Девчонка выглядела откровенно скверно: бледная, с глубокими тенями под глазами, лопнувшими от чудовищного утреннего фазового удара капиллярами на щеках. Но в её взгляде горело такое лихорадочное, отчаянное упрямство, которое не сломил бы ни один Ткач. Она сделала шаг к ним, до побелевших костяшек сжимая в руках свой короткоствольный магнитный дробовик. Она была с ними там, в Некрополе пять лет назад. Она тоже потеряла Макса. И она имела право быть здесь.

— Капитан... возьмите меня с собой, — голос Алины дрогнул, выдавая крайнюю степень истощения, но она тут же взяла себя в руки, выпрямившись как струна. — Я не останусь в Оплооте протирать штаны и ждать некрологов, пока вы идете в это пекло. Я выдержу. Я справлюсь, вы же знаете!

Алиса, не прерывая своего монотонного занятия — она как раз с механическим лязгом вгоняла тяжелые шлаковые заряды в магазин своей винтовки, — медленно подняла на неё глаза. Взгляд Вдовы был ледяным, пустым и пугающе спокойным.

— Остаешься, — отрезала она. Одно короткое слово прозвучало как удар стального хлыста.

— Но Алиса!..

— Это не приглашение к дискуссии, Оса, — Ермолова шагнула к ней вплотную. В её голосе зазвенел металл, и Алина невольно отступила на полшага, подавленная этой аурой. — Посмотри на себя. Твоя нервная система сожжена утренним гоном, ты не удержишь ментальный блок, если мы наткнемся на высших. Но главное — ты нужна мне здесь. Живая и с ясной головой.

Алиса понизила голос до едва слышного шепота, так, чтобы акустика ангара не разнесла слова:

— Будешь нашими глазами и ушами в Оплоте. Если Комаренко начнет задавать лишние вопросы моим людям, если в штабе пойдет движение, которого не должно быть по протоколу, или если нас попытаются отрезать от резервных каналов — ты дашь нам знать. Ты наш единственный тыл. Поняла?

Алина до крови закусила губу. В её глазах стояли слезы бессилия, она понимала, что спорить с Ермоловой в таком состоянии — бесполезно. Девушка бросила быстрый, ищущий взгляд на Чёрного, отчаянно надеясь на поддержку старшего брата по оружию, на то, что Траппер заступится за неё.

Но Саша лишь молча, с непроницаемым лицом, застегнул гермошлем на магнитном креплении пояса. Он знал правду, которую скрывала Алиса: в глубине души Вдова просто не хотела хоронить еще и Осу. В Стекланных торосах, где развернется эта чужая игра, лишние сантименты — это всегда лишние костяные лезвия в спину.

— Поняла, — глухо, с трудом выдавила Алина и, резко развернувшись на каблуках, растворилась в густой темноте технического коридора, чтобы скрыть покотившиеся по щекам слезы.

— Жестоко, — негромко заметил Чёрный, когда они остались одни, закидывая тяжелый скафандр на плечо.

— Безопасно, — так же тихо, но жестко парировала Алиса, с щелчком загоняя полный магазин в приемник и передергивая затвор винтовки. — И для неё, и для нас. Если мы не вернемся, кто-то должен будет вспомнить наши имена.

Через пару минут они уже пересекали внутренний периметр Оплота, уходя всё глубже в техническую зону. Алиса уверенно вела его по самым темным, заброшенным переулкам и ржавым коммуникационным коллекторам, прочь от слепящих лучей главных прожекторов и маршрутов патрулей «Эгиды». Они уходили в «слепую зону», готовясь раствориться в ядовитом дыхании Пустоты.

Путь к Северному рубежу. Шлаковые отвалы

Они покинули относительно теплый, защищенный внутренний периметр Оплота, и Пустота немедленно встретила их своим абсолютным, пронизывающим до самых костей холодом. Ветер здесь не дул — он бил наотмашь, неся с собой мелкую, острую как стекло ледяную крошку и токсичный пепел.

Чёрный с Алисой шли в сторону Северной заставы, где, согласно приказу, их уже ждали уцелевшие ликвидаторы из её отряда.

На Алисе был надет тяжелый штурмовой композит капитана «Эгиды» — матово-черная, поглощающая свет броня, подогнанная точно по фигуре, с массивными вставками из кинетического полимера на плечах и груди. Поверх глухого скафандра сидела модульная разгрузка, туго набитая запасными аккумуляторами для магнитной винтовки, ампулами коагулянта и фазовыми гранатами. Никаких лишних деталей, никаких выступающих элементов. Всё было стянуто магнитными ремнями так жестко, чтобы не издать ни единого лишнего звука, ни

малейшего скрипа при движении. Она двигалась сквозь ледяной ветер не как человек, а как идеальный, смертоносный механизм.

Черный на ходу опустил взгляд на промерзшие, покрытые толстой коркой сизого льда бетонные плиты под своими ногами. Когда-то, в прошлой жизни, до того как Искажение сожрало этот мир, здесь пролегал главный маршрут снабжения промышленного узла. Теперь же эти глубокие трещины в расколотом морозом бетоне напоминали ему рваные, незаживающие шрамы на теле старика, который видел слишком много дерьма, чтобы надеяться на спокойную смерть.

«Интересно, — отстраненно подумал Траппер, привычным жестом перехватывая ледяное цевье своей тяжелой винтовки, — помнит ли эта мертвая дорога тепло солнечных лучей? Помнит ли она звук обычных автомобильных шин, а не лязг танковых траков и хруст ломающихся костей? Или она уже окончательно, до самого основания пропиталась этим ядовитым холодом и электрическим треском аномалий?»

Его взгляд из-под визора шлема снова скользнул по Алисе. Её безупречный, высокотехнологичный композит казался здесь, среди этих руин, чем-то инородным. Слишком совершенным для этого гниющего, застывшего во льдах мира. Мы все здесь — лишь временные, непродержанные гости, — пронеслась в голове мрачная мысль. Пустота просто терпит нас до поры до времени. Замораживает наши эмоции, высушивает души. Сегодня они идут в авангарде, полные ярости и решимости найти Макса, а завтра их навороченные скафандры могут стать просто еще одной деталью мертвого пейзажа. Такой же безжизненной достопримечательностью, как вмерзшие в лед остовы старой техники.

Сам Черный шел чуть левее, на полшага позади, привыкая к габаритам и весу своего нового снаряжения. Скафандр глубокой разведки «Абсолют» сидел как вторая кожа, поддерживая внутри микроклимат, но даже сквозь его защиту Траппер чувствовал давящее, ледяное дыхание Мертвых кварталов. Поверх скафандра он накинул усиленный бронежилет с под сумками под бронебойные шлаковые заряды крупного калибра, а на плечевом магните тускло поблескивала рукоять тяжелого тактического ножа. Его массивные ботинки с высоким берцем уверенно и тяжело сминали радиоактивный, покрытый инеем шлак.

По бокам от дороги пейзаж становился всё более агрессивным, искаженным и пугающим.

Здесь больше не было ничего нормального. Искореженные, кристаллизованные стволы деревьев, лишенные коры и ветвей, торчали из сугробов, напоминая обглоданные ледяные кости древних великанов. Между ними, прямо сквозь промерзшую почву, пробивались полосы фосфоресцирующего химического мха — ядовито-синей, пульсирующей поросли, которая светилась в густых сумерках тусклым, тревожным неоновым светом.

Прямо у обочины, метрах в десяти от них, воздух заметно вибрировал. Это была гравитационная линза — нестабильный фазовый узел. Аномалия беззвучно перекручивала пространство, преломляя свет и превращая стоящий за ней ржавый, вмерзший в землю остов военного грузовика в уродливое, растянутое на десятки метров пятно. Оттуда веяло абсолютным, космическим нулем.

Черный плотнее перехватил винтовку. Впереди, за линией шлаковых отвалов, их ждал отряд. А дальше — только ледяной ад Стекланных торосов и чужая игра, правила которой им предстояло написать кровью.

Когда они добрались до обледенелых бетонных плит Северного рубежа, штурмовая группа уже ждала их в полной боевой готовности. За их спинами чернели пустые глазницы окон заброшенного поселения — вымершего бетонного лабиринта, сквозь который с тягучим, тоскливым воем гулял ледяной ветер. Это были не разрозненные бродяги-одиночки. Это была регулярная, закаленная льдом и кровью армия Оплота.

Спец и Макар с глухим щелчком проверяли герметичность своих массивных шлемов-сфер. На них были надеты тяжелые штурмовые экзоскелеты «Эгиды» — покрытые толстым слоем сизой изморози кинетические плиты, переплетенные стальными тросами, и мощные сервоприводы, тихо и угрожающе гудящие на морозе. У Макара на плече покоился ремень тяжелого роторного шлакострела, а разгрузка на его груди и животе была плотно увешана длинными лентами с бронебойными зарядами из прессованного фазового шлака.

Кот выделялся на их фоне: он был закован в штурмовой композит — броню, обеспечивающую максимальный класс защиты жизненно важных узлов, но лишённую громоздкой гидравлики ради, кошачьей маневренности. Фотон и Умник предпочли облегченные полимерные системы защиты (ПСЗ), чтобы сохранить подвижность. Умник привычными движениями калибровал громоздкий фазовый пеленгатор, а Фотон методично пересчитывал в подсумках ампулы с изолятным коагулянтом и нейростимуляторами.

Чуть в стороне, сливаясь с серыми сумерками, стояли Вольные. Стилет, Форс и Тихий выглядели менее пафосно, но веяло от них не меньшей, а куда более первобытной опасностью. На них были термокомбинезоны старой серии «Заря» глубокой кустарной модификации — с грубо, но намертво нашитыми поверх кевлара углеродными пластинами, усиленными коленями и локтями. Глухие дыхательные маски замкнутого цикла в походном положении висели на поясах, соседствуя со свинцовыми контейнерами для кристаллизованных аномалий.

Алиса вышла на середину промерзшей площадки. Тусклый, умирающий свет заходящего солнца скользнул по матовым бронеплитам её скафандра, не оставив ни единого блика. Ветер затрепал ремни её разгрузки.

— Слушать задачу, — отрезала она.

Группа мгновенно сплотилась, лязгнув оружием. Десять человек в тяжелой броне, на фоне мертвых, искореженных деревьев Северного рубежа, выглядели как безжалостный карательный отряд, готовый спуститься в преисподнюю.

— Мы идем в Бурелом. Официально — спасаем пропавших научных и секретный прототип. Неофициально — выходим на тех кукловодов, кто стоит за утренней атакой на Оплот, — она посмотрела на пулеметчика. — Макар, Спец — вы в арьергарде, держите наш тыл. Кот — Близнецам нужен будет надежный ствол рядом, прикрываешь их спины.

Она перевела жесткий взгляд на техников:

— Умник — глаз не сводить с фона. Если детекторы поползут в фиолетовую зону — немедленный доклад, даже если это просто статика. Фотон, наши жизни при тяжелом ранении на тебе. Будешь вытаскивать с того света любого, кто упадет.

Затем Вдова повернулась к Вольным.

— Стилет, твои парни идут по флангам. Вы люди новые, боем в строю «Эгиды» не проверенные, и с нами вы бы не пошли, если бы не обстоятельства. Но так уж сложилось, — Алиса на секунду скользнула взглядом по застывшему изваянием Чёрному. — В общем и целом. Форс, держишь максимальную дистанцию. Работаешь в паре с Чёрным по дальним целям.

— Понял, Кэп, — вольный траппер с хрустом поправил зачехленную тепловизионную оптику на своей длинноствольной магнитной винтовке. — Сделаем из них решето раньше, чем они нас унюхают.

— Двинулись, — скомандовала Алиса, перехватывая цевье своего штурмового автомата. — Через Холодильник, прямо в Искажение. И помните: в Пустоте тени и кусты кусаются больше, чем твари. А аномальные перепады температур там могут скакнуть от абсолютного нуля до плавления металла за долю секунды. Не спать.

Отряд синхронно тронулся с места. Тяжелые армейские ботинки с хрустом вмяли промерзший шлак. Десять вооруженных до зубов теней растворились в густых сумерках Северного рубежа, уходя всё дальше от руин поселения, направляясь прямо к индустриальному, скованному вечными льдами аду Холодильника. Охота началась.

Индустриальный ад

Холодильник не был просто заброшенной промзоной или мертвым пятном на карте. Это был Великий Шлюз. Физическая и метафизическая граница, где умирали законы земной логики и начиналось, кристаллизованное безумие Пустоты.

Когда-то это был колоссальный индустриальный узел, бьющееся стальное сердце региона. Теперь же это был памятник человеческому бессилию перед лицом Искажения. Холодильник представлял собой гигантский пространственный карман, застрявший в состоянии вечного фазового перехода. Температура здесь не просто опускалась ниже критических отметок — само понятие тепла было стерто из реальности. Это был, звенящий космический ноль, способный заморозить даже радиоволны.

Поглощенные Искажением здания не были разрушены в привычном понимании этого слова. Они были ассимилированы. Циклопические бетонные градирни, цеха металлургических комбинатов и километровые переплетения теплотрасс растеклись под воздействием аномальных гравитационных полей, как растопленный воск, а затем мгновенно застыли. Бетон сросся со стеклом и ржавой сталью, образуя единый, монолитный лабиринт. Арматура провала стены изнутри, вытянувшись наружу, словно мертвые, почерневшие вены гигантского организма. Остовы многоэтажных зданий здесь кренились под невозможными углами, бросая вызов гравитации, и были намертво впаяны в глыбы сизого, пульсирующего неоновым льда.

Но самым страшным в Холодильнике была не мертвая архитектура и не сводящий с ума холод. Самым страшным был сам Проход.

Граница между миром и чистой Пустотой не выглядела как стена, разлом или туман. Это был горизонт событий, сотканный из вывернутой наизнанку материи. Пространство здесь ломалось, скручиваясь в топологическую спираль. Взгляд человеческого глаза не мог сфокусироваться на этом рубеже: то, что за секунду до этого казалось бесконечным ущельем, внезапно выворачивалось наружу, становясь глухой, давящей стеной.

Материя в зоне Прохода была вывернута наизнанку. Стены поглощенных зданий здесь были обнажены своими внутренностями: лестничные пролеты, куски уцелевших обоев, вмятая в пол мебель торчали снаружи, выдавленные наружу чудовищным давлением Искращения. А сами наружные фасады свернулись внутрь себя, образуя черные, засасывающие свет воронки.

Сам зев Прохода выглядел как кровоточащая рана на теле вселенной. Там не было ни цвета, ни света — лишь плотная, вибрирующая антиматерия, из которой в наш мир медленно, тягуче вытекал густой фосфоресцирующий туман. Чтобы войти в Пустоту, нужно было шагнуть прямо в этот излом геометрии, позволив вывернутому пространству пропустить тебя сквозь свои холодные, перемальвающие рассудок жернова.

Именно этот вывернутый наизнанку рубеж, где заканчивалась человеческая логика, всегда манил к себе самых отчаянных.

Официальные законы «Эгиды» гласили: Холодильник — это зона карантина. Любой, кто будет замечен при попытке пересечь его периметр без приказа, подлежал расстрелу на месте без суда и следствия. Но голод, нищета окраинных секторов Оплота и банальная человеческая жадность всегда были сильнее страха смерти. Туда шли.

Туда шли вольные трапперы. Бродяги, следопыты, контрабандисты — люди, которым нечего было терять в вымерзших бетонных коробках жилых ярусов. Они погружались в этот индустриальный ад, балансируя на лезвии гравитационных аномалий, чтобы вытаскивать оттуда изоляты. Так они называли предметы, навсегда измененные дыханием Искращения. Вещи, физика которых была сломана и собрана заново по немислимым, парадоксальным чертежам Пустоты.

Никто толком не знал, как именно рождаются изоляты. Но каждый траппер знал их цену.

В Оплоте до сих пор шепотом пересказывали историю старого шахтера по имени Игнат. Три года назад, когда системы отопления на нижних ярусах рухнули и люди заживо замерзли в своих кроватях, Игнат в одиночку ушел в Холодильник. Он вернулся через двое суток, седой, с обмороженными до черноты пальцами, но принес с собой кусок обыкновенной строительной арматуры. Ржавый, кривой метровой прут, выломанный из расплавленной бетонной плиты какого-то цеха.

Этот кусок железа нарушал все законы термодинамики. Он был горячим. Не раскаленным добела, не обжигающим руки, а излучающим постоянное, мягкое тепло в двадцать пять градусов. Он грел так, словно внутри ржавого металла билось невидимое сердце. Игнат положил эту арматуру посреди своей крошечной, покрытой инеем комнаты, и она за несколько часов согрела помещение, спасая его больную дочь от пневмонии. Арматура не остывала ни через день, ни через неделю. Она просто отдавала тепло бесконечно, выкачивая энергию из самой ткани реальности.

Но в Пустоте не бывает подарков. Каждая вещь, рожденная там, принадлежит Искажению. Изоляты несли на себе невидимую, несмываемую метку. Своеобразный онтологический запах, который сводил тварей с ума.

Вынося изоляты за Великий Рубеж, трапперы, сами того не ведая, прокладывали кровавые тропы. Твари Пустоты — Фазовые Ткачи, Пепельные падальщики, Панцирные гончие — не видели наш мир так, как мы. Они ориентировались на искажения фона. И когда в обычную, стабильную реальность Оплота попадал предмет с вывернутой физикой вроде горячей арматуры, для монстров это сияло как ослепительный прожектор в крошечной тьме. Они шли на этот запах. Шли неумолимо, разрывая лед и сталь, чтобы вернуть украденное.

Через две недели после того, как Игнат принес свой «обогреватель», на нижние ярусы прорвалась стая. Они не тронули соседние блоки. Они целенаправленно, как по компасу, прошли сквозь вентиляционные шахты, вырезали весь этаж Игната и утащили кусок железа обратно во мрак, оставив после себя лишь изувеченные тела и лужи замерзающей крови.

И таких историй были десятки. Траппер по кличке Звонарь однажды притащил старые механические часы, стрелки которых шли в обратную сторону и очищали любую отравленную воду в радиусе метра. Через три дня к нему в барак пришел Высший Ткач и заставил весь жилой блок перебить друг друга голыми руками. Вещи из Холодильника были прокляты. Они были троянскими конями, которые пробивали бреши в обороне человечества изнутри.

Именно поэтому командование «Эгиды» и лично полковник Комаренко безжалостно вешали контрабандистов. Любой неучтенный предмет из-за Стены приравнивался к акту биологического терроризма.

Но был в этой системе один чудовищный, лицемерный изъян. Те самые изоляты, за которые штурмовики расстреливали бродяг у бетонных блоков заставы, текли рекой в руки научного корпуса. И главным скупщиком этой парадоксальной контрабанды был профессор Легасов.

Его исследовательский бункер, намертво вмороженный в ледяные торосы на самой границе Холодильника, был местом, где законы «Эгиды» переставали работать. Легасов скупал у выживших трапперов всё: от несгораемых кусков пластика до камней, локально меняющих гравитацию. Профессор платил чистым спиртом, армейскими аптечками, свинцовыми батареями, и самое главное — неприкосновенностью. Он изучал эту вывернутую материю, пытаясь понять природу Искажения, но тем самым лишь стимулировал смертельный промысел, заливая Холодильник кровью.

Но существовали и другие изоляты Искажения. Те, ради которых стоило рискнуть не только собственной жизнью, но и остатками рассудка. Их называли «чистыми изолятами».

В отличие от «грязных» вещей вроде той же теплой арматуры, чистые изоляты не фонили. Они не оставляли в ткани реальности тот самый гниlostный, пульсирующий онтологический след, по которому Порождения выслеживали свою добычу. Чистый изолят был идеальным, математически выверенным парадоксом, полностью замкнутым сам на себя. Его можно было вынести за Великий Рубеж, положить в карман, принести в самый центр Оплота и спать спо-

койно — ни один Фазовый Ткач не учуял бы его даже с десяти метров. Пустота оставалась слепа к их потере.

Жаль только, что люди поняли природу этих вещей далеко не сразу.

В первые годы после катастрофы трапперы гребли всё подряд, не понимая разницы, и расплачивались за это целыми вырезанными поселениями. Считалось, что любая вещь из-за Стены — это отложенный смертный приговор, магнит для тварей.

Старые бродяги до сих пор пересказывают историю отряда матерого траппера по кличке Хром. Они первыми вынесли из глубин чистый изолят — небольшую граненую сферу из потемневшего кварца, внутри которой бился неиссякаемый источник теплого, ровного света, гасящего ледяной холод в радиусе трех метров. Вещь невероятной ценности, но, как они думали, несущая верную смерть.

Выбравшись из Холодильника, Хром и двое его напарников, помня кровавые уроки с «грязными» вещами, наглухо забаррикадировались в старом гермошлюзе заброшенного технического коллектора. Они заминировали оба бронированных входа остатками армейского пластида, намертво сжали в руках гранаты с выдернутыми чеками и пять суток сидели во мраке. Они ждали неминуемого финала. Ждали, когда бетон начнет крошиться под ударами костяных лезвий, когда стаи Порождений придут забирать свое. Они дошли до грани полного расщепления психики, едва не перестреляв друг друга от удушающей паранойи и каждого шороха в вентиляции.

Но к ним так никто и не пришел. Ни одна тварь даже не приблизилась к их укрытию. Лишь тогда, когда у них закончилась вода и они вышли на поверхность, поседевшие и истощенные, до них дошла истина: Искажение не охотится за всем. Пустота слепа к совершенным парадоксам. Она приходит лишь за тем, что продолжает «кровоточить» её нестабильной энергией.

Но у чистых изолятов была своя, чудовищная цена. Найти их в Холодильнике или на окраинах было физически невозможно. Чем «чище» был парадокс, тем глубже во льдах он зарождался.

За ними нужно было спускаться в самое сердце мрака — туда, где Искажение достигало своего апогея, сплетаясь в тугие гравитационные узлы. В самый эпицентр, лежащий между мертвым Некрополем и легендарной Колыбелью.

А там не было Фазовых Ткачей. Там не водились Панцирные гончие или Пепельные падальщики — животные инстинкты высших порождений кричали им держаться подальше от этих мест. Там обитали существа куда страшнее.

Там стояли Абсолюты.

Это были Стертые высшего порядка. Люди — бывшие элитные ликвидаторы «Эгиды», лучшие трапперы-одиночки, пропавшие без вести ученые корпуса Громова и Легасова. Искажение не разорвало их на куски и не превратило в безмозглых зомби. Оно аккуратно, с хирургической точностью выпотрошило их память, личность, страхи и саму человечность, вложив в пустые оболочки слепую, ледяную и фанатичную преданность Колыбели.

Абсолюты не выли во мраке и не бросались на жертву с голыми руками. Они носили тяжелую композитную броню своих павших экспедиций. Они переговаривались на старых тактических частотах с помощью жуткого, монотонного синтеза голоса. Они виртуозно использовали изломанный ландшафт, ставили интеллектуальные минные растяжки и били из магнитных винтовок без промаха, не зная усталости, не боясь холода и не чувствуя боли. Это были идеальные, безжалостные стражи Бездны, полностью лишённые инстинкта самосохранения и жалости.

Столкнуться с отрядом Абсолютов в глубине Пустоты означало гарантированную смерть, потому что в их глазах, закрытых черными визорами, отражалась лишь холодная геометрия Искажения. Именно поэтому за чистыми изолятами никогда не ходили поодиночке. Туда отправлялись только самые слаженные, лучшие из лучших группы трапперов-ветеранов, заранее готовые к тому, что в самом сердце ледяного ада им придется стрелять в головы таким же людям, какими когда-то были они сами.

Над головой, в проломах между вывернутыми наизнанку бетонными сводами цехов Холодильника, висело низкое, бесцветное небо, пульсирующее тусклыми фиолетовыми всполохами. Ветер здесь не дул — он сочился сквозь искривленную геометрию застывших во льдах ангаров, порождая тонкий, режущий слух свист, пугающе похожий на предсмертный хрип замерзающего человека.

Воздух, пропускаемый через фильтры глухих шлемов, казался тяжелым, как ртуть. Даже сквозь систему очистки на языке оседал тошнотворный привкус жженого озона, переохлажденной синтетики и металлической пыли. Звуки в этом пространственном кармане ломались и вязли: где-то в глубине вмороженной в сизый лед промзоны ритмично бил о несущую опору кусок оторванного кинетического щита, и этот глухой скрежет пугающе походил на медленный пульс гигантского, скованного вечной мерзлотой механического зверя.

— отряд, стоп, — рука Алисы в тяжелой композитной перчатке резко взмыла вверх. Голос в тактическом эфире прозвучал глухо, без единой эмоции.

Она застыла неподвижно, всматриваясь сквозь визор шлема в искривленный горизонт. Десять закованных в броню теней мгновенно растворились в изломанном ландшафте, слившись с глыбами льда и вывернутыми стальными конструкциями. Макар намертво вдавил плечо в растрескавшийся от холода бетон; тяжелый магнитный репитер в его руках хищно уставился в черную пустоту проема, как единственный весомый аргумент, способный переспорить ледяное безмолвие Искажения.

Спец и Кот вжались в тени, заглушив гул сервоприводов своих экзоскелетов до минимума. В провалах обнаженных внутренностей здания напротив плясали ломаные, противоестественные тени — то ли оптическая иллюзия гравитационной линзы, то ли беззвучная разминка скрывающегося Фазового ткача. С каждой секундой параноидальное, липкое ощущение того, что за ними непрерывно наблюдают из каждой расщелины, из-за каждого вмержшего в землю промышленного станка, становилось почти осязаемым, сдавливающим психику прессом.

Фазовый фон здесь не просто «прыгал» на детекторах — он шелестел прямо в нейроинтерфейсах бойцов сухим, сводящим с ума статическим треском. Искореженные вагоны промышленных составов, покрытые язвами коррозии и толстой коркой льда, казались застывшими

левиафанами, чье вывернутое наизнанку чрево было набито замороженными костями тех, кто не услышал команду «стоп» до того, как захлопнулась пространственная ловушка.

Алиса медленно перевела ствол магнитной винтовки на чернеющие воронки искаженных дверных проемов. Её лицо под забралом оставалось окаменевшим, но она кожей чувствовала абсолютную, нечеловеческую враждебность этого места. Холодильник не прощал ни малейших ошибок. Здесь каждый хруст ледяного шлака под тяжелым ботинком звучал как официальное объявление войны самой Бездне.

Отряд превратился в единый, смертоносный механизм, перешедший в режим тотального боевого ожидания. На границе Великого Рубежа это состояние было сродни ледяному трансу: инстинкты, подстегнутые морозом и боевой химией, обострились до предела, а само время, искаженное близостью Пустоты, будто замерзло, превратившись в густой, тягучий кисель из адреналина и статики.

— Умник, что по фону? — Алиса не оборачивалась. Она замерла, вглядываясь в нагромождение вмерзшего в лед ржавого металла там, где рухнувшая стрела циклопического крана перегораживала путь, словно обглоданная кость механического левиафана.

Умник, втиснувшись в узкую нишу между растрескавшимися бетонными плитами, быстро пробежал пальцами по сенсорам фазового пеленгатора. Тусклый синеватый свет экрана выхватил его напряженное лицо под прозрачным визором шлема; несмотря на пронизывающий, холод Холодильника, на его висках блестели капли пота.

— Парадокс, кэп... Сканеры фиксируют активность впереди, в районе транспортного тоннеля с плазменными разломами. Но сигнатуры не опознаются. Это не патруль «Эгиды», не Легаты и даже не Стертые. Фазовая частота модулированная, искусственно зашифрованная.

Воздух в застывшем индустриальном дворике стал тяжелым, густым, словно за секунду перед гравитационным выбросом. Каждый из бойцов штурмового отряда почувствовал, как по заливку под слоями кевлара и полимеров пробегает колючий мороз: неизвестность в Искажении всегда была страшнее, чем открытая схватка с высшими Порождениями.

— Крысы, — голос Тихого прозвучал в локальном тактическом эфире так внезапно и бесплотно, что Макар рефлекторно вжал тяжелый приклад шлакострела в плечо. Вольный траппер материализовался из-за глыбы сизого льда рядом с Алисой, словно сам был соткан из токсичных сумерек и пепла. — Я засек оптическое искажение на вывернутой крыше ангара. Двое. В глухом композите, поглощающем свет. Ушли в «слепую зону» до того, как я успел навести на них тепловизор.

По отряду прошла едва заметная волна синхронного напряжения — ни один сервопривод не скрипнул, никто не шелохнулся, но готовность убивать внутри каждого достигла критической отметки. В воздухе отчетливо запахло едким озоном от нестабильных фазовых узлов и застарелым, парализующим страхом, который здесь, на границе Пустоты, въедался в самый бетон.

Чёрный плотнее перехватил магнитную винтовку, ощущая пронизывающий, космический холод металла даже сквозь усиленные композитные перчатки. Палец Форса на соседней позиции замер на спусковом крючке — без единого лишнего движения, без малейшей

дрожи, окончательно превратившись в бездушное продолжение оружия. Спец и Макар, работая в идеальной связке, медленно сканировали тыл; их движения были синхронными, отточенными до рефлексов сотнями совместных рейдов во мрак. Они не просто прикрывали спины — их взгляды сквозь визоры буквально буравили вывернутые наизнанку черные провалы окон соседнего, впаянного в глыбу льда административного корпуса. Оттуда, из искаженной геометрии здания, могло появиться что угодно: от стаи Фазовых падальщиков до замаскированного снайпера Легатов. В Холодильнике каждый неосторожный шорох мог стать фатальным.

Отряд затаился. И это не было проявлением трусости — это была предельная, звенящая концентрация матерых хищников, которые внезапно осознали, что на этой территории они, возможно, больше не находятся на вершине пищевой цепочки. Алиса продолжала неотрывно смотреть на рухнувшую стрелу крана, и её абсолютная, статуйная неподвижность давила на нервы куда сильнее, чем любой рывкнутый в эфир приказ. Она ждала, когда Искажение сделает свой следующий ход.

Группа замерла, до боли в висках вслушиваясь в мертвую, неестественную тишину индустриального ада, когда наручный тактический терминал Чёрного коротко и сухо завибрировал под слоем кевлара. В этом вакууме абсолютного нуля даже такой слабый, приглушенный броней звук показался оглушительным грохотом.

Саша чуть сместил фокус зрения, краем глаза считывая зашифрованный текст с тусклого экрана. Сообщение пришло от Алины по закрытому резервному каналу. Оса осталась в Оплоте, в относительной безопасности за многометровыми бетонными стенами, но сейчас её глазами были высокочувствительные сейсмические и фазовые сканеры, расставленные по внешнему периметру Холодильника.

«Траппер, внимание. Вижу на сканерах две сигнатуры. Далеко от вас, сектор 4-Б. Они ведут себя... противоестественно. Мелькают в одной точке, исчезают и через долю секунды загораются в другой. Дистанция физически невозможная для рывка даже высших Порождений. И еще — они игнорируют топологию пространства. Проходят сквозь монолитные стены замороженных цехов, где нет ни дверей, ни проломов. Слово материи для них не существует. Фазовые призраки. Будьте начеку».

Саша почувствовал, как по позвоночнику пробежал вполне реальный, обжигающий мороз, не имеющий ничего общего с климатом Холодильника. Если даже Алина, с её доступом к передовым телеметрическим системам «Эгиды», не понимала физику этих скачков, значит, штурмовая группа столкнулась с чем-то за гранью их привычного понимания Бездны. Он медленно, плавно, стараясь не выдать себя ни единым резким движением, перевел взгляд на Алису и коротким, выразительным жестом указал на мерцающий экран терминала.

Алиса, не меняя своей окаменевшей позы, едва заметно кивнула. Она уже знала это. Или, скорее, чувствовала своим нутром. Воздух в вывернутом наизнанку цеху стал будто еще холоднее, пробивая даже спасительный климат-контроль тяжелой брони, а ломаные тени между обледенелыми несущими колоннами начали казаться неестественно плотными, почти осязаемыми.

— Значит, Умник прав, это они, — голос Алисы в закрытом тактическом эфире прозвучал как шорох крошащегося стекла. — Фазовые призраки здесь. И они не ждут нас. Они карают кого-то другого. Или уже нашли в торосах то, ради чего вылезли из эпицентра Искажения.

Она плавно, без единого лишнего движения проверила затвор своей магнитной винтовки, и этот короткий, сухой лязг досылаемого шлакового заряда прозвучал в мертвой тишине Холодильника как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор.

— Идем через ассимилированный недострой, — скомандовала Вдова. — Спец, Кот — идете в авангарде, полная зачистка первого яруса. Макар, на тебе лестничный пролет, кроешь репитером сектора обстрела. Чёрный, Форс — уходите по балкам на второй уровень, работаете с высоты. Остальные — в центре, бережем Умника и Фотона как зеницу ока. Режим «тишины», гасите сервоприводы и дыхание. Если Оса права, мы сейчас будем охотиться на то, что в принципе не подчиняется законам топологии и физики.

отряд пришел в движение. Десять закованных в композит фигур скользнули вперед бесшумно, словно сами стали неотъемлемой частью этой густой, пронизанной токсичным холодом мглы. Саша, неслышно поднимаясь по искривленной, местами вдавленной в саму себя бетонной лестнице вслед за Форсом, всё еще видел перед глазами мерцающий текст сообщения Алины.

«Проходят сквозь монолитные стены».

В Пустоте это могло означать только одно — очень скорую, чудовищную смерть для любого, кто расслабится хоть на долю секунды. Тот, кто способен игнорировать вывернутую материю, с такой же легкостью может материализовать свою руку прямо внутри твоей грудной клетки, разорвав сердце в клочья.

Чёрный замер в густой, поглощающей свет тени, намертво вжавшись закованным в броню плечом в ледяную бетонную опору второго яруса. Он выбрал позицию математически выверенно, так, чтобы ни один случайный тепловой след или блик от оптики не выдал их присутствие тем, кто мог прямо сейчас наблюдать за ними из черных, зияющих провалов окон соседнего корпуса. Алиса находилась ярусом ниже, но Чёрный, чьи инстинкты были до предела обострены Искажением, кожей чувствовал каждое выверенное движение штурмовой группы внизу.

Они оба неотрывно смотрели на заброшенные, скованные метровым сизым льдом промышленные пути, заваленные искореженным металлом. Охотники и их неизвестные цели оказались заперты в одном лабиринте, и таймер до первого выстрела уже пошел на секунды.

Мертвая тишина Холодильника была обманчивой, насквозь пропитанной скрытой угрозой. С первого яруса, где по флангам рассредоточились Вольные, доносились едва уловимые, искаженные акустикой звуки: приглушенный шепот Стилета и Тихого, короткий, сухой щелчок магнитных фиксаторов на броне Форса. Эти звуки вплетались в монотонный, ледящий душу гул ветра, сочившегося сквозь пустые пролеты вымороженного цеха.

— Ты веришь в это? — голос Алисы в личном закрытом канале связи зазвучал так тихо и близко, словно она стояла вплотную к нему, хотя Вдова находилась ярусом ниже, в центре боевого порядка. Казалось, она спрашивает не его, а саму ледяную Бездну. — Что мы можем найти там что-то... живое? Или это просто долгая дорога к очередному мемориалу из черного льда?

Чёрный не спешил с ответом. Его взгляд сквозь тепловизионную оптику продолжал методично, сектор за сектором, сканировать искривленное пространство, отмечая колыхание промерзшего синтетического брезента и неестественное движение теней у транспортного тоннеля с плазменными разломами. Наконец, он чуть скосил глаза вниз, туда, где замерла ее фигура.

— Живое или мертвое — в Стеклянных торосах разницы мало, — сухо ответил Траппер, и в его голосе проступила жесткая, лишенная иллюзий рассудительность. — Важно только то, сможем ли мы это контролировать, когда найдем. Ты сейчас думаешь о Максе и его жетонах, а я смотрю на этих троих.

Он чуть заметно кивнул в сторону нанятых Вольных, чьи силуэты, затянутые в кустарные комбинезоны, сливались со мраком первого этажа.

— Посмотри на них внимательно. Они работают слишком чисто для обычных бродяг с окраин Оплота, у которых за плечами нет и пары серьезных рейдов в глубокую фазу. Ни одного лишнего жеста, идеальное прикрытие слепых зон, абсолютная синхронность... Они работают в тактической связке, как элитные цепные псы, Алиса. Ты видела сотни новичков и дилетантов, и ты сама знаешь — так не бывает. У них нет паники, только выверенный инстинкт убийц.

Алиса нахмурилась. Даже сквозь визор её шлема Чёрный будто видел, как её взгляд стал еще жестче, приобретая знакомый хищный блеск. Она не стала открыто поворачиваться к Вольным, но Траппер заметил, как напряглась её рука в кевларовой перчатке на цевье штормового автомата. В Искажении такая аномальная боевая слаженность «случайных» попутчиков пугала не меньше, чем фазовые призраки на экранах детекторов. Это значило, что у каждого их выверенного движения есть своя, скрытая цель, о которой остальная группа «Эгиды» может даже не догадываться.

Чёрный не сводил глаз с сектора обстрела, но его слова в эфире предназначались только ей. В них не было воспаленной паранойи — только холодный, кристаллизованный опыт человека, который выжил там, где другие становились лишь сухими строчками в системных некрологах.

— Я не утверждаю, что они стопроцентные враги, — произнес он так тихо, что его голос слился со статикой в нейроинтерфейсе. — Я просто говорю, что беру их на прицел. Каждый их жест, каждый выход в эфир, каждое смещение с позиции — под моим контролем. Ты веди отряд, это твои люди, твоя операция. А я буду твоей тенью. И если кто-то из этих Вольных вдруг решит, что «Прототип-7» или чужой контракт дороже нашей с тобой жизни... они не успеют даже моргнуть.

Алиса промолчала, обдумывая услышанное. Она слишком хорошо знала стиль Чёрного — он никогда не доверял тем, кто не прошел с ним сквозь ад Некрополя. Да и тогда Траппер всегда оставлял за собой право на последний, превентивный выстрел. В этом мире это была не жестокость. Это была базовая гигиена выживания.

— Принято, — едва шевельнув пересохшими губами, ответила она в канал. — Делай свою работу. Но сейчас их стволы — часть нашей огневой мощи. А она нам скоро очень понадобится.

Чёрный посмотрел вниз, сквозь хитросплетение ржавых, покрытых изморозью стальных балок. Там, в ледяном полумраке первого яруса, Стиллет как раз проверял ход затвора своей винтовки. Движение было коротким, пугающе экономным. Внезапно вольный траппер замер и медленно, не поднимая оружия, задрал голову в глухой маске точно туда, где во мраке второго яруса скрывался Чёрный. Словно он кожей, сквозь все слои углеродной брони, почувствовал направленный на него оптический прицел — чутьё у Стиллета было отменное, по-настоящему звериное.

Их взгляды скрестились сквозь разделявшую их густую, промерзшую тень цеха. Чёрный едва заметно, почти дружелюбно кивнул ему, сохраняя под визором абсолютную маску спокойствия, но в голове уже сработал холодный тактический счетчик: «Держит магнитную винтовку за цевьё левой рукой, готов к мгновенному развороту на 180 градусов. Локти плотно прижаты к броне, центр тяжести смещен вниз. Профессионал. Слишком хороший профессионал для обычного траппера с окраин».

Этот короткий, безмолвный контакт расставил всё по своим местам. Внизу, во мраке первого яруса, стоял не просто вольный бродяга, ищущий легкой наживы в Холодильнике, а смертоносная боевая единица, заточенная на мгновенную ликвидацию любой угрозы. И Чёрный хладнокровно занес профиль Стиллета в свою внутреннюю ментальную картотеку под красным грифом «Особо опасен».

— У нас гости, — голос Тихого в нейроинтерфейсе прозвучал как шелест замерзшего пепла, почти неразличимый на фоне статического шума Искажения.

В районе заброшенного транспортного депо, среди нагромождения вмерзших в лед искоженых товарных вагонов, на долю секунды мелькнул неестественный отсвет. Короткий, как предсмертная судорога, всплеск тактического инфракрасного луча — и снова глухая, плотная, поглощающая свет темнота. Но профессионалам хватило и этого микроскопического сбоя в маскировке.

— К бою, — голос Алисы в эфире мгновенно утратил любые человеческие нотки, превратившись в сухой, безжалостный командный инструмент. — Форс, Чёрный — цели на крыше ангара. Макар, Спец, Кот — работаете по фронту, сектор депо. Остальные — глухая оборона, кроете техников.

Чёрный намертво вжал в плечо приклад своей тяжелой магнитной винтовки — глубоко модернизированного комплекса «Выхлоп-М», переделанного под разгон бронебойных шлаковых стержней. Оружие было циклопически тяжелым и промерзшим насквозь, от него исходил едва уловимый, родной запах оружейной синтетики, озона и запекшейся крови. Массивный ствол с блоком электромагнитных компенсаторов, больше похожий на толстый черный тубус, замер, вытянувшись в сторону путей. В этом монстре была своя, особая философия: он не грохотал на всю Пустоту, он с тихим, зловещим шелестом вгонял смерть прямо в цель, не оставляя броне ни единого шанса.

В районе депо снова мелькнул блик — короткий, едва уловимый тепловой контур или отблеск чужой оптики сквозь ледяную крошку. Чёрный отключил сервоприводы экзоскостюма и затаил дыхание, физически превращаясь в часть обледенелой бетонной опоры. Сердце замедлило бег, переходя в снайперский ритм. В тепловизионном прицеле высокого разрешения про-

мерзжий мир стал контрастным, ядовито-зеленым, полным острых геометрических изломов и глубоких, черных теней.

Он плавно, подчиняясь лишь мышечной памяти, повел тяжелым стволом, методично сканируя рваную, покрытую торосами линию крыши. Миллиметр за миллиметром. Секунды растянулись в тягучую бесконечность холода, пока, наконец, в перекрестье не замерло нечто инородное.

Есть.

Две тени на покрытой ледяными торосами крыше депо двигались неестественно плавно, без дерганой суеты, характерной для бандитов или даже элитных Легатов. Они буквально перетекали из одной густой тени в другую, будто сами были сотканы из токсичного тумана и вывернутой наизнанку материи этого проклятого места.

На них были длинные, поглощающие свет плащи из неизвестного плотного полимера — тяжелого, матового, совершенно не дающего бликов. Судя по всему, снаряжение этих фазовых призраков полностью экранировало их температуру: высокочувствительный тепловизор Чёрного видел их лишь как едва заметные, размытые аномальные пятна, которые были всего на долю градуса теплее промерзшего до обледеневшего бетона.

— Вижу двоих. Крыша депо, левый край, — доложил Чёрный по закрытому локальному каналу шепотом, который показался оглушительным в его собственном нейроинтерфейсе.

Палец в толстой композитной перчатке привычно, до мышечной памяти знакомо лег на ледяной металл спускового крючка. Алиса ярусом ниже, укрывшись за обледенелым штабелем промышленных контейнеров, дважды моргнула нейро-датчиком — приняла. В этом тактическом подтверждении не было звука, только короткий цифровой импульс, означающий: отряд на позиции.

Чёрный краем глаза заметил, как внизу Стилет чуть сместился в сторону. Вольный сделал это виртуозно, бесшумно, занимая позицию, с которой простреливался не только искривленный вход в депо, но и весь сектор второго яруса, где затаились Чёрный и Форс. Очередная случайность? В Искажении такие «совпадения» обычно заканчивались шлаковым зарядом в затылок.

Но эргономика тяжелого «Выхлопа-М» и измененная Пустотой нервная система позволяли Трапперу контролировать две плоскости почти одновременно: пространственный призрачок был намертво зажат в перекрестье прицела, а Стилет внизу — четко зафиксирован в подсознании. Чёрный был готов перебросить ствол и прошить вольного насквозь за долю секунды.

В индустриальном аду Холодильника воцарилась абсолютная, ватная тишина. Даже пронизывающий ветер, казалось, замерз между ангарами, не смея нарушить статус-кво перед перекрестным огнем. Воздух стал густым, до тошноты пропитанным запахом едкого озона, переохлажденной статики и синтетической смазки.

— Работаем по готовности, — ледяным тоном скомандовала Алиса.

В этот самый момент один из призраков на крыше замер, словно прислушиваясь к структурным вибрациям самой Пустоты, и неестественно плавно поднял руку к маске. В его ладони тускло, мертвенно-синим светом блеснул прибор странной, топологически искаженной формы, совершенно непохожий на стандартные тактические терминалы «Эгиды» или научного корпуса.

— Кэп, они не просто так здесь бродят, они что-то иницируют! — голос Умника в эфире дрогнул, сорвавшись на панический шепот сквозь треск помех. — У меня на пеленгаторах аномальный скачок... Фазовый фон критически растет! Прямо здесь, под нашими ногами!

Воздух в промерзшем цеху мгновенно изменил свои физические свойства, став тяжелым и вязким, как замороженная ртуть. Искривленное пространство перед глазами начало мелко, болезненно вибрировать, а в нейроинтерфейсах и в самой подкорке возник знакомый каждому ликвидатору комплекса «Мираж» тошнотворный, сверлящий зуд — верный предвестник мощного направленного фазового удара, который превращает человеческий мозг в кровотокающую кашу быстрее, чем крупнокалиберная пуля.

— Чёрный, снимите их! — выдохнула Алиса. Она согнулась, судорожно хватаясь за тяжелый композитный шлем, словно пыталась удержать разлетающееся на куски от фазового резонанса сознание.

Чёрный действовал в состоянии, математического холода. Благодаря «Слезе Пустоты» он не чувствовал сверлящего давления в висках — для него искаженный мир сузился до ядовито-зеленого окуляра тепловизора. Он поймал голову первого пространственного Призрака в перекрестье. Матовый полимер капюшона на долю секунды замер.

Мягкий, выверенный спуск.

Тихий, сухой шелест электромагнитных катушек «Выхлопа-М» почти утонул в нарастающем фазовом гуле, лишь монструозный ствол едва ощутимо качнул воздух цеха. Тяжелый броневой шлаковый стержень с утробным свистом прошел вывернутое пространство. Кинетический удар был сокрушительным: заряд буквально развалил голову цели, превратив её в облако кровавого крошева вперемешку с осколками поглощающей маски. Черная фигура взметнулась ломаным веером, на мгновение нарушая законы гравитации, и тяжелым мешком рухнула вниз, исчезая в темном, скованном льдом провале внутреннего двора депо.

Второй Призрак среагировал со сверхчеловеческой, невозможной для базовой физики скоростью. Он не стал оглядываться или искать снайпера — он просто исчез, смазанным, мерцающим фазовым скачком перетек за парапет обледенелой крыши ровно за мгновение до того, как Чёрный успел перевести прицел.

Гул в подкорке не утих, а лишь сменил тональность, перейдя в режущий ультразвук. Внизу, на первом ярусе, кто-то из техников сдавленно вскрикнул сквозь зубы. Чёрный, не снимая пальца со спуска, боковым зрением зафиксировал: Стилет в этот момент даже не шелохнулся от ментальной боли. Вольный трапшер стоял, намертво вцепившись в магнитную винтовку, и его немигающий взгляд сквозь визор был направлен точно туда, куда только что рухнуло тело первого Призрака.

— Минус один, — ледяным тоном доложил Чёрный. Пальцы привычно и почти бесшумно скользнули по рукояти затвора, отводя его назад и возвращая на место. Новый тяжелый заряд лег в приемник без лишнего лязга — винтовка снова была готова сеять тихую смерть. — Второй совершил скачок. Отряд, внимание! Они знают наши позиции.

Внизу, в самом промерзшем чреве депо, что-то глухо, утробно бухнуло, словно разорвалась вакуумная бомба. Из искаженных воронками оконных проемов и дверных щелей повалил густой, пульсирующий фиолетовым неоном дым. Он не рассеивался ледяным ветром, а тяжелым, неестественно плотным ковром стелился по покрытым инеем бетонным плитам, игнорируя законы аэродинамики.

— Стиллет, Форс — кроете левый фланг! — сорвалась на жесткий командный крик Алиса, перекрывая нарастающий резонанс в эфире. — Спец, Кот — за мной в прорыв! Макара, дави их огнем!

В следующую долю секунды Индустриальный ад окончательно проснулся, захлебываясь в хаосе бойни. Заревел роторный репитер Макара — длинные, яростные очереди из прессованного шлака заливали депо кинетическим шквалом, выбивая снопы ослепительных искр из вмерзших вагонов и кроша в пыль лед с бетоном.

Но ответ пришел не в виде привычного грохота пороховых автоматов. Со стороны уцелевшего Призрака донеслись странные, хлесткие, схлопывающиеся звуки, от которых воздух вокруг бойцов «Эгиды» словно рвался на куски. Это был звук работы лучевых фазовых деструкторов — парадоксального оружия, бьющего не столько по кинетической броне, сколько прямо по нервным узлам и рассудку.

— Началось, — беззвучно прошептал Чёрный одними губами, снова намертво прирастая к окуляру и методично выискивая тепловой след второй цели в этом пульсирующем фиолетовом мареве. — Теперь посмотрим, кто из вас, вольные ребята, первый развернет ствол нам в спину.

Первая кровь на границе Рубежа была пролита. И стало кристально, пугающе ясно: эти фазовые Призраки используют экипировку и оружие, которые были не по карману ни элитному научному корпусу Легасова, ни даже высшему генералитету Оплота. Это были вывернутые технологии совершенно иного, недоступного человечеству уровня.

Ментальное давление нарастающего фазового резонанса становилось невыносимым. Фон продолжал экспоненциально расти, превращая скоротечный огневой контакт в сюрреалистичный, скованный льдами кошмар. Умник, намертво вжавшись в растрескавшуюся несущую стену, сквозь плотно стиснутые зубы изрыгал проклятия, пытаясь трясущимися в толстых перчатках пальцами откалибровать фазовые пеленгаторы. Экраны приборов захлебывались паническим писком, не выдерживая запредельной топологической нагрузки Искращения.

Фотон, штатный медик отряда, на своем веку повидавший сотни разорванных когтями тел, заметно побледнел под прозрачным визором. Его руки, обычно хирургически точные при введении коагулянта, сейчас непроизвольно дрожали от спазмов. Он физически чувствовал, как реальность вокруг начинает двоиться, а очертания промерзших бетонных колонн — плыть и изгибаться, превращаясь во что-то живое, дышащее и бесконечно враждебное.

Чёрный сквозь ядовито-зеленую оптику зафиксировал, как бронированный Макар на секунду сбился с огневого ритма, тяжело тряхнув тяжелым шлемом, будто отгоняя впившееся в подкорку насекомое. Фазовый удар Призраков потрошил их сознание, безжалостно вытаскивая наружу самые глубокие, первобытные страхи, пока пульсирующий фиолетовый туман внизу продолжал поглощать пространство, укрывая в себе тех, чья физика не знала жалости.

Внизу, в самом ледяном пекле вывернутого депо, роторный репитер Макара огрызался короткими, яростными очередями, выплевывая потоки прессованного шлака. Он тщетно пытался кинетической мощью заглушить чужеродные, схлопывающиеся хлопки лучевых деструкторов. Кот и Спец, работая в идеальной синхроне, уже рванули в прорыв, перекатами и короткими рывками перемещаясь от одного вмерзшего в бетон остова к другому. Стиллет и Форс методично, с ледяным профессионализмом зачищали левый фланг, а Тихий окончательно растворился в густых тенях Холодильника, став бесплотным, невидимым на сканерах предвестником смерти.

Чёрный лихорадочно сканировал изломанную геометрию крыши через окуляр, пытаясь отыскать второго Призрака. Но тот будто стерся из самой реальности, дематериализовавшись в фиолетовом дыму, который теперь валил из черных провалов ворот депо плотной, непроницаемой стеной. Этот фазовый туман вел себя парадоксально: он не поднимался вверх, а тяжелым, вязким пластом стелился прямо по мерзлому шлаку. Даже на высоте второго яруса от его свечения начинало нестерпимо ломить виски, а во рту расцвел отчетливый, тошнотворный привкус жженой меди и переохлажденного озона.

— Чёрный! — голос Алисы в нейроинтерфейсе дрожал от колоссального нервного перенапряжения. — Что там внизу в секторе?! Дым... что это за дрянь лезет из ворот?!

Чёрный переключил режим прицела, комбинируя тепловизор с фазовым сканером. Сквозь пульсирующую фиолетовую пелену антиматерии оптика начала выхватывать множественные силуэты. Движения этих фигур были неестественно дергаными, рваными, напрочь лишенными человеческой моторики и инстинкта сохранения баланса на льду. Это не было похоже на стремительную атаку высших Порождений или выверенный тактический натиск Легатов.

— Стертые, — глухо выдохнул Траппер в микрофон, чувствуя, как внутри, вытесняя даже холод Холодильника, расплзается первобытный лед. — Но это не обычные бродяги из Пустоты. Они... они в термокомбине зонах научного корпуса. Их там с десятков!

Из фиолетовой, искрящейся статикой мглы начали проступать первые фигуры. Шатаясь, с дико запрокинутыми головами и пустыми, выжженными Искажением глазами, они брели прямо на позиции группы. Их скрюченные, обмороженные до черноты пальцы тянулись вперед. Разорванные когтями, залитые застывшей фосфоресцирующей кровью и техническими жидкостями белые защитные комбинезоны лаборатории Легасова тяжело полоскались на ледяном ветру, превращая пропавшую экспедицию в армию живых мертвецов.

Когда первая изломанная фигура попала в фокус тепловизора, Чёрный почувствовал, как по позвоночнику хлестнул разряд статического электричества. Лица. Эти вымороженные, покрытые коркой сизого льда лица были ему знакомы по голографическим доске из штабных папок. Это были научные сотрудники из пропавшего экспедиционного краулера профессора

Громова — те самые люди, которых группа Алисы должна была найти и вытащить живыми из этого абсолютного нуля.

— Кэп, это они... — голос Траппера в закрытом эфире прозвучал так же мертво, как скованный льдами пейзаж вокруг. — Экспедиция Громова. Но спасти там больше некого. Искажение уже выпотрошило их изнутри, оставив только пустые, агрессивные оболочки.

Теперь перед ними стояла не задача по эвакуации, а чудовищная, кровавая необходимость уничтожить тех, ради кого они рискнули спуститься в Индустриальный ад Холодильника. Фазовый резонанс продолжал нарастать, превращая каждый вдох переохлажденного воздуха в ментальную пытку, а приближающиеся фигуры в истерзанных термокомбинезонах казались в этом фиолетовом тумане призрачными палачами, вернувшимися за своими несостоявшимися спасителями.

Их выжженные глаза светились тусклым, мертвенно-неоновым светом, пульсируя в такт нарастающему фону, а из разорванных морозом глоток вырывалось низкое, утробное рычание, больше похожее на скрежет ломающихся шестеренок. В скрюченных пальцах они сжимали нелепые обломки дорогостоящей аппаратуры — искореженные фазовые антенны, острые, как бритва, куски полимерных корпусов, которые теперь превратились в примитивное, но смертоносное оружие.

— Какого черта?! — Кот отшатнулся, едва не потеряв равновесие на обледенелом рельсе, сервоприводы его брони натужно взвыли. — Это же... это же сам профессор Громов! Я помню его в Оплоте!

— Они под прямым контролем! — голос Умника в нейроинтерфейсе сорвался на панический фальцет. — Источник фазового излучения где-то внутри депо! Он держит их на поводке и управляет ими, как куклами из мяса и льда!

Макар, хоть и повидал в Бездне всякое, на долю секунды застыл, словно парализованный. Массивный ствол его роторного репитера мелко подрагивал, описывая дугу перед шеренгой когда-то гениальных умов научного корпуса, которые теперь превратились в бездушную биомассу.

— Огонь по ногам! — скомандовала Алиса, первой пробив лед ментального шока. В её голосе снова зазвенел безжалостный металл. — Не убивать! Попытаться перебить суставы и оглушить! Чёрный, найди второго Призрака! Он кукловод, он где-то здесь!

Но эти Стертые не имели ничего общего с медлительными, полуразложившимися бродягами, бесцельно скитающимися у границ комплекса «Мираж». Искажение влило в них парадоксальную энергию: они двигались пугающе быстро, ломаными фазовыми рывками, полностью игнорируя инерцию, гравитацию и пронизывающий холод.

Один из них — высокий седой исследователь, который еще месяц назад читал лекции в бункере «Модуля Вектор» и консультировал офицеров «Эгиды» — с жутким, рвущим связки стоном налетел на Спеца. Он пытался с нечеловеческой силой вонзить зазубренный обломок хромированной антенны прямо в уязвимое сочленение кинетической брони штурмовика.

Чёрный на втором ярусе полностью абстрагировался от первобытного хаоса, творящегося внизу. Сдавленный крик Спеца, оглушительный грохот репитера Макара, выбивающего ледяную крошку из бетона под ногами ученых — всё это стало для Траппера лишь незначительным фоновым шумом. Его глаза, слившиеся с высококласной оптикой «Выхлопа-М», методично, миллиметр за миллиметром сканировали каждый темный, вывернутый наизнанку угол депо, каждую щель в промерзшей кладке.

Пространственный Призрак не мог просто раствориться в антиматерии. Он был главным режиссером в этом гротескном, ледяном спектакле. Чёрный чувствовал его присутствие затылком — тот затаился где-то в самом эпицентре пульсирующего фиолетового тумана, направляя слепую ярость Стертых.

«Где же ты, тварь...» — монотонно билось в скованной холодом голове Чёрного.

Он перевел тепловизор на верхние технологические мостки внутри ангара, где между старыми, вмержшими в свод кранами еще сохранялись островки непроницаемой, поглощающей свет тени. Палец на ледяном спусковом крючке не дрожал, но ладонь внутри композитной перчатки стала неприятно влажной. Траппер знал абсолютную истину: если не выбить мозги этому кукловоду в черном плаще прямо сейчас, отряд Алисы просто захлебнется в крови тех, кого они давали присягу защищать.

Чёрный увидел его. Фазовый Призрак замер на покрытой сизым льдом погрузочной платформе, метрах в пятидесяти от проломанных ворот, полускрытый истерзанным остовом тяжелого промышленного транспортера. В руках кукловод сжимал тот самый топологически искаженный прибор, мерцающий мертвенным светом.

В этот момент в голове Чёрного, пробиваясь сквозь сводящий челюсти фазовый резонанс, вспыхнула кристально четкая голограмма с закрытого брифинга Корчагина. Это был он. Тот самый «Прототип-7». Экспериментальный мобильный фазовый деструктор, который приказали вернуть в Оплот любой ценой. Пазл сложился. Стало предельно ясно, почему пропавшая экспедиция профессора Громова превратилась в Стертых-марионеток — Прототип не просто подавлял волю, он на квантовом уровне перехватывал управление нервной системой и моторикой, превращая гениальных исследователей в безжалостное, слепое живое оружие.

— Вижу кукловода! — выдохнул Чёрный в общий тактический эфир, лихорадочно доводя тяжелый ствол магнитной винтовки. — Платформа, центр депо! Цель у него в руках! Тот самый излучатель, за которым нас послали!

Но Искажение не собиралось отдавать свой козырь так просто. В этот самый момент один из Стертых — сам профессор Громов, чье лицо превратилось в застывшую маску агонии — с нечеловеческим, механическим рыком метнул что-то в сторону снайперской позиции на обледенелых мостках второго яруса. В воздухе, тускло мерцая фиолетовым неонам, пролетел нестабильный кристаллизованный изолят.

Снаряд с хрустом врезался в промерзшую бетонную опору прямо за спиной Чёрного. В ту же секунду локальная реальность схлопнулась и взорвалась ослепительной вспышкой — сдетонировал плазменный крио-разряд.

Мощнейшая дуга прошла арматуру и ударила Трапперу прямо в правое плечо, пробивая кевлар и изолирующие полимеры. Тело свело жесточайшей судорогой. Циклопически тяжелый «Выхлоп-М» выпал из мгновенно онемевших пальцев и с гулким лязгом заскользил по покрытой гладким льдом плите, чудом не сорвавшись вниз. Чёрный рухнул на одно колено, чувствуя, как рука от плеча до кисти превращается в кусок парализованного, неживого мяса, а в подкорке звенит разлетающимся на тысячи осколков стеклом.

— Чёрный! Статус! — голос Алисы в нейроинтерфейсе пробился сквозь помехи, полный обжигающей тревоги.

— Правая рука... — прохрипел он сквозь стиснутые зубы, отчаянно пытаясь сфокусировать зрение сквозь визор на расплывающейся фигуре Призрака. — Зацепило плазмой. Отказ моторики. Но «Семерка» у него, Алиса! Если мы упустим этого кукловода сейчас — Прототип растворится в Пустоте навсегда!

Боковым зрением он увидел, как Стертый Громов уже карабкается по обледенелой технической лестнице к нему на ярус. Искажение гнало свою марионетку вверх: переломанные, покрытые инеем суставы ученого перебирали железные ступени с неестественной, паучьей скоростью. Профессор был всего в нескольких метрах, и его выжженные, пульсирующие холодным светом глаза, в которых не осталось ни единого микрона человечности, были намертво зафиксированы прямо на безоружном Чёрном.

Волк в овечьей шкуре

Внизу Стилет, мгновенно считав критическую расстановку сил, резко развернулся. Его глаза под визором сверкнули холодным, расчетливым блеском. Он коротким, рубленным жестом отдал Форсу и Тихому команду, и те, не медля ни доли секунды, двинулись в сторону обледенелой позиции Чёрного, работая в идеальной тактической связке и намертво перекрывая друг другу слепые зоны.

Этот момент стал окончательной точкой над «i». Когда плазменный крио-разряд взорвался в бетонную плиту, вышвырнув Чёрного из прицела, мир для него превратился в калейдоскоп из ослепительных искр, жгучей боли и накатывающей тошноты от фазового резонанса. Правая рука, только что уверенно сжимавшая цевьё, превратилась в кусок парализованного, вибрирующего мяса. Тяжелый «Выхлоп-М» — его единственный весомый аргумент в этом аду — с гулким звоном отлетел к самому краю скованного льдом обрыва.

Сквозь мутную пелену в глазах Чёрный видел, как пространственный Призрак на платформе медленно, почти торжественно поднимает «Прототип-7», наводя раструб излучателя прямо на мостки второго яруса. Кукловоду требовалась всего пара секунд, чтобы инициировать импульс и выжечь мозги снайперу, пока тот беспомощно глотал ртом переохлажденный воздух.

— Чёрный, в укрытие! — сорванный голос Стилета донесся снизу, перекрывая гул нестабильной аномалии и свист фазового поля.

Он не стал дожидаться официального приказа Алисы или координировать действия по общим каналам отряда. Стилет рванул вверх по ржавой, покрытой толстым слоем инея технической лестнице с такой невероятной скоростью, будто по его следу шла голодная стая Бес-

тий. Следом Форс на ходу вскинул свою магнитную винтовку, методично всаживая бронебойный заряд за зарядом в кинетический щит Призрака, заставляя того на драгоценное мгновение спрятать голову. Тихий же, полностью оправдывая свое прозвище, просто растворился в густых тенях первого яруса, заходя со стороны вмерзших вагонов для удара во фланг.

В этот же миг на ярус ворвался Стертый Громов. Профессор-марионетка с механическим рычанием замахнулся обломком антенны, готовый добить снайпера, но Стиллет, взлетевший на платформу последним, нечеловеческим рывком, перехватил инициативу. Не сбавляя сумасшедшего темпа, он нанес короткий, профессиональный удар прикладом прямо в челюсть ученого, а затем добавил жесточайший удар усиленным коленом в корпус. Громов, чьи рефлексy были заменены прямыми фазовыми командами, просто не успел среагировать — его тело обмякло, и он рухнул на бетон, окончательно выключенный из уравнения боя.

Стиллет запрыгнул к Чёрному в тот самый момент, когда Траппер отчаянно пытался дотянуться левой рукой до соскользнувшего «Выхлопа». Вольный буквально сбил Чёрного с ног, накрывая своим телом в углеродной броне и с силой вдавливая в ледяную крошку. В ту же секунду над их головами с шипением вакуума пронесся беззвучный луч фазового деструктора. Монолитная бетонная стена за их спинами мгновенно задымилась, рассыпаясь в мертвую, выжженную труху.

Чёрный лежал, чувствуя кожей жар чужого тела — редчайшее явление в Холодильнике — и едкий запах оружейной синтетики. Его параноидальные подозрения подтвердились на двести процентов: такая скорость реакции и такая феноменальная слаженность в критический момент не могли принадлежать простому бродяге-одиночке. Стиллет действовал как элитный штурмовой оперативник, для которого спасение союзника под перекрестным огнем было вбитым в спинной мозг маневром.

— Живой, Траппер? — Стиллет хищно оскалился, его лицо под маской оказалось в паре сантиметров от визора Чёрного. В его глазах не было ни капли того настороженного подозрения, которое Саша питал к нему весь путь. Там горел только злой, колющий азарт человека, который чувствует себя в своей родной стихии именно тогда, когда всё вокруг летит в ледяную Бездну.

Он не стал ждать ответа. Перекатившись на бок, Стиллет схватил тяжелый «Выхлоп-М» за ствол и резким движением подтянул винтовку к Чёрному. Одновременно с этим он выхватил из набедренной кобуры свой массивный магнитный короткоствол и открыл беглый, плотный огонь на подавление по платформе, заставляя Призрака вжаться в обломки транспортера и не давая ему снова поднять излучатель.

— Форс, дави его! — проорал Стиллет в тактический эфир, легко перекрывая грохот бойни. — Кэп, мы держим снайпера! Занимайтесь яйцеголовыми!

Внизу Алиса, увидев, что её лучший стрелок жив, мгновенно перестроила тактику отряда. Спец и Кот сработали по жесткой армейской классике: в сторону наступающих Стертых профессоров полетели импульсные свето-кинетические гранаты. Оглушительные хлопки и яростные стробоскопические вспышки на мгновение перегрузили выжженные рецепторы несчастных, давая тяжелой пехоте «Эгиды» возможность пойти на жесткое сближение. Они начали валить ученых на промерзший шлак, сбивая их с ног мощными ударами бронированных прикладов по суставам, изо всех сил стараясь не открывать огонь на поражение.

— Чёрный, статус! — голос Алисы в нейроинтерфейсе дрожал от смеси адреналина и того самого льда, который сейчас сковывал всё вокруг. В её интонациях пробивался страх, который она не могла спрятать за уставом «Эгиды».

— Живой я... — прохрипел Чёрный, чувствуя, как невыносимое покалывание в пальцах сменяется острой, пульсирующей болью. Чувствительность медленно возвращалась вместе с жаром, который казался инородным в этом Индустриальном аду. — Стилет вытащил.

Чёрный покосился на вольного. Тот сидел на корточках за обледенелой бетонной колонной, пугающе спокойно, почти механически меняя магнитную батарею в своем короткостволе. В этой вымороженной Пустоте, где каждый сам за себя, Стилет мог оставить его там. Мог дождаться, пока Призрак выжжет Трапперу мозги «Семеркой», и просто забрать элитную винтовку с редкими шлаковыми зарядами. На границе Рубежа это было нормой, естественным отбором. Но этот человек рискнул собственной шкурой ради того, кто весь путь держал его на мушке своего подозрения.

— Почему? — коротко спросил Чёрный. Он перехватил тяжелое цевьё «Выхлопа-М» уцелевшей левой рукой, готовясь к рывку на смену позиции.

Стилет на секунду перестал улыбаться. Его взгляд из-под визора на мгновение стал глубоким и непомерно тяжелым; он скользнул по фигуре Алисы, которая внизу сейчас рисковала собой, пытаясь скрутить обезумевших Стертых ученых, намертво заклинив их суставы и не пуская в ход свинец.

— Потому что в этой ледяной Бездне либо мы все выберемся за периметр Оплота, либо никто, — ответил он, и в его голосе проступила холодная сталь профессионала высшего эшелона. — А ты нам еще нужен, чтобы всадить шлаковый стержень в того ублюдка на платформе. Работай, Траппер. Мы его отвлечем.

В этот момент Тихий, окончательно оправдывая свое прозвище мастера скрытности, подобрался к погрузочной платформе с тыла, скользя между вмерзшими в лед конструкциями как сама тень Искажения. В воздух взметнулась фазовая дымовая шапка, и густой, неестественно серый дым мгновенно поглотил Призрака вместе с его «Прототипом-7». Фазовое излучение на мгновение ослабло — кукловод потерял визуальный контакт с целями и на долю секунды замешкался в этом антиматериальном мареве.

— Сейчас! — Стилет резко хлопнул Чёрного по здоровому плечу.

Чёрный попытался вскинуть монструозный «Выхлоп-М», но правая рука отозвалась такой резкой, разрывающей болью, будто в кости одну за другой вбивали раскаленные добела иглы. Ствол винтовки, весивший в обычное время около семи килограммов, сейчас казался неподъемной чугунной рельсой, выкованной в самом сердце Некрополя. Кончик массивного магнитного компенсатора предательски гулял, описывая в воздухе нелепые, рваные круги.

— Проклятье... — выдохнул он сквозь плотно сжатые зубы, чувствуя, как под шлемом по лбу катится холодная капля пота. — Руку не чувствую. Совсем. Мышцы не держат.

Дым от фазовой шашки Тихого на обледенелой платформе начал стремительно редеть, разрываясь серыми клочьями на ледяном сквозняке. Чёрный видел в тепловизоре размытый, мерцающий силуэт пространственного Призрака.

Тот действовал пугающе быстро и нечеловечески точно: он не стал дожидаться, пока снайперская позиция на мостках восстановится, или пока Форс возьмет его в прицел. Свернув «Семерку» в считанные секунды и закинув её за спину, враг просто шагнул назад, в густую, поглощающую свет темноту вымороженного депо. Он дематериализовался в тенях так же бесшумно и парадоксально, как и появился, проигнорировав законы физики.

Чёрный попытался нажать на ледяной спуск левой рукой, неловко перехватив приклад, но толстая композитная перчатка соскользнула с металла. Выстрела не последовало. Мертвая тишина искривленного цеха лишь подчеркнула его бессилие.

— Ушел, мразь... — прохрипел Траппер, опуская ствол на покрытый инеем бетон. Магнитный компенсатор звякнул о ледяную крошку, а сам Чёрный обессиленно откинулся бронированной спиной на колонну.

Внизу, в промерзшем чреве депо, фазовое давление исчезло так же внезапно, как и обрушилось. Тошнотворный, сверлящий зуд в подкорке сменился звенящей, вакуумной пустотой, от которой закладывало уши. Стертые ученые, лишившись своего кукловода и ментальной подпитки от Прототипа, разом обмякли, словно механические марионетки, у которых Искажение одновременно перерезало все нити.

Те, кого Спец и Кот не успели скрутить или жестко повалить на лед, просто тяжело рухнули на бетон там, где стояли. Вымороженный воздух наполнился звуками тяжелого, булькающего кашля — люди начали медленно приходить в себя, содрогаясь от пережитого квантового ужаса. Профессор Громов лежал неподалеку от обледенелой лестницы; его тело в изодранном термокомбинезоне подергивалось в жестоких конвульсиях, а из горла вырывался тихий, жалобный стон.

Стилет, всё еще стоявший рядом с Чёрным на ярусе, медленно опустил дымящийся магнитный короткоствол. Он посмотрел вниз на копошащихся в сизом полумраке исследователей, затем перевел взгляд из-под визора на пустую платформу, где еще секунду назад мерцал Призрак.

— «Семерка» ушла с ним, — Стилет зло сплюнул на бетон и протянул закованную в углепластик руку, помогая Чёрному подняться. — Но мы хотя бы не стали крошить научный корпус в капусту. Вдова будет довольна... если в этом аду вообще можно быть чем-то довольным.

Внизу послышался хруст тяжелых ботинок Алисы. Она уже приподняла за ворот ближайшего к ней профессора, быстро проверяя реакцию его расширенных зрачков, и одновременно сканировала темноту депо черным стволом магнитной винтовки.

Алиса стояла посреди этого ледяного хаоса, тяжело дыша через фильтры. Её матово-черный композит был испачкан в переохлажденной синтетике и бурой, фосфоресцирующей крови — один из исследователей при падении в безумном фазовом порыве сильно зацепил её куском зазубренной арматуры, глубоко пропоров кевлар на плече.

— отряд, держать периметр! — скомандовала она, хотя её голос в закрытом эфире заметно дрожал от пережитого фазового резонанса. — Макар, кроешь пролом в воротах! Фотон, Умник — к Громову и остальным! Живо, пока они не замерзли насмерть!

Стилет помог Чёрному подняться и буквально дотащил его до обледенелой технической лестницы. Они спустились на первый ярус, где их уже ждала Алиса. Вдова бросила быстрый, цепкий взгляд на правую руку Траппера, висящую в броне безжизненной плетью, а затем перевела тяжелый взор на вольного.

— Спасибо, — коротко бросила Алиса вольному трапперу. — Если бы не вы...

— Забудь, кэп, — Стилет смахнул ледяную крошку и конденсат с визора. — Мы здесь не в долги играть спустились. Но этот Призрак... он ушел в сторону транспортного коллектора, ведущего к Стеклянным торосам. И не спешите радоваться. Он не убегает. Он просто переносит шахматную доску на другое поле.

Чёрный, преодолевая тупую, пульсирующую боль в плече, подошел к одному из лежащих на льду исследователей — это был молодой лаборант корпуса, чьё бледное лицо покрыла густая фиолетовая сетка лопнувших капилляров.

— Это не полное Стирание личности, — Траппер кивнул Умнику на парня. — Это был жесткий квантовый перехват управления. Призрак использовал их как живой кинетический щит и ходячие фазовые ретрансляторы.

Умник, лихорадочно сканируя тактический терминал лаборанта, внезапно замер. Его глаза за стеклами визора округлились от леденящего осознания.

— Кэп, Чёрный... посмотрите на топологию их маршрута. Они не просто так блуждали по Холодильнику. Кукловод вел их по строго заданным геометрическим точкам. Он настраивал локальную фазовую сеть, используя нервные системы Громова и его людей как живые узлы. И последняя точка фиксации... она не в коллекторе.

— А где? — Алиса до скрипа сервоприводов сжала рукоять магнитной винтовки.

— Она прямо под нами. В старой крио-дренажной системе, — Умник дрожащим пальцем ткнул в мигающий красным маркер на экране. — Призрак не ушел в ловушку, он просто спустился под лед. Но мы за ним уже не пойдем. С помощью «Семерки» он только что развернул там плотное поле антиматерии — коммуникации заблокированы для любого биологического объекта, а сам он по нижнему ярусу уходит к Стеклянным торосам.

Вымороженный воздух в депо снова начал мелко вибрировать. Едва уловимый, зудящий гул, идущий откуда-то из-под промерзшего насквозь бетонного пола, заставил выживших ученых синхронно, жутко застонать в бессознательном состоянии. Враг был прямо под их ногами, но стремительно отдалялся по подземным коммуникациям.

Алиса посмотрела на Чёрного, затем перевела тяжелый взгляд на вольных. В её глазах, обычно холодных и расчетливых, сейчас плескалось лихорадочное отражение пережитого квантового шторма.

— Нам не нужно спускаться за ним в дренаж, — отрезала она, принимая жесткое решение. — Нам нужно отрезать ему путь к «Модулю Вектор». Мы забираем тех из экспедиции, кто способен стоять на ногах, и форсированным маршем двигаемся к наземному переходу. Устроим этому призраку очень горячую встречу на выходе из-под льда. Саша, стрелять сможешь?

Чёрный посмотрел на свою правую руку в броне. Пальцы начали понемногу слушаться, отзываясь покалыванием и возвращаясь из ледяного паралича, но о ювелирной снайперской работе с тяжелым комплексом можно было забыть минимум на час. Магнитная винтовка требовала монолитности, которой сейчас не было.

— Только с левой в ближнем бою, или из короткоствола, — ответил он честно, перехватывая и передавая массивный «Выхлоп-М» напарнику Стилета. — Форсу придется поработать на дистанции за двоих.

Стилет, стоявший рядом и внимательно слушавший внутренний эфир отряда, ободряюще, с силой хлопнул Форса по кевларовому наплечнику. Тот лишь молча, с ледяным спокойствием проверил оптику всученного ему монструозного снайперского комплекса.

— Не вопрос. Мой парень Фазовому ткачу шлаковый стержень в глаз вгоняет с восьмисот метров, — Стилет хищно оскалился, но его взгляд под визором оставался предельно серьезным. — Но учтите, «Эгида»: если Призрак внизу, через акустику ледяного дренажа он слышит каждый наш тяжелый шаг.

отряд понес первые серьезные потери — не столько физические, сколько ментальные, — но остался цел лишь благодаря парадоксальной и своевременной помощи вольных трапперов. Враг ушел под лед, скрывшись в промерзших бетонных кишках Холодильника, но его фазовое влияние всё еще висело в воздухе тяжелым, пульсирующим туманом.

Фотон закончил возиться с пробитым бронекостюмом на плече Чёрного и убрал пустой инжектор с нейро-блокатором в термо-подсумок.

— Всё, Траппер, блокатор пошел. Рука скоро онемееет, нервные узлы гореть перестанут. По крайней мере, орать в эфир не захочется. Я добавил жесткий стимулятор мышечного сокращения — она не будет висеть плетью. Будет ощущаться как чужой протез, тяжелый и дубовый. Ювелирно стрелять не выйдет, но сломать кому-нибудь челюсть в случае чего — вполне.

Алиса, которая всё это время нервно следила сквозь визор за тем, как Кот и Спец рассредоточились по обледеленному периметру депо, коротким кивком поблагодарила медика.

— Фотон, иди к ученым. Помоги Умнику, они едва на ногах держатся от переохлаждения и фазового резонанса. Нам нужно поднять их на лед и уводить.

Как только Фотон отошел к копошащимся в сизом инее исследователям, Вдова придвинулась к Чёрному почти вплотную. Её лицо под поднятым забралом было испачкано замерзшей синтетикой и фосфоресцирующей кровью, а в глазах читалось то, что она долго и мучительно носила в себе. Она быстро оглянулась на вольных, убеждаясь, что Стилет и его люди контро-

лируют свои сектора и не перехватывают локальную частоту, после чего заговорила быстро, сбивчиво, по максимально приглушенному каналу:

— Саша, я в той суматохе, когда бар «Штольц» уже накрывало системными тревогами и нас буквально пинками гнали в этот рейд, просто не успела тебе выложить... Пока ты по периметру лазил со своим «Выхлопом», в Оплот заходил полковник Звягинцев. Он искал меня лично.

Алиса смахнула холодный пот со лба тыльной стороной кевларовой перчатки, оставив на бледной коже темный след от мазута. Она говорила быстро, почти не размыкая губ, стараясь перекрыть статический гул затихающего фазового поля.

— Ты же его знаешь, он всегда спокойный, как монолитный лед. Но в тот раз... от него веяло чем-то крупномасштабным, какой-то тотальной бедой. Он будто заранее знал, что отряды «Эгиды» сейчас захлебнутся кровью в этом секторе. Он ничего толком не объяснил, просто искал меня — хотел предупредить или вытащить с собой... Я не знаю. Но если такой человек, как Звягинцев, сорвался с места в штабе, значит, за кулисами Оплота творится настоящий ад.

Чёрный слушал её, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, промерзший узел. Если Звягинцев, человек, годами предпочитавший оставаться в безопасной тени оперативных сводок, вышел на свет — значит, ставки в этой вывернутой игре выросли до небес. На фоне того, о чем шептала Алиса, «Прототип-7» казался уже не экспериментальным фазовым деструктором, а какой-то фоновой игрушкой, отвлекающим маневром в куда более глобальной и страшной схеме Искращения.

— А я уже гадал, когда же вы полковника вспомните, — раздался в эфире спокойный, чуть хрипловатый голос.

Оба бойца вздрогнули и мгновенно обернулись. Стилет стоял прямо за широкой, покрытой инеем бетонной опорой, всего в паре шагов, небрежно прислонившись к ней бронированным плечом. По его расслабленной позе и внимательному, хищному взгляду сквозь полупрозрачный визор было ясно: он каким-то образом обошел шифрование «Эгиды» и слышал каждое их слово.

— Ты... — Алиса вскинула магнитную винтовку, всаживая приклад в бронированное плечо и целясь Стилету прямо в грудь.

Тот лишь примирительно поднял закованную в композит ладонь, не проявляя ни капли страха перед смотрящим на него черным раструбом ствола.

— Полегче, кэп. Полковник Звягинцев — человек дальновидный, — Стилет сделал шаг из густой тени колонны на тусклый свет. Его лицо, до этого момента скрытое поднятым визором и полумраком, теперь казалось непривычно жестким, лишенным привычной маски ироничного трашпера.

Алиса не убирала палец со спуска, но в её холодном взгляде секундное боевое замешательство сменилось чистым шоком. Атмосфера воздуха, пропитанная гарью и жженым озоном после взрыва плазменного крио-разряда, казалось, окончательно превратилась в монолитный

лед. Даже булькающие стоны приходящих в себя ученых на мгновение стихли, словно само Искажение прислушивалось к этому признанию.

— Он просчитал, что в суматохе перед рейдом вы не успеете поговорить, — продолжал Стилет, игнорируя направленный в грудь ствол. — И он прекрасно понимал, что огневой мощи вашего отряда может не хватить против того, что здесь развернули Призраки. Именно поэтому он нашел нас в «Штольце» три дня назад.

Алиса медленно, почти механически опустила ствол винтовки. Кончик магнитного компенсатора с хрустом уткнулся в ледяную крошку, но пальцы в кевларовых перчатках всё еще судорожно сжимали рукоять.

— Ты хочешь сказать, что это он вас нанял? — её голос в локальном эфире прозвучал глухо.

— Именно, — кивнул Стилет, и в его осанке проступила та самая жесткая армейская выправка, которую так трудно скрыть элитному оперативнику под изношенной броней вольного бродяги. — Звягинцев понимал, что официально он не может вмешиваться в директивы генерала Корчагина. Подковерные игры Оплота — штука тонкая: один неверный шаг, и трибунал пустит в расход. Поэтому он подослал нас — «вольных» ребят, которые не боятся переохладения и крови, и главное — не связаны жестким уставом «Эгиды».

Он на мгновение замолчал, глядя на Чёрного, который всё это время пытался осознать масштаб многоходовой партии полковника. Теперь становилось кристально ясно, почему Стилет так вовремя возник на горизонте и почему его группа действовала с хирургической точностью там, где обычные искатели изолятов давно бы дали деру.

— Его контракт звучал коротко: «Ермолова должна дойти до цели и вернуться. Чего бы мне это ни стоило», — Стилет сделал небольшую паузу, давая словам осесть в сознании Алисы. — Так что мы здесь не за дорогими изолятами и не за дешевой славой, ребята. Мы — ваш скрытый второй эшелон. Подарок от старого друга, который всегда спокоен только потому, что у него на каждый случай есть план «Б».

Слова Стилета прозвучали в мертвой тишине депо как финальный аккорд. Стало понятно, что миссия по захвату «Семерки» с самого начала была лишь частью сложной, многоуровневой схемы, где фигуры Звягинцева двигались в тени официальных приказов генералитета.

Алиса стояла неподвижно, переводя тяжелый взгляд с Чёрного на Стилета. В застоявшемся воздухе депо, где запах озона смешивался с вонью старой синтетики и крови, картинка наконец сложилась в единое, пугающее целое. Вся подозрительная удачливость группы вольных трапперов, их феноменальная осведомленность и умение оказываться в нужном месте в самую критическую долю секунды — всё это было элементами невидимого щита, который выстроил вокруг них Звягинцев.

— Привет от старых друзей... — почти неслышно прошептала она, и колоссальное напряжение в её бронированных плечах впервые за последние часы начало спадать. — Значит, он всё-таки прикрыл нам спину. Даже из-за Стены.

— И продолжает прикрывать, — Стилет коротко кивнул в сторону темного, скованного льдом зева коллектора, откуда тянуло сыростью и абсолютным нулем. — Но сейчас кончаем дебаты. Тихий только что сбросил телеметрию: впереди по маршруту фазовые растяжки. Тончайшая работа Призраков. Если не деактивируем их сейчас — ни один гениальный план полковника нам уже не поможет, превратимся в пустые оболочки прямо на марше.

Алиса резко обернулась к остальным. Макар, Спец и Кот замерли у растрескавшихся бетонных блоков, выставив стволы в сизые сумерки Индустриального ада. За их спинами, прижавшись друг к другу на ледяном полу, сидели перепуганные исследователи корпуса Громова; их лица под тусклым светом фонарей казались белыми пятнами, лишёнными всякой надежды. Тяжелая пехота «Эгиды» была слишком далеко, чтобы разобрать детали разговора по защищенному каналу, но они по-собачьи чутко уловили перемену в настроении своего командира. Гул Искращения в депо стал тише, но само ожидание — еще тревожнее.

Чёрный чувствовал, как ледяное онемение в руке сменяется колючим, болезненным покалыванием. Он понимал: доверие в Искращении — валюта невероятно дорогая, а доверие, купленное ценой жизни под фазовым ударом, — бесценно. Теперь они были не просто двумя разрозненными группами, идущими по одному промерзшему следу. Они стали шестеренками одного смертоносного механизма, запущенного человеком, который видел саму Пустоту как гигантскую шахматную доску.

Алиса подошла к Чёрному почти вплотную. Её взгляд сквозь поднятый визор, прямой и лишённый привычной командирской маски офицера «Эгиды», был намертво прикован к его глазам. Голос звучал приглушенно, едва различимо на фоне тяжелого, хриплого дыхания приходящих в себя исследователей Громова.

— Чёрный, — произнесла она, и в этом обращении сейчас было больше доверия, чем в любом зашифрованном приказе штаба. — Мы не можем тащить Громова и остальных дальше. Если за нами охотятся эти фазовые ублюдки в светопоглощающих плащах с их Прототипом, ученые превратятся в ходячие мишени. Это обуза, которая просто утащит нас всех на дно Бездны прямо на марше.

Чёрный молча слушал, пробуя нащупать контроль над правой рукой в углеродной броне. Пальцы отзывались тупой, тягучей болью, словно в них крошилось стекло, но уже медленно подчинялись воле хозяина. Механика тела возвращалась в строй, пусть и через колоссальное усилие.

— Согласен, — кивнул Траппер, не отрывая взгляда от бледного, покрытого лопнувшими сосудами лица Громова. — Раз уж Стилет здесь официально от нашего «старого друга», пора воспользоваться его неформальными связями по полной. Нам нужно сбросить балласт перед решающим рывком к Стеклянным торосам. Лишний груз сейчас — это гарантированная смерть во льдах.

Алиса резко развернулась к Стилету. В её бронированной осанке снова проступила та властная, ледяная жесткость, которая заставляла ветеранов «Эгиды» беспрекословно шагать в ледяной мир.

— Твои люди могут выйти на Звягинцева по закрытому каналу напрямую? — спросила она, чеканя каждое слово, словно вбивая гвозди в мерзлый бетон. — Мне нужно, чтобы научный корпус эвакуировали. Прямо сейчас. Без штабных протоколов и лишней волокиты.

Стилет, сохранив на лице под визором тень понимающей, хищной ухмылки, коснулся сенсоров нейрокомлинка на шлеме. В его скупом жесте сквозила уверенность профессионала, который привык решать невыполнимые топологические задачи.

— У полковника развёрнут скрытый мобильный пост на самой границе Холодильника и Северного рубежа. Элитный резерв на тяжелых ледовых краулерах, ждут только зеленого сигнала, — ответил вольный, уже перебирая шифрованные частоты связи. — Если я дам отмашку, они перехватят «профессуру» в Секторе 4. Проскочат по льду быстро, Призраки не успеют даже инициировать излучатели.

— Действуй, — отрезала Вдова.

Она глубоко вздохнула через фильтры системы дыхания, словно сбрасывая с композитных наплечников невидимый, неподъемный груз Искажения, и её голос металлическим эхом разнесся под искривленными сводами депо, принимая командование уже в новом, куда более бескомпромиссном качестве.

— Кот! Ко мне! Живо!

Воздух будто наэлектризовался чистым озоном. Отряд начал мгновенную тактическую перестройку — теперь, когда им не нужно было служить няньками для полумертвых гражданских, измотанные, залитые кровью и синтетикой штурмовики превращались в компактный и смертоносный кинетический кулак, нацеленный прямо в сердце Стекланных торосов.

Боец подбежал мгновенно, на ходу проверяя фиксаторы брони и настороженно поглядывая на Стилета. В его глазах под стеклом шлема всё еще читалось параноидальное недоверие к «вольным» трапперам, которые так внезапно стали их единственными союзниками по негласной воле полковника.

— Слушаю, кэп, — коротко бросил он, замирая перед Алисой.

— Берешь Спеца — у него кинетика брони после перестрелки сбоит, — и ведешь учёных к четвертому сектору, — голос Алисы в эфире звучал как сухой ляг затвора. — Там вас встретит элита Звягинцева на тяжелых ледовых краулерах. Сдашь Громова лично в руки офицеру связи и сразу возвращайтесь в «Штольц». Твоя задача — сберечь их от обморожения и тварей любой ценой. Понял?

Кот на секунду замешкался, переводя взгляд из-под визора на Чёрного и Стилета, но армейская дисциплина взяла верх над паранойей.

— Принято. Сделаем, кэп.

— Отлично, — Вдова обернулась к остальным. Она окинула взглядом Чёрного, Стилета, Форса и Тихого, который бесплотной тенью возник из густого мрака за их спинами. — Теперь

нас восемь. Мы налегке. Стилет, веди. Теперь мы идём не по официальным директивам генералитета, а так, как учил Звягинцев: быстро, жестко и без лишних глаз.

В этот момент, когда Кот уже начал уводить сторбленную цепочку выживших к пролому, один из исследователей — пожилой ассистент Громова с разорванным воротом термокомбинезона — вдруг вырвался из хватки Спеца. Он ломаной, нетвердой походкой подбежал к Алисе и судорожно, почти ломая обмороженные ногти о кевлар, вцепился в её локоть. Его пальцы дрожали, а в выжженных Искажением зрачках застыл запредельный, квантовый ужас.

— Послушайте... капитан Ермолова, послушайте меня! — прохрипел он, едва не падая на лед. — Эти существа... Пространственные Призраки... это уже не биология. Внутри них не осталось ничего человеческого, только чистый фазовый код Пустоты.

Он захлебнулся тяжелым, лающим кашлем, выплевывая на бетон сгустки синтетики, но не отпустил бронированную руку Алисы, с нечеловеческой силой притягивая её ближе к себе.

— «Семерка» — это не просто деструктор. Это топологический ключ доступа. Если кукловод донесет Прототип до Стекланных торосов и интегрирует его в архивы «Модуля Вектор»... всё закончится. Они синхронизируют излучение комплекса «Мираж» с данными научного ядра. Искажение не просто расширит свои границы — Холодильник превратится в одну гигантскую фазовую сеть, а каждый житель Оплота станет Стертым. Весь наш мир превратится в лед и таких же марионеток! Не дайте ему уйти по коллекторам!

Алиса на мгновение замерла, глядя сквозь визор на несчастного, чьи слова прозвучали в мертвой тишине депо как окончательный приговор всему человечеству. Она осторожно, но непреклонно высвободила руку из его стальной хватки.

— Мы не дадим. Идите к транспорту, — тихо, но с абсолютным металлом в голосе ответила она.

Ассистента увлекли в сизую мглу к выходу, а в цеху воцарилась тяжелая, сдавливающая виски тишина. Стилет лишь поправил композитную перчатку и проверил фиксацию высококачественного виброножа на бедре. Его скрытое маской лицо не выражало ни малейшего удивления — казалось, этот «вольный» оперативник знал об архитектуре планов Бездны гораздо больше, чем было положено по его легенде.

— Ну что, — Стилет посмотрел на Чёрного, — слышал научника? Теперь это не просто рейд за экспериментальной игрушкой. Это гонка на выживание всего Оплота. Нам нужно форсировать марш, пока этот кукловод не дернул за все фазовые ниточки разом.

Точка перегруппировки

Алиса медленно обвела штурмовую группу взглядом. В тусклом, мерцающем неоновом свете вымороженного депо, насквозь пропитанном запахом жженого озона и переохлажденной синтетики, она казалась вылитой из черного льда и стали. Несмотря на глубоко разорванный кинетический комбинезон и изматывающую фазовую усталость, командир выпрямилась, обретая то ледяное, спокойствие, которое всегда предшествует решающему квантовому шторму.

Расстановка сил теперь была предельно ясной. Сбросив балласт, группа превратилась в компактный, но невероятно смертоносный кинетический кулак. Четверо людей Алисы — она сама, тяжелый штурмовик Макар, медик Фотон и техник Умник — составляли костяк «Эгиды». Им в тактическую поддержку шли трое элитных оперативников Звягинцева — Стилет, Форс и Тихий.

— И наш общий Чёрный, — подытожила Вдова, и в её голосе, прозвучавшем в локальном эфире, скользнула едва уловимая, горькая ирония. В этом кратком признании читалось всё: и пройденные вместе ледяные пустоши, и четкое понимание того, что именно этот Траппер со своей вымороженной психикой сейчас является их главным козырем.

Стилет, поправив лямки тяжелого штурмового рюкзака, коротко и хищно усмехнулся под визором. Для него присутствие Чёрного в отряде было своеобразным страховым полисом — гарантией того, что в критическую долю секунды чья-то нечеловеческая, холодная воля прикроет их затылки.

Чёрный не стал тратить время на лирику. Перехватив левой рукой тяжелый магнитный коротковол, он прислушался к ощущениям в правом плече. Колючий, синтетический жар, сменивший ледяной паралич, подтверждал: нейро-блокатор работает, а нервные окончания медленно оживают. Рука возвращалась в строй, хоть и неохотно, отзываясь разрывающей болью на каждое микро-движение.

Вид её под разорванным рукавом углеродной брони был жутким: кожа приобрела мертвенно-бледный, почти прозрачный фарфоровый оттенок, на фоне которого рельефно выделялись черные, вздувшиеся вены. Плазменный крио-разряд оставил на предплечье ветвистый, пульсирующий фиолетовым неоновым фрактальный ожог — след чистого Искажения, который теперь бился в такт пульсу. Когда Траппер с огромным трудом сжал кулак, обмороженная кожа на костяшках натянулась до белизны, а по мышцам пробежала мелкая, неконтролируемая судорога. Рука «оттаивала», но цена этой дефибрилляции была высокой: каждый миллиметр плоти прошивало сотнями раскаленных игл. И всё же, пальцы уже могли уверенно обхватить рифленую рукоять пистолета, и для Чёрного это было единственным, что имело значение.

Основное внимание бойцов переключилось на Умника. Техник уткнулся в голографический экран фазового пеленгатора, который в этой зоне аномальной активности вел себя как бьющееся в агонии живое существо — пищал, сбоил и захлебывался от потока метрики с внешних датчиков. Топологическая карта Трясины на подходах к Стеклянным торосам переливалась агрессивными красными и черными паттернами.

Ситуация в Трясине выглядела критической. Фазовый фон на подступах к «Модулю Вектор» пульсировал, словно лихорадочный бред Бездны. Умник быстро пояснил: такая нестабильность означала, что стационарные излучатели научного комплекса либо работают с перебоями, либо Призрак уже активно пытается перехватить над ними прямой квантовый контроль. Эти пульсации давали отряду крохотное окно возможностей — если двигаться в строгом синхроне с затуханием фазовых волн, можно было проскочить под радарными кукловода, оставаясь в «слепой зоне» его ментального сканирования.

— В Трясине сейчас топологический хаос, — коротко резюмировал Умник, не поднимая головы от визора прибора. — Но если пойдём напрямик через ледяные топи, сможем проскочить барьер.

— Но там обитает Морок, — напомнил Макар, с тяжелым металлическим лязгом проверяя блок со шлаковыми зарядами в своем роторном пулемете. Его голос звучал как удар молота из-под бронемаски. — Последние три элитных отряда Легатов, что пытались там пройти, не оставили даже ДНК для опознания. Трясина их просто пережевала и выплюнула искореженный композит в мерзлую тину.

— Морок — это не просто переросток из Пустоты, — нервно сглотнув, подтвердил Умник. — Это гигантский нейро-левиафан. Он генерирует вокруг себя колоссальное фазовое поле фантомов. Эта тварь буквально взламывает подкорку и нейроинтерфейсы, вытаскивая наружу ваши самые глубокие, параноидальные страхи, и превращает их в осязаемые иллюзии. Люди, попавшие на его территорию, просто сходят с ума. Они расстреливают друг друга в упор, свято веря, что отбиваются от стай Бестий или Стертых.

— Морок реагирует на ментальный шум и всплески адреналина, — Тихий, который до этого стоял неподвижно и бесшумно, как вмерзшая в лед тень, наконец подал голос. От его ровного, математически выверенного тона, лишённого любых эмоций, по спине невольно пробежал колючий мороз. — Если пойдём в «глухом» режиме, по кромке замерзшей воды, и не будем открывать огонь по всему, что мерещится в фиолетовом тумане — проскочим. Он видит ваш страх. Он слышит, как от паники дрожит ваше железо. Отключите эмоции. Станьте просто куском мертвого льда, частью самой Трясины, и он вас не заметит.

Алиса коротко кивнула, принимая этот фатальный риск.

— Решено. Идем через Трясину. Отряд, внимание! Теперь мы — единый механизм. Никаких «Эгида» или «Вольные». Если кто-то падает на лед — вытаскивают все. Если кто-то открывает огонь — кроют все. Двигаем к переходу.

Штурмовая группа начала медленно, след в след выбираться из промерзшего чрева депо. Снаружи Индустриальный ад Холодильника встретил их мертвенной, сдавливающей виски тишиной, которая казалась куда страшнее грохота магнитных винтовок. Пустые, искаженные гравитационной аномалией глазницы вмерзших в лед цехов, казалось, провожали их тяжелым, немигающим взглядом самой Бездны. Где-то наверху, под порывом токсичного ветра, сиротливо и протяжно, с режущим слух визгом заскрипел кусок оторванного кинетического щита, перекрывая тяжелый хруст композитных ботинок по ледяной крошке.

Этот звук, пугающе похожий на далекий, предсмертный хрип Стертого, многократным эхом прокатился между вывернутыми наизнанку стальными конструкциями. Чёрный почувствовал, как переохлажденный воздух вокруг снова становится неестественно вязким и густым. Где-то в глубине сизого мрака, со стороны заблокированного Призраком коллектора, начал нарастать странный, едва уловимый акустический гул — парадоксальная смесь низкого рокота и статического шелеста, словно тысячи сухих, мертвых крыльев одновременно пришли в движение в ледяном вакууме.

Искажение не собиралось отпускать их просто так; Пустота словно пробовала отряд на вкус, взвешивая их страх, прежде чем вытолкнуть на открытое, пропитанное фантомами пространство Трясины.

Стилет на долю секунды замер, хищно прислушиваясь к этому нарастающему шуму, и его закованные в кевлар пальцы чуть крепче сжали рифленую рукоять магнитного коротковолна.

— Слышите? — не оборачиваясь, бросил вольный в закрытый эфир. — Гости уже на подходе. Холодильник прощается с нами по-своему.

Трясина

Штурмовая группа тронулась в путь. Восемь закованных в композит теней, слившихся в единый, настороженный механизм, бесшумно скользнули вниз, в сторону ледяной низменности. Там, за обледенелой чертой Индустриального ада, уже начинал клубиться густой, пульсирующий фиолетовым неоновым туман Стекланных торосов — токсичное дыхание Трясины, не знающей покоя. Воздух здесь мгновенно изменил свою плотность: он стал тяжелым, как жидкий азот, пахнущим переохлажденным аммиаком и едкой статикой, словно за долю секунды до удара плазменного разряда.

Когда отряд ступил в пределы Трясины, видимость схлопнулась до десяти метров. Искривленный мир вокруг окончательно перестал подчиняться законам физики и топологии. Звуки начали ломаться и вязнуть, подчиняясь парадоксальной акустике фазового поля Морока: Чёрному казалось, что тяжелый хруст промерзшей ледяной корки под ботинками раздается не снизу, а где-то высоко над головой, в мерцающем фиолетовом небе, словно по вывернутому наизнанку небосводу ступал невидимый левиафан.

Фиолетовая взвесь оказалась не просто испарениями замерзших химикатов. Это была плотная, пропитанная антиматерией субстанция, которая легко игнорировала любые нейрофильтры защиты и просачивалась сквозь углеродную броню прямо в подкорку, переписывая саму реальность.

— отряд... держать строй... — голос Алисы в нейроинтерфейсе вдруг дрогнул, начал неестественно растягиваться и распадаться на цифровой шум, превращаясь в чудовищное, низкочастотное гудение, полностью лишённое человеческого смысла.

Чёрный резко потрянул шлемом, пытаясь отогнать вязкое, обволакивающее оцепенение, которое взламывало волю быстрее, чем убийственный холод Холодильника. В этот критический момент правая рука, истерзанная плазменным крио-разрядом, сквозь нейро-блокатор отозвалась такой острой, разрывающей вспышкой боли, что под визором на мгновение полыхнуло ослепительно-белым. Но именно эта живая, первобытная агония выжженных нервных окончаний выдернула Траппера из фазового транса Морока, сработав как прямой разряд дефибриллятора в замерзающее сердце.

Оглянувшись назад, Чёрный почувствовал, как внутри, в самом желудке, всё обрывается в ледяную пропасть. Холод, колючий и безнадежный, разлился по венам, когда он осознал чудовищную глубину ментальной ловушки. Идущие за ним бойцы больше не походили на элитную штурмовую группу — в этом пульсирующем неоновом мареве их бронированные фигуры начали терять геометрическую четкость, распадаясь на пиксели и размываясь по краям, словно голограммы при падении напряжения. Их движения стали рваными, стробоскопическими и неестественными, как у сломанных марионеток, чьи фазовые нити перепутались в невидимых щупальцах Морока.

Чёрный похолодел еще сильнее: архитектура пространства сломалась, и ему на долю секунды почудилось, что он стоит не на льду Трясины, а на самом дне циклопической, сужающейся гравитационной воронки, которая медленно схлопывается внутрь самой себя. Всё искривленное пространство вокруг превратилось в одну гигантскую, медленно пережевывающую их нейронную пасть. Искажение больше не скрывало своего присутствия — Трясина начала методично переваривать их разум, стирая личности и превращая каждого в пустую оболочку, в еще одного безмолвного Абсолюта, навеки вмерзшего в этот фиолетовый туман.

Макар стоял, превратившись в застывший во льду монумент безумия. Он намертво замер, уставившись в непроницаемую стену фазовой взвеси, и медленно, с ужасающей механической точностью поднимал тяжелый роторный шлакострел, словно наводя его на призрачную армию надвигающихся Бестий. Его глаза под прозрачным забралом шлема превратились в две пустые, бездонные лунки, в которых Морок уже выжиг дотла всё человеческое присутствие.

Рядом Стилет, полностью потеряв свою ледяную хватку оперативника, вжался бронированной спиной в вывернутый наизнанку, вмерзший в землю стальной швеллер. Он что-то исступленно шептал в отключенный микрофон, в кровь сдирая кевлар и кожу на пальцах о ржавый металл, маниакально надеясь нащупать пространственную брешь, скрытую дверь, ведущую прочь из этого ада.

Даже Тихий, этот невозмутимый человек-тень, потерял ментальную опору — он застыл в неестественной защитной стойке, выставив перед собой высокочастотный вибронож, и наносил яростные, слепые удары по пустоте, ведя смертельный бой с фантомами, которых Морок безжалостно вырвал из его собственного отравленного подсознания.

— Всем стоять! — рявкнул Чёрный, но его крик, способный в обычных условиях перекрыть грохот боя и поднять в атаку целую штурмовую роту «Эгиды», здесь превращался в едва различимый, жалкий шелест ветра в промерзших торосах. Нейро-поле Морока жадно поглощало любые акустические волны, пережевывая их в глухой, давящий на барабанные перепонки статический шум.

Он бросился к Алисе, физически чувствуя, как искривленная реальность выскальзывает из-под бронированных ботинок. Вдова уже успела сорвать тяжелый композитный шлем, безрассудно подставляя бледное лицо липкому, пульсирующему фиолетовым неоновым туману Трясины. Её взгляд, обычно бритвенно-острый и расчетливо-холодный, теперь был намертво устремлен на Чёрного, но она видела перед собой отнюдь не напарника.

— Звягинцев?.. Полковник, почему вы... почему вы заживо горите во льду? — её голос, сорвавшийся на жуткий, булькающий хрип, был насквозь пропитан таким запредельным, невыносимым квантовым ужасом, какой бывает только у людей, заглянувших за горизонт событий Бездны. Она судорожно потянулась к кобуре с магнитным пистолетом, и этот автоматический, продиктованный фантомом жест был гарантированным смертным приговором для них обоих.

Чёрный навалился на неё всем весом своей брони, жестко перехватывая руки. Его собственный мозг, выжженный годами выживания в самых гиблых пространственных карманах Холодильника, защищенный мутациями от «Слезы Пустоты» и дополнительно «прибитый» недавним ударом плазменного крио-разряда, сопротивлялся направленному фазовому излучению левиафана на одном лишь чистом, первобытном упрямстве. Пока остальные бойцы отряда с головой тонули в гиперреалистичных кошмарах, он один видел истинную топологию места:

смердную, замерзающую на лету токсичную жижу под ногами, вздувшиеся, вмерзшие в сизый лед трупы пропавших Легатов, и свой элитный отряд, который на глазах превращался в сборище слепых, запрограммированных на суицид манекенов.

— Фотон! — заорал Траппер, краем глаза заметив, как штатный медик тяжело рухнул в радиоактивную грязь неподалеку. — Фотон, мать твою, ты нужен здесь! Пробей этот морок, приди в себя!

Но медик бился в жестоких, ломающих суставы конвульсиях, неестественно выгибаясь на льду. Его пальцы в кевларовых перчатках, привыкшие к ювелирной работе с нейро-скальпелем и коагулянтами, теперь безумно впивались в ядовитую жижу Трясины, с хрустом вырывая куски мерзлого дерна. Лицо Фотона под прозрачным забралом превратилось в застывшую маску агонии, изо рта сквозь клапаны фильтров толчками пошла густая, фосфоресцирующая розовая пена.

— Ч-чёрный... — прохрипел медик, выплевывая эти слова вместе со сгустками синтетики и крови. Каждое произнесенное слово давалось ему ценой невероятного, разрывающего аорту усилия воли, пока левиафан потрошил его разум. — В левом... наружном отсеке... синие ампулы... Нейро-блокатор «Абсолют»... Коли... всем... прямо в сонную артерию... А-а-а-а! С-сука, оттащите, оттащите от меня эти тени!

Полный животного ужаса крик медика мгновенно утонул в густом фиолетовом мареве Трясины. Он лежал, содрогаясь всем телом от ударов невидимых тварей, а его закованная в броню рука всё еще судорожно сжимала титановый медицинский кейс — их самый последний, крохотный шанс не стать вечной частью этого токсичного тумана.

Фотона снова выгнуло дугой, да так сильно, словно через его экзоскелет пропустили высоковольтный плазменный импульс. С нечеловеческим усилием, уже окончательно проваливаясь в бездонную, ревущую черноту фазового шторма, он из последних сил толкнул тяжелый медицинский кейс по льду в сторону Чёрного. Это было последнее осмысленное движение живого человека — в следующую долю секунды Фотон безвольно обмяк, превращаясь в пустую, захлебывающуюся собственными кошмарами оболочку.

Чёрный рванул магнитный замок кейса уцелевшей левой рукой, едва не выломав титановые крепления. Внутри, в стерильном нутре противоударного ложемент, холодным, почти потусторонним спасительным светом пульсировали те самые ампулы. Нейро-блокатор «Абсолют» выглядел как сжиженный неоновый свет, единственное чистое, математически правильное пятно в этом царстве искривленной физики и тотального распада.

— Сейчас, Алиса, только держись... — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, выхватывая первый пневматический шприц-инжектор.

Но искривленное пространство вокруг уже начало со звоном разлетаться на куски. Макап не просто бредил — ведомый иллюзиями Морока, он начал плавно водить черным раструбом шлакострела, описывая медленную, неотвратимую и смертоносную дугу прямо в сторону своих боевых товарищей. Форс, с перекошенным от первобытного ужаса лицом, вскинул свою дальнобойную магнитную винтовку прямо на Тихого, явно видя перед собой в фиолетовой взвеси не напарника-«вольного», а очередную кошмарную тварь Пустоты. Стекланный от мороза воздух буквально звенел от кинетического напряжения; каждая миллисекунда в раскаленной

голове Чёрного превратилась в оглушительные удары кузнечного молота. Если не всадить дозу препарата каждому из бойцов в течение следующей минуты, ледяные топи Стеклянных торо-сов окрасятся не в неоновый, а в ярко-багровый цвет кипящей крови.

Времени на раздумья, уговоры или тактические маневры не осталось. Палец тяжелого штурмовика Макара на спусковом крючке уже начал белеть от колоссального напряжения, выбирая свободный ход. Еще одно короткое мгновение — и циклопический роторный шлако-стрел превратит их всех в кровавое месиво, навсегда перемешанное с промерзшей болотной тиной.

Полностью игнорируя вспышки ослепительной, парализующей боли в правой руке, кото-рая теперь казалась вбитым в плечо раскаленным вольфрамовым штырем, Чёрный рванулся вперед. Он летел сквозь липкий, сопротивляющийся движению фазовый туман, как броней-ный снаряд. Используя всю колоссальную инерцию своего тела и тяжелой углеродной брони, он на полном ходу врезался в массивную фигуру пулеметчика, нанося короткий, сокрушительный удар тяжелой рукоятью магнитного короткостволы точно под основание композитного шлема.

Макар, этот скалоподобный тяжелый штурмовик «Эгиды», пошатнулся. Из-под его шлема вырвался глухой, нечеловеческий хрип, и он тяжело завалился в промерзшую, чавкаю-щую токсичную жижу Трясины.

Чёрный мгновенно навалился сверху, вдавливая гиганта в лед всем весом своей компо-зитной брони. Срывая непослушными пальцами защитный клапан, он вогнал титановую иглу пневмо-инжектора прямо в уязвимый стык кевларовых пластин на шее. Клапан сухо щелкнул, впрыскивая сжиженный неоновый свет нейро-блокатора в вену штурмовика.

Вокруг продолжался фазовый ад: сдавленные крики, скрежет перегруженных сервопри-водов и статический шепот теней, которые становились всё плотнее в фиолетовом мареве. Чёр-ный тяжело дышал через фильтры, чувствуя, как антимагнетика пытается взломать его собствен-ную ментальную защиту, пока он вслепую тянулся за следующей ампулой.

— Лежи, здоровяк, — прорычал Траппер, чувствуя, как под его бронированным коленом стальная хватка Макара наконец слабеет, а смертоносная фазовая судорога отпускает массив-ное тело бойца.

Но передышки не было. Следующей в очереди была Алиса, и она уже переступила черту полного распада личности. Вдова выхватила свой магнитный короткоствол с быстротой, отто-ченной годами тренировок, но в её выжженных, расширенных зрачках отражался не Чёрный, а какой-то запредельный, пылающий квантовый ужас.

— Полковник, назад! Не подходите к Искажению! — закричала она, срывая голос в хрип. Черный раструб её оружия взметнулся вверх, целясь в пустоту прямо перед визором Чёрного.

Траппер среагировал на инстинктах, выкованных в сотнях ледяных рейдов. Короткий выпад, перехват закованной в полимер кисти — и он жестко заломил её руку за спину. В мерт-венной, звенящей тишине Трясины сквозь треск статики отчетливо прозвучал опасный хруст в суставе. Алиса вскрикнула, но Чёрный не ослабил железную хватку. В Бездне жалость всегда была равна смерти.

— Это я, Алиса! Чёрный! Смотри на меня, пробей этот морок! — он буквально впечатал её спиной в скользкий, покрытый сизой изморозью остов вмерзшего в землю промышленного краулера, лишая любой возможности маневра.

Свободной левой рукой он выхватил следующий инжектор. Холодное свечение препарата на мгновение отразилось в её безумных глазах, прежде чем игла с шипением вошла в пульсирующую артерию. Действие нейро-блокатора было почти мгновенным: её зрачки на долю секунды закатились, напряженное, как натянутый стальной трос, тело в композите обмякло, и она медленно сползла по обледенелому металлу вниз, судорожно заглатывая переохлажденный воздух.

Чёрный не дал ей полностью провалиться в ледяное забытие. Подхватив Вдову за бронированные плечи, он наспех натянул ей на голову тяжелый шлем, с силой защелкнув магнитные фиксаторы. Герметичный щелчок системы отрезал её от прямого контакта с липкой, фиолетовой взвесью, давая синтетике внутри крови шанс выжечь из нейронов остатки фазового кода левиафана.

Оставив её приходить в чувство под надежной защитой внутренних фильтров, Чёрный резко обернулся к остальным. Над мертвыми топиями Стекланных торосов всё так же висел удушливый, пульсирующий туман, но теперь в этом неоновом аду он остался единственным, кто всё еще крепко держал в руках искривленные нити реальности. Его пробитая плазмой правая рука горела первобытным огнем, пистолет казался неподъемным свинцовым слитком, а в открытом титановом кейсе оставалось еще несколько спасительных ампул.

Остальные. Стилет и его группа застряли в самом эпицентре токсичного марева, где фиолетовый туман был настолько плотным, что казался сжиженным газом. Форс, с лицом, перекошенным от первобытного ужаса под визором, уже вскидывал магнитную винтовку, целясь в Тихого — в его взломанном Мороком мозгу напарник превратился в когтистую Бестию, вынырнувшую из глубин промерзшей топи.

Чёрный рванулся к ним, работая на чистом, обжигающем адреналине, который вытеснял из сознания и боль от плазменного ожога, и статический шепот фазовых волн. Он влетел в Форса как кинетический снаряд: короткий, жестокий удар под дых заставил вольного согнуться, выбивая ледяной воздух из легких вместе с безумным криком. Мгновение — и титановая игла пневмо-инжектора с синим неоном вошла в шею бойца.

Не дожидаясь, пока Форс тяжело осядет на лед, Чёрный совершил нечеловеческий рывок к Тихому. Разведчик, чьи тактические инстинкты работали даже в состоянии глубокого нейротранса, среагировал мгновенно — он полоснул высокочастотным виброножом по воздуху ровно там, где микросекунду назад была грудная пластина Чёрного. Траппер чудом ушел в сторону, чувствуя, как смертоносное лезвие обдает холодом кевлар, и тут же сбил Тихого с ног выверенной подсечкой. Короткий сухой щелчок поршня — и разведчик затих, обмякнув в токсичной жиже. Попутно Чёрный успел всадить спасительную дозу и бьющемуся в параноидальном припадке у швеллера Стилету.

Последним оставался Умник. Зрелище было пугающим в своей гротескной абсурдности: техник сидел на корточках в мерзлой грязи и с маниакальным упорством пытался буквально выгрызть зубами голографический экран собственного фазового пеленгатора, пуская кровавую слюну на обнаженные микросхемы. Чёрный не стал тратить время на хирургическую точ-

ность — он мертвой хваткой вцепился в воротник его термокомбинезона, жестоко встряхнул и наотмашь всадил последнюю ампулу «Абсолюта» прямо в плечо, пробивая плотную полимерную ткань.

Чёрный замер, тяжело и хрипло дыша через забитые фильтры. Вокруг него в пульсирующем неоновом мареве лежали закованные в броню тела его товарищей — неподвижные, но наконец-то свободные от чужого кода и живые. Квантовый шторм левиафана всё еще ревел в подкорке, туман антиматерии пытался просочиться под углеродную защиту, а в пустом титановом кейсе не осталось больше ни капли спасительного синтетика. Он был один против всей раздавливающей мощи Трясины, и тактический хронометр на визоре неумолимо отсчитывал секунды до того момента, когда нейро-блокатор начнет терять эффективность.

— Вставайте... — прохрипел он в абсолютную пустоту, с хрустом сжимая в руке пустой инжектор. — Вставайте, мать вашу, нам нельзя оставаться на льду

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.